

ISSN 2414-4452

PHILOLOGY

International scientific journal

№ 2 (8), 2017

Founder and publisher:
Publishing House «Scientific survey»

The journal is founded in 2016 (January)

Volgograd, 2017

UDC 8
LBC 72

PHILOLOGY

International scientific journal, № 2 (8), 2017

The journal is founded in 2016 (January)
ISSN 2414-4452

The journal is issued 6 times a year

The journal is registered by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications.

Registration Certificate: III № ФС 77 – 62764, 18 August 2015

EDITORIAL STAFF:

Head editor: Musienko Sergey Aleksandrovich

Executive editor: Manotskova Nadezhda Vasilyevna

Dmitrieva Elizaveta Igorevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of Department “Foreign languages - 5”

Ansimova Olga Konstantinovna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
of the Chair of Russian language

Atamanova Natalia Viktorovna, Candidate of Philology, Associate Professor
of the Russian Language Department

Authors have responsibility for credibility of information set out in the articles.
Editorial opinion can be out of phase with opinion of the authors.

Address: Russia, Volgograd, Angarskaya St., 17 "G"

E-mail: sciphilology@mail.ru

Website: <http://sciphilology.ru/>

Founder and publisher: Publishing House «Scientific survey»

УДК 8
ББК 72

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал, № 2 (8), 2017

Журнал основан в 2016 г. (январь)
ISSN 2414-4452

Журнал выходит 6 раз в год

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77 - 62764 от 18 августа 2015**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук, доцент кафедры "Ино-
странные языки - 5"

Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка, Новосибирский государственный технический университет

Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского
языка

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

Адрес редакции: Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
Website: <http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

CONTENTS

Philological Sciences

<i>Boborykina T.A.</i> THE SECRET SOURCE OF HUMOR	8
<i>Kuzmina M.I.</i> SEMANTIC VOLUME OF MONASTERY CONCEPT IN THE POEM <i>A YEAR IN A MONASTERY</i> BY A.N. APUKHTIN.....	11
<i>Kur-Kononowicz J.</i> ABOUT PLACE SYMBOL IN THE S.A. YESENIN'S POETRY	15
<i>Shibayeva N.B.</i> THE FRAME OF "LIVING HONESTLY" AS A BASIS OF MORALITY IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE (ON THE EXAMPLE OF <i>NEDOBROYE DELO</i> BY A.P. CHEKHOV)	18
<i>Shirinova R.Kh.</i> THE PRACTICE OF CREATING AUDIOVISUAL DICTIONARY OF WORDS OF NATIONAL CULTURE	22
<i>Yurina E.A.</i> LEXICAL-GRAMMATICAL MEANS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF THE FRENCH-LANGUAGE ADVERTISING SLOGAN	27
<i>Yakhyoyeva Z.M.</i> LEXICAL MEANING AND CONCEPT IN LINGUISTIC SCIENTIFIC INTERPRETATION	30

Russian Literature

<i>Gavrilchenko O.V.</i> TYPES AND FUNCTIONS OF STAGE DIRECTIONS IN A.S. PUSHKIN'S DRAMATIC ART (BASED ON THE MATERIAL OF <i>BORIS GODUNOV</i> TRAGEDY).....	32
<i>Kopteva G.G.</i> A WATER COMPLEX OF THE LYRICAL POET VASILY FEODOROV' S IDEAS	36
<i>Panova A.S.</i> V.V. MAYAKOVSKY AND THE CHURCH: THE WORK IN 1920-S	40
<i>Saunkin P.S.</i> N.F. FYODOROV'S PHILOSOPHY IN J. BALTRUŠAITIS'S OEUVRE	43

Literature of Peoples of the Foreign Countries

<i>Daskalova Y.N.</i> THE APOCALYPTIC MIND: NATURE, RITUALISTIC GONGS AND IMPERIAL AFFLICTIONS IN THE WORKS OF EMILY DICKINSON AND MARINA TSVETAeva	47
<i>Dominenko N.V.</i> SPECIFICS AND ROLE OF CHRONOTOPE IN EPISTOLARY HERITAGE OF ENGLISH ROMANTIC POETS	55

Linguistics

<i>Gutorenko L.S.</i> PERCEPTION OF SPANISH MENTALITY THROUGH THE PRISM OF HUMOROUS INTERNET MEMES	61
<i>Issina G.I., Sovetova G.A.</i> ON THE COGNITIVE AND SEMANTIC NATURE OF EMOTIONAL CONCEPTS	65
<i>Kirzhanova S.V.</i> INTONATION TRAINING AS NON-VERBAL SPEECH MEANS	67
<i>Milostivaya A.I.</i> ELIMINATION OF INTENSIONAL ELEMENTS OF SUBJECT CHAIN IN NEWSPAPER NARRATIVE: LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC MARKERS	70
<i>Nurseitova A.K.</i> ON THE BILINGUALISM TYPES	73
<i>Suleymanova F.N.</i> SYNTACTIC STYLE OF RELIGIOSITY NOTION IN THE LITERARY TEXTS BY N.S. LESKOV	75
<i>Wu Yanshan</i> TENDENCY OF ASSIMILATION OF BORROWED ECONOMY LEXIS IN MODERN RUSSIAN	77

The Russian Language

<i>Urmancheyeva I.S.</i> PECHORA PHRASEOLOGICAL UNITS COMPARED WITH THE ALL-RUSSIAN ONES: THE FEATURES OF CONSTRUCTION	79
--	----

Languages of Peoples of the Russian Federation

<i>Kurilova S.N.</i> TUNGUS ANTHROPONYMS IN THE TUNDRA YUKAGHIR LANGUAGE	83
---	----

Germanic Languages

<i>Volkova V.Ya., Lekareva L.A., Hrapchenkova I.I.</i> ECCLESIONYMS OF THE ARCHITECTURAL OBJECTS OF THE SCHOOL OF PSKOV. THE RUSSIAN-GERMAN GLOSSARY	87
<i>Plakhotnaya Yu.I.</i> COGNITIVE-PRAGMATIC MODEL OF POLITICAL DISCOURSE	92
<i>Fatyanova I.V.</i> PROTOTYPE MODEL OF NOMINATIVE SPACE OF MICROSPHERE OF TERRORISM CONCEPT	94

Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics

<i>Ustich A.A., Grigoryeva L.Yu.</i> FOREIGN-LANGUAGE INFLUENCE ON THE MODERN RUSSIAN ADVERTISING. ANALYTICS OF ADVERTISING TEXTS IN “COSMOPOLITAN”, “GQ”, “ESQUIRE”, “ALLURE” MAGAZINES FOR OCTOBER, NOVEMBER, DECEMBER 2016	100
--	-----

Languages of Peoples of European, Asian, African countries, Aborigines of America and Australia

<i>Chironov S.V.</i> ADVERBIAL MARKERS OF CONDITIONALITY IN JAPANESE	104
---	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Филологические науки

<i>Боборыкина Т.А.</i> «ТАЙНЫЙ ИСТОЧНИК ЮМОРА»	8
<i>Кузьмина М.И.</i> СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЕМ КОНЦЕПТА <i>МОНАСТЫРЬ</i> В ПОЭМЕ А.Н. АПУХТИНА «ГОД В МОНАСТЫРЕ»	11
<i>Кур-Кононович И.</i> О СИМВОЛЕ МЕСТА В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА	15
<i>Шибяева Н.Б.</i> ФРЕЙМ «ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ» КАК ОСНОВА НРАВСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «НЕДОБРОЕ ДЕЛО»)	18
<i>Ширинова Р.Х.</i> ОПЫТ СОЗДАНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ СВОЙСТВЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОВ.....	22
<i>Юрина Е.А.</i> ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО- ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАНКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА	27
<i>Яхьяева З.М.</i> ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНЦЕПТ В НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ.....	30

Русская литература

<i>Гаврильченко О.В.</i> ВИДЫ И ФУНКЦИИ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИИ А.С. ПУШКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ»)	32
<i>Коптева Г.Г.</i> ВОДНЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ПОЭТА ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА	36
<i>Панова А.С.</i> В.В. МАЯКОВСКИЙ И ЦЕРКОВЬ: ТВОРЧЕСТВО 1920-Х ГГ.	40
<i>Сауныкин П.С.</i> ФИЛОСОФИЯ Н.Ф. ФЕДОРОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.К. БАЛТРУШАЙТИСА	43

Литература народов стран зарубежья

<i>Даскалова Я.Н.</i> ПРОРОЧЕСКИЙ ДУХ: ПРИРОДА, РИТУАЛЬНЫЕ ГОНГИ И ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ СКОРЬБЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН И МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ.....	47
<i>Доминенко Н.В.</i> СПЕЦИФИКА И РОЛЬ ХРОНОТОПА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ	55

Языкознание

<i>Гуторенко Л.С.</i> ВОСПРИЯТИЕ ИСПАНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ.....	61
---	----

<i>Исина Г.И., Советова Г.А.</i> К ВОПРОСУ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ	65
<i>Киржанова С.В.</i> ОБУЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ КАК НЕВЕРБАЛЬНОМУ РЕЧЕВОМУ СРЕДСТВУ	67
<i>Милостивая А.И.</i> ЭЛИМИНАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СУБЪЕКТНОЙ ЦЕПОЧКИ В ГАЗЕТНОМ НАРРАТИВЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ.....	70
<i>Нурсеитова А.К.</i> О РАЗНОВИДНОСТЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ.....	73
<i>Сулейманова Ф.Н.</i> СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Н.С. ЛЕСКОВА	75
<i>У Яньшань</i> ТЕНДЕНЦИЯ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПО ЭКОНОМИКЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ	77

Русский язык

<i>Урманчеева И.С.</i> ПЕЧОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА ФОНЕ ОБЩЕРУССКИХ: КОНСТРУКТИВНЫЕ ОТЛИЧИЯ	79
---	----

Языки народов Российской Федерации

<i>Курилова С.Н.</i> ТУНГУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ.....	83
--	----

Германские языки

<i>Волкова В.Я., Лекарева Л.А., Храпченкова И.И.</i> ЭККЛЕЗИОНИМЫ ОБЪЕКТОВ ПСКОВСКОЙ ШКОЛЫ АРХИТЕКТУРЫ. РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ГЛОССАРИЙ	87
<i>Плахотная Ю.И.</i> КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА	92
<i>Фатьянова И.В.</i> ПРОТОТИПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОМИНАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ <i>TERRORISM</i>	94

Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание

<i>Устич А.А., Григорьева Л.Ю.</i> ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ. АНАЛИТИКА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В ЖУРНАЛАХ “COSMOPOLITAN”, “GQ”, “ESQUIRE”, “ALLURE” ПЕРИОДА ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 2016.....	100
--	-----

Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии

<i>Чиронов С.В.</i> ЯПОНСКИЕ НАРЕЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УСЛОВНОЙ СВЯЗИ.....	104
---	-----

Philological sciences
Филологические науки

UDC 80

THE SECRET SOURCE OF HUMOR

T.A. Boborykina, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Department for Interdisciplinary Linguistic and Literary Studies
Saint-Petersburg State University, Russia

Abstract. This paper deals with Mark Twain's "secret source of humor".

Keywords: Mark Twain, humourist, prophetic, philosophical, irony.

Theorists and philosophers, writers of various trends often refer themselves to the question of the nature of humor. Sigmund Freud, who of course studied humor as a psychiatrist, had to notice that humor, like dreams, can be related to unconscious content¹. The famous author of "1984", George Orwell states in one of his essays: "Whatever is funny is subversive, every joke is ... a sort of mental rebellion, a momentary wish that things were otherwise"².

The notion that humor has the 'secret source', which gives the title to this brief essay, belongs to Samuel Langhorne Clemens an American author who is better known by his pen name Mark Twain, and who is remarkable for his brilliant sense of irony. His novels *The Adventures of Tom Sawyer* (1876) and its sequel, *Adventures of Huckleberry Finn* (1885), *The Innocents Abroad* or *The New Pilgrims' Progress*, *A Connecticut Yankee in King Arthur's Court*, *The Prince and the Pauper* and particularly his short stories are written in unique ironical style, which may be attributed as Twain's trademark. All those who have ever read *How to Tell a Story*, or *A Literary Nightmare*, or *How I Edited An Agricultural Paper Once* cannot help but remembering their non-stop laughter while reading. Mark Twain is justifiably known as the greatest American humorist. At the same time his biography seems not suggestive of anything humorous, and on the contrary creates a gloomy and at point tragic impression of the writer's life path. I shall try to explore the dramatic contradiction, noticed already by Twain's daughter Susan when she was only 13. In her diary, she wrote, "He is known to the public as a humorist, but he has much more in him that is earnest than humorous... He is much more of a Philosopher as anything I think... In a great many such directions he has greater ability than in the gifts which have made him famous"³.

Let us focus on *such directions* – philosophical, prophetic, and even mysterious, which are perhaps less known than humorous features of Twain's talent. Certainly, humor is the most recognizable trend of the writer. Here's how he, unlike his daughter, composes his biography, which he calls a *Burlesque* one, "Two or three persons having at different times intimated that if I would write an autobiography they would read it when they got leisure, I yield at last to this frenzied public demand and herewith tender my history."⁴ And even in a more serious *Autobiography* Twain does not do without humor, "I was born the 30th of November, 1835, in the almost invisible village of Florida, Missouri. ... The village contained a hundred people and I increased the population by one per cent. It is more than many of the best men in history could have done for a town. There is no record of a person doing as much – not even Shakespeare. But I did it for Florida."⁵

Yet another of Twain's features, no less significant than his humor, though less noticeable at first sight, and which his daughter did notice, was the inner philosophical depth. When one takes thought for not a burlesque, but the real biography of Twain, the question arises: how could tragedies he had to face combine with the endless humor that all of his writings and sayings are laced with? It seems like Mark Twain himself had explained the dramatic nature of his gift: "The secret source of humor itself is not joy, but sorrow"⁶. This profound observation echoes the notion of an English writer, philosopher, biographer, literary and art critic, Gilbert Keith Chesterton, "As a fact, there is no shred of evidence to show that those who have had sad experiences tend to have a sad philosophy. ... Sorrow and pessimism are indeed, in a sense, opposite things, since sorrow is founded on the value of something, and pessimism upon the value of nothing."⁷

The *sad experiences* had started with Samuel father's sudden death in 1847, when he had to leave school after the fifth grade to become a printer's apprentice. John Clemens was not a man of humor, and according to Twain's own comment, practically never smiled. Most likely, the keen sense of irony he inherited from his mother. Notwithstanding the fact that Jane Clemens had lost several children, she had been constantly concerned about Sam's health, who was born 2 months early, and had to face indignance and debts after her husband's death, she never lost heart. In his childhood, Twain was pulled from the river several times, and his mother tried to encourage him by saying that people who were born to be hanged, were safe in water.

Fortunately having not become the place of Sam's death, that very river became the birthplace of a writer – Mark Twain. While he had already started writing short humorous stories and sketches, Samuel Clemens became a river pilot and spent two years on Mississippi. His famous pen name was given to him by it: Mark Twain, from “mark twain”, the leadsmen's cry for a marked river depth of two fathoms, which was safe water for a steamboat. The “river” name caught on so well that even close friends started calling him Mark instead of Sam, and he himself started thus signing his private letters.

Earnest Hemingway once said that all modern American literature came from one book by Mark Twain called *Huckleberry Finn*. But one could say that Mark Twain as a writer came from the very bosom of the great American river – from its whispers, its message and its mysterious depth. He was reading it as the encoded text. And the name he chose is also a river, its cipher. For him it was everything: the river of life, the Lethean stream and the river of death.

Another misfortune, which affected Twain's life and writings, happened when in 1858 when his younger brother Henry lost his job. The future writer invited him as a clerk to the boat where he was a pilot. Twain did this in spite of an alarming dream, which he saw during those days, and in which he saw his brother dead in an iron coffin with a bunch of white roses and one red rose on his chest. It happened so, that soon after the dream all had to come true in every detail, as the ship on which his brother remained after Twain had to leave it, was drowned. This tragedy, its mysterious prophesies, and the sense of guilt left a lasting impact in the writer's mind. These oppressive sorrows were to echo in an uncharacteristically pessimistic story *The Mysterious Stranger* (1897 through 1908). There in particular is an episode, when the hero learns in advance that his close friend would drown in the river. His thoughts about that and the gloomy foreboding of death of the loved one is one of the rare tragic revelations of Twain. This mystical and philosophical composition calls back in memory Voltaire's theme of fate being foretold⁸, and at the same time it resonates a symbolic Maeterlinck's play *Interior* (1895) which focuses mainly on the “interior” – inner world of the characters who anticipate the approaching death of someone they love. It also resembles Dostoevsky's story *The Dream of a Ridiculous Man* (1877), where the narrator falls asleep descending into a very vivid dream, in which he shoots himself in heart. He dies, but in his cold grave he begs for forgiveness. In his *Mysterious Stranger*, Twain, this “ridiculous man” speaks bitterly of life as of a dream: “... there is only empty space, and in it a lost and homeless and wandering and companionless and indestructible Thought. ... And God, and the Universe, and Time, and Life, and Death, and joy and Sorrow and Pain only a grotesque and brutal dream, evolved from the frantic imagination and that insane Thought.”

It is in this story that Twain concludes: “Will a day come when the race will detect the funniness of these juvenilities and laugh at them and by laughing at them destroy them? For your race, in its poverty, has unquestionably one really effective weapon – laughter. Power, Money, Persuasion, Supplication, Persecution – these can lift at a colossal humbug, – push it a little – crowd it a little – weaken it a little, century by century: but only Laughter can blow it to rags and atoms at a blast. Against the assault of Laughter nothing can stand.” With this *effective weapon – laughter* Mark Twain had been fighting not only with hypocrisy, foolishness and other vices of people and of his times, but also with his own hardships, pains and strokes of bad luck.

In the course of life, Twain became the recognized genius, widely known over the world and praised by most distinguished people, like George Bernard Shaw, Kipling, Rodin, Russian and German tsars. He became a rich man and the head of a big family, but this celebration of life had the other side, of which only very few people were aware and of which he once had to say: “God gives you a wife and children whom you adore, only that through the spectacle of the ... miseries which He will inflict upon them He may tear the palpitating heart out of your breast and slap you in the face with it ...”⁹

While the famous Mark Twain had been some “happy prince”, his double and an alter ego – Samuel Clemens was a deeply tragical figure. I would daresay that *The Prince and the Pauper* (1882) in a metaphorical and partly a prophetic sense Twain had written about himself. As his wealth was growing, the more hardships and privation he had to endure. His first child died in infancy. In 1896 at the age of 24 his beloved daughter Susan, the one who had started Twain's biography, suddenly died. At some point, his publishing house went bankrupt, and out of one of the richest American writers he became almost a “pauper”. In 1904 after a long illness his wife Livy died. In 1909 his youngest daughter who suffered of epilepsy, suddenly died at Christmas Eve. As for yet another daughter Clara, the relations with her were quite strained and Twain kept feeling endlessly lonely. He probably addressed it to himself when he had to say: “Pity is for the living, envy is for the dead.”¹⁰ One can only agree with Russell Banks's notion: “It's not just a man who is trying to entertain us; it's a man who is trying to keep from killing himself.”¹¹ It is not by chance that there continuously appeared reports of Twain's death, to which he responded with his usual humor, “I hear the newspapers say I am dying. The charge is not true. I would not do such a thing at my time of life...”, and, “The reports of my death have been greatly exaggerated.” When started loosing health seriously he received innumerable number of letters to one of which he replied: “Dear Sir (or Madam), I try every remedy sent to me. I am now on № 87. yours is 2,653. I am looking forward to its beneficial results.” Written practically on his death bed, this humorous note reminds of a “How to Cure a Cold” which Twain had written for the *Golden Era* in 1863, forty seven years before all of the losses he had to go through, and yet after the tragic death of his brother, which he took really hard. Such was the nature of his humor, or rather of his talent, as he was not only a humorist. According to Twain's own words: “Humorists of the “mere” sort cannot survive. Humor is only a fragrance, a decoration. Often is merely an odd trick of speech and of spelling. ...Humor must not professedly teach, it must not professedly reach; but it must do both if it would live forever ...”¹²

Mark Twain whose *secret source of humor was not joy, but sorrow*, which he was capable of turning into art, really teaches us of philosophical attitude to life and to ourselves.

Notes

- ¹ Freud, S. *Humor. International Journal of Psychoanalysis*, 9, p. 1-6
- ² Orwell, G. *The Art of Donald McGill*, in: *Collected Essays*, London, Secker & Warburg. p. 176,
- ³ In *Mark Twain*. G. C. Ward & D. Duncun.. NY, 2001, p.133
- ⁴ Mark Twain. *A Burlesque Biography*
- ⁵ Mark Twain. *Autobiography*
- ⁶ Mark Twain. *Following the Equator*
- ⁷ G. K. Chesterton. *Charles Dickens*. NY, 1906, p. 41 – 42
- ⁸ Voltaire. *Zadig, or The Book of Fate*, 1747
- ⁹ In *Fables of Man* ed. John S. Tuckey (Berkeley: Univ. of California Press, 1972), p. 131
- ¹⁰ Mark Twain. *Following the Equator*
- ¹¹ Russell Banks. *Out At the Edges*. In *Mark Twain*. G. C. Ward & D. Duncun. NY, 2001, p.225
- ¹² Mark Twain. *Autobiography of Mark Twain, Volume 2*. University of California Press, 2013

Материал поступил в редакцию 27.01.17.

«ТАЙНЫЙ ИСТОЧНИК ЮМОРА»

Т.А. Боборыкина, кандидат филологических наук,
доцент кафедры междисциплинарных исследований в области языков и литературы
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

Аннотация. В данной статье рассматривается «тайный источник юмора» Марка Твена.

Ключевые слова: Марк Твен, остряк, пророческий, философский, ирония.

УДК 811.161.1' 37

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ОБЪЁМ КОНЦЕПТА *МОНАСТЫРЬ* В ПОЭМЕ А.Н. АПУХТИНА «ГОД В МОНАСТЫРЕ»

М.И. Кузьмина, кандидат филологических наук, доцент
Кафедра преподавания русского языка как родного и иностранного,
ФГОБУ ВПО «Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», Россия

Аннотация. *Статья посвящена проблеме изучения семантики концепта в художественной речи. Цель статьи – выявление семантического наполнения концепта Монастырь в языковой картине мира персонажа на материале поэмы А.Н. Апухтина «Год в монастыре» (1866). Актуальность работы определяется изучением концепта как компонента русской языковой картины мира и исследованием лексико-семантической системы языка писателя с помощью полевой методик. Объектом исследования является концепт Монастырь в художественном дискурсе. В качестве непосредственного предмета изучения выступают средства экспликации семантики данного концепта в речевой зоне персонажа поэмы А.Н. Апухтина. В работе применена комплексная методика исследования, способствующая изучению языковой репрезентации значения концепта на основе сочетания различных методов и приемов анализа: метода концептуального анализа, полевого метода, метода компонентного анализа художественного текста, приёма оппозиций, метода сплошной выборки. Результатом исследования стало составление модели ассоциативно-семантического поля, эксплицирующего семантический объём концепта Монастырь во фрагменте языковой картины мира писателя. Определён семантический объём данного концепта и способы его организации в речевой зоне отдельного персонажа. Рассмотрены связи семантического наполнения концепта Монастырь со спецификой языкового сознания, особенностями мировидения персонажа. Выявлены ассоциативно-семантические связи концепта Монастырь с отдельными концептами русской православной культуры. Сделаны частные выводы о чертах поэтики А.Н. Апухтина: концептуализации значений отдельных языковых единиц.*

Ключевые слова: *концепт, концепт Монастырь, семантический объём, ассоциативно-семантическое поле, языковая картина мира персонажа, А.Н. Апухтин.*

Монастырь – культурно значимое явление для русского человека. Он «рассматривался верующими как воплощение истинной жизни по евангельским заповедям, источник святости и благодати, как хранитель догматов и канонов православной веры» [2, с. 366]. В современном мире институт монашества вновь становится частью социокультурного пространства России, создается научно-исследовательский интерес к данному явлению.

Слово *монастырь* является репрезентативной единицей одноименного культурного (религиозного) концепта. В настоящем исследовании под термином *концепт* понимается «слово или выражение, семантика которого отражает духовные смыслы о системе мироустройства и о системе ценностей отдельного этноса» [4, с. 47]. Можно выделить атеистическое, религиозное, «колеблющееся» (сомневающееся) сознание. У людей с разным типом сознания значение концепта *Монастырь* будет различным. Этим обусловлены трудности выявления семантического наполнения концепта *Монастырь*.

Целью данной работы стало выявление смыслового наполнения концепта *Монастырь* в языковой картине мира лирического героя поэмы А. Н.Апухтина «Год в монастыре». Лирический герой поэмы – дворянин, находящийся год на послушании в Спасо-Преображенском Валаамском монастыре, ушедший в монастырь не по вере, а в попытке бегства от зла света и мук безответной любви. Языковую картину мира этого персонажа отличают недостаточность веры, невозможность слепо верить, мучительное стремление обрести истинную веру.

Сложность семантического наполнения концепта вызвана противоречивостью характеристик картины мира персонажа: *вера – неверие, вера – сомнение, вера – гордость, сомнение – страстное желание обрести подлинную веру*; попыткой приближения собственной языковой картины мира к мировидению монаха-праведника. Примечательно то, что личностная истинная вера в сознании персонажа связывается с детством. Именно в воспоминаниях о детстве оппозиция *вера – неверие* отсутствует. Среди личных номинаций в речи персонажа (уже взрослого) появляется библейский фразеологизм *заблудшая овца* в значении о 'сбившемся с правильного пути человеке' в сочетании со словами *Божье стадо*. В результате использования не прямой номинации персонаж отождествляет себя с грешником. «Неверие¹ мое меня томит и мучит, / Я слепо верить не могу. / Пусть разум веры враг и нас лукаво учит, / Но нехотя внимаю я врагу. / Увы, заблудшая овца я в божьем стаде» [1, с. 315].

Смысловое наполнение концепта связано со сложной мотивной структурой поэмы А.Н. Апухтина: мотив бегства из мира в монастырь и из монастыря в мир, мотив спасения от светского мира в монастыре, мотив мятежной души (вызванный любовными переживаниями), мотив любви и тоски по возлюбленной, мотив смерти.

Семантический объём концепта *Монастырь* обусловлен сложностью картины мира персонажа,

вызванной отражением в ней характеристик, свойственных одновременно и светскому, и монашескому мировидению. О соединении в сознании персонажа светской и монашеской картин мира свидетельствует вторичная номинация концепта *Монастырь* – *обитель мира, смерти и забвенья*. Использование однородного синонимического ряда в номинации приводит к усилению негативных сем, составляющих значение данного концепта в языковом сознании персонажа. Концепт *Забвение* в мировидении монаха-праведника предполагает отказ от собственной прежней мирской жизни и суетности мира. Светский человек не принимает этого: в синонимическом ряду со словом *забвение* (нейтральным в языковой картине мира монаха) оказывается слово *смерть* с отрицательной коннотацией.

В речи лирического героя сема 'смерть' оказывается повторяющимся компонентом значения слова *монастырь*. Данное семантическое осложнение вызвано особенностями мировидения персонажа: светским восприятием мира, наивно-детским отношением к монастырской жизни, сочетающимся со страхом перед смертью. Этим объясняется наличие антонимичных компонентов значения концепта *Монастырь* в языковом сознании персонажа.

В картине мира светского человека положительно маркированным понятием всегда окажется *Жизнь*, а понятие *Смерть* будет обладать устойчивой негативной коннотацией. Светским человеком полнокровная жизнь с её страстями принимается как одна из высших ценностей бытия, поэтому аскетизм монахов воспринимается как противостественное природе человека. Мирскому человеку кончина тела представляется не вторым рождением, а концом жизни.

Ассоциативные реакции на слово *монастырь* светского человека с атеистическим мировоззрением, отраженные в ассоциативном тезаурусе современного русского языка, составляют слова с негативной коннотацией – *Бастилия, несчастный и отказ* и как нейтральное слово *церковь*, слова с положительной эмоционально-экспрессивной окраской отсутствуют [3]. В атеистическом сознании носителей русского языка *монастырь* приобретает ассоциативные связи со словом *тюрьма*. Примечательно, что лирический герой, страстно желающий обрести в монастыре спасение и укрепиться в вере, воспринимает своё будущее рясофорное пострижение как «*неожиданный приговор*». В значении концепта *Монастырь* формируются семы 'наказание', 'ограничение свободы'.

В речи лирического героя синонимической заменой слова *монастырь* выступает словосочетание *рай земной*. «Наш монастырь построен на горе / И обнесен оградой высокой. / Из башни летом вид чудесный, говорят, / На дальние леса, озера и селенья, / Меж кельями разбросанными – сад, / Где множество цветов и редкие растения / (Цветами монастырь наш славится давно). / Весной в нем рай земной» [1, с. 313]. Благодаря семантическим связям со словом *весна* характеристика монастыря как земного рая получает признак 'временность'.

Значение слова *Монастырь* приобретает сему 'рай', ассоциативно связанную с признаками 'воображаемое', 'детское'. «Я монах! <...> В ребяческих мечтах / мне так пленительно звучало это слово, / и раем монастырь казался мне тогда» [1, с. 313].

В значении слова *монастырь* актуализируется сема 'святость' в результате синтагматических связей со словом *святой*. В речи персонажа слово *монастырь* приобретает синонимические замены *надежная пристань* и *земля обетованная*. Благодаря данным номинациям в значении слова *монастырь* актуализируются семы 'покой', 'счастье', 'желанное'. «Мне монастырь святой / Казался пристанью надежной, / Расстаться надо мне и с этою мечтой! / Напрасно переплыл я океан безбрежный, / Напрасно мой челнок от грозных спящих волн, – / На камни острые наткнулся он неожиданно, / И хлынула вода, и тонет бедный челн / В виду земли обетованной» [1, с. 322].

Мятежное сердце персонажа не смогло смириться, попытка изменения картины мира оказалась неудачной. Этим вызван новый мотив бегства лирического героя: из монастыря в мир. Данный мотив связан с мотивом безответной любви персонажа. Разлука только усиливает чувства. В поэме формируется оппозиция *монастырь* – *она (возлюбленная)* и актуализируется оппозиция *монастырь* – *мир*. Возлюбленная лирического персонажа получает в тексте вторичную номинацию *бездушный храм*. Наряду семантическим признаком 'божественный' значение слова *она* приобретает семы 'отказ', 'страдание', 'бездушный'. «Как вольный мученик иду я на мученье, / Тернистый путь не здесь, а там: / Там ждёт меня иное отречение, / Там ждёт меня иной, бездушный храм!» [1, с. 329].

В речи лирического героя, покидающего обитель, слово *монастырь* функционирует только в номинациях с положительной коннотацией – *тихая, смиренная обитель* и *родина*. В значении формируются семы 'тишина', 'кротость', 'родное'. Примечательно, что в речи персонажа итоговой номинацией монастыря оказывается ассоциативно связанная с ним номинация *родина*. Данная ассоциативная связь понятий ожидаема в языковом сознании монаха-праведника, а не для картины мира светского человека, пытающегося приблизиться к религиозному сознанию. Поэтому можно говорить о тесном соединении в языковом сознании персонажа картины мира светского человека и картины мира монаха.

Таким образом, в ходе анализа была выявлена семантическая специфика одной из экспликаций христианской картины мира. Семантическое наполнение концепта *Монастырь* обусловлено спецификой сознания лирического героя поэмы, монаха, который в душе остается светским, хотя православным человеком.

Результатом анализа стало составление модели ассоциативно-семантического поля с именем *Монастырь*, эксплицирующего семантический объём одноимённого концепта во фрагменте языковой картины мира писателя [см. схему 1].

Схема 1.

Внутренняя структура ассоциативно-семантического поля концепта *Монастырь* состоит из нескольких компонентов. Компоненты поля объединены семантической близостью. Единицами поля являются синонимичные и антонимичные слова к имени поля. Синонимичные слова делятся на узуальные (*обитель, храм*) и контекстуальные (*рай, пристань, земля обетованная*). В тексте отмечено количественное совпадение как узуальных, так и контекстуальных синонимов. Ближнюю периферию ассоциативно-семантического поля *Монастырь* составляют слова, лексически и семантически близкие к имени поля. Дальнюю периферию поля организуют слова, ассоциативно связанные со словом *монастырь* и антонимичные к нему.

В ассоциативно-семантическом поле концепта *Монастырь* можно выделить несколько внутривидовых тематических групп слов. Первую составляют слова с интегральной семой 'пространство' (*обитель, земля, пристань*). Вторая группа объединяет слова с общим семантическим признаком 'святость' (*рай, Божий, святой*). Третья группа включает слова с семантическим компонентом 'смерть' (*обитель смерти и забвенья*). В четвертой группе – слова с семантикой нравственных состояний человека и его душевных стремлений: *смирная, тихая, надёжная*. Интегральными семами слов данной группы являются 'умиротворенность', 'покой'.

Данные микросистемы неодинаковы по объёму и значимости в ассоциативно-семантическом поле концепта *Монастырь*. В ассоциативно-семантическом поле преобладают слова с семантикой нравственных состояний и слова с семой 'пространство'. Тематическая группа слов с семантическим признаком 'смерть' непродуктивна, но в результате постоянного повтора слов с данной интегральной семой подчеркивается значимость данной группы слов.

Анализ материала показал, что семантический объём концепта *Монастырь* в поэме А.Н. Апухтина «Год в монастыре» составляют онтологические ('святость', 'рай'), аксиологические ('покой', 'умиротворенность', 'смирение', 'родное', 'счастье' и др.), а также отрицательные коннотативные признаки ('смерть', 'забвение'). В индивидуально-художественном значении концепта *Монастырь* присутствуют взаимоисключающие компоненты. В семантической структуре концепта *Монастырь* можно выделить несколько значений: 1) 'святое место'; 2) 'пространство, вызывающее особое состояние души'; 3) 'условное пространство, несущее душевный покой'; 4) 'место смерти и забвения'.

Способы формирования значения концепта *Монастырь* в поэме разнообразны: контекстуальная синонимия и антонимия, бинарные оппозиции, расширение семантического объёма слова, ассоциативные связи с ключевыми словами поэмы.

Концепт *Монастырь* находится в отношениях бинарной оппозиции с концептом *Мир (Свет)*. Ассоциативно-семантическое поле концепта *Монастырь* вступает в межполевые связи с концептами христианского сознания: *Рай, Свет, Святость, Вера, Спасение*.

Интерпретация фрагмента языковой картины мира А.Н. Апухтина, анализ ассоциативно-семантического поля как средства экспликации концепта *Монастырь* позволяют сделать частные выводы о чертах поэтики данного автора: концептуализации значений отдельных единиц.

Примечание

¹ Здесь и далее выделено автором статьи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апухтин, А.Н. Год в монастыре// Апухтин А.Н. Полное собрание сочинений. – Л., 1991. – С. 312–329.
2. Любомудров, А.М. Православное монашество в творчестве и судьбе И.С. Шмелева / А.М. Любомудров // Христианство и русская литература. – СПб, 1994. – С. 371–402.
3. Русский ассоциативный словарь. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть II // Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова. – М.: “ИРЯ РАН”, 1996 – С. 212.
4. Степанов, Ю.С. Константы. Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа “Языки русской культуры”, 1997. – 824 с.

Материал поступил в редакцию 21.02.17.

**SEMANTIC VOLUME OF MONASTERY CONCEPT
IN THE POEM A YEAR IN A MONASTERY BY A.N. APUKHTIN**

M.I. Kuzmina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Department of Teaching Russian as Native and Foreign Language,
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A Dobrolyubov, Russia

Abstract. *The given article deals with the issue of investigation of concept semantics in literary speech. The article purpose is the identification of semantic filling of monastery concept in the character's linguistic view of the world based on the material of the poem A Year in a Monastery by A.N. Apukhtin (1866). The relevance of research work is determined by studying of concept as a component of the Russian linguistic world view and by research of lexical-semantic system of the writer's language by means of field technique. The research object is the monastery concept in literary discourse. The means of concept semantics explication in the character's speech in the poem by A.N. Apukhtin act as a research subject. In this work the complex research technique is applied which promotes investigation of language representation of concept based on combination of various methods and ways of the analysis: conceptual analysis method, field method, method of the component analysis of the literary text, oppositional method, continuous sampling method. The development of model of the associative and semantic field explicating the semantic volume of monastery concept in a fragment of the writer's linguistic world view became the research result. The semantic volume of this concept and ways of its organization in speech of the certain character is determined. The connections of semantic filling of monastery concept with specifics of language consciousness, features of the character's world outlook are considered. The associative-semantic connections between monastery concept and other concepts of the Russian orthodox culture are revealed. The specific conclusions on features of A.N. Apukhtin's poetics – conceptualization of separate language units' meanings – are drawn.*

Keywords: *concept, monastery concept, semantic volume, associative and semantic field, character's linguistic world view, A.N. Apukhtin.*

УДК 81

О СИМВОЛЕ МЕСТА В ПОЭЗИИ С.А. ЕСЕНИНА

И. Кур-Кононович, кандидат филологических наук, адъюнкт
Кафедра русской филологии, Жешувский университет, Польша

Аннотация. Концепт береза, судя по количеству примеров, занимает в есенинской лирике центральное место. Цель статьи – обратить внимание на концепт береза, как символ места в поэзии С.А. Есенина. Показано, что есенинская лирика помогла закрепить концепт береза, как символ России и места рождения.

Ключевые слова: поэзия, символика, концепт береза, семантика, родина. лирика.

В статье проанализирован концепт *береза*, как символ места в лирике русского поэта С.А. Есенина в сравнении с творчеством его предшественников и современных ему стихотворцев для того, чтобы определить символы, введенные впервые поэтом. Концепт понимается здесь как мыслящийся образ, стоящий за языковыми знаками [6, с. 5].

Материал для анализа отобран из стихотворений поэта [1, 2]. Для анализа концепта *береза* в значении места в поэзии С.А. Есенина было отобрано 8 примеров. Концепт *береза*, судя по количеству примеров¹, занимает в есенинской лирике центральное место.

Поэзия С.А. Есенина неотрывно связана с русской народной культурой, в которой природа с незапамятных времен играет огромную роль [8, с. 4; 5, с. 3]. В русском народе береза известна прежде всего, как символ весны и молодой девушки. Сначала береза являлась символом перехода от весны к лету, а после принятия христианства – символом смерти и воскресения [9, с. 34]. И наконец, береза символизирует очищение крови; отсюда самобичевание березовыми вениками в бане (для ускорения кровообращения и очищения крови от вредных для здоровья веществ) [10, с. 27].

В европейской культуре береза наделена положительными и отрицательными символами. Упомянутое дерево символизирует жизнь, смерть, начало, весну, любовь, чистоту, плач, грусть, девическую невинность.

Символика растений, а точнее деревьев, связана прежде всего с их наружностью и впечатлением, которое они производят на человека, с цветом, плодом, шумом листьев, со сказаниями, преданиями и поверьями [3, с. 27]. Такова и символика берёзы.

В лирике С.А. Есенина у концепта *береза* много символов, напр.: человек (молодая девушка, невеста), вещи (свечка, кадило), православные праздники (Семика, Троица), восприятие мира (красота, свет, тепло, любовь, тишина, спокойствие), чувства (отчаяние, горе, страх), удары судьбы (смерть, разлука с любимой). Нас будет интересовать концепт *береза*, как символ места, т.е. большой и малой родины (России, родного села), рая.

Береза в стихотворениях поэта является прежде всего символом России, т.е. родины (березовая Русь, береза русская).

[1] Эх, береза русская!/ Путь-дорога узкая./ Эту милую, как сон, / Лишь для той, в кого влюблен,/ Удержи ты ветками./ Как руками меткими./ ... Хулиган я, хулиган./ От стихов дурак и пьян./ Но и все же за эту пруть./ Чтобы сердцем не остыть./ За березовую Русь/ С нелюбимой помирюсь./ (I 222) (1925)

2*² человек: женщина.

Первый заметный символ березы – страна (Россия), на что указывает прилагательное *русская* или *березовая* (2 примера). Контекстуальным символом березы следует считать женщину с меткими руками, которые в состоянии удержать то, что в жизни важно.

[2] Тот, кто видел хоть однажды/ Этот край и эту гладь,/ Тот почти березке каждой/ Ножку рад поцеловать./ (I 272) (1925)

2* человек: девушка.

Здесь на первом плане символ березки, как девушки, по которой лирический герой так соскучился и так ее уважает, что от искренности чувств рад поцеловать ей ножку. Он возвращается домой, в родимые места, приветствует простую и гармоничную сельскую жизнь. Контекстуальный символ – это, конечно, родина, в которой березы растут во многих местах и украшают ее пейзаж своей красотой – деликатностью, нежностью, белизной. Эти два символа во всей есенинской лирике неразрывно связаны друг с другом. Деревья, особенно березы, для поэта всегда как друзья и собеседники.

[3] Чую радуницу божью – /Не напрасно я живу./... Между сосен, между елок./ Меж берез кудрявых бус./ Под венком, в кольце иголок./ Мне мерещится Иисус./... Я поверил от рожденья/ В богородицын покров./ (I 88) (1914)

2* человек: женщина.

Радуница у восточных славян – весенний праздник поминовения усопших в первое воскресенье после Пасхи, когда Иисус явился своим ученикам, особенно апостолу Фоме для его уверения в свое воскресение. В этот восточнославянский праздник береза является прежде всего символом Руси, как места, где можно наблюдать

второе пришествие Бога в земную жизнь и в историю. Чудесное сошествие Христа и Богородицы ради утешения скорбящих связано и с фольклорными духовными стихами. Крестьяне верили в таинственное родство страдающего Христа с Русью, в которой творился, по их мнению, новый лик мира [4, с. 90]. Контекстуальный символ березы – женщина, на которую намекает прилагательное *кудрявый* (как волосы девушки).

[4] *Закружилась листва золотая/ В розоватой воде на пруду./ Словно бабочек легкая стая/ С замирающим летит на звезду./ Я сегодня влюблен в этот вечер,/ Близок сердцу желтеющий дол* (от опавших березовых листьев)/ ... (I 155) (1918)

2* восприятие мира: жизненная зрелость.

Тема увядания, ощущения последних дней – приходится на начало большого разочарования С.А. Есенина в жизни. Стихотворение написано, когда поэт уже насытился лицемерной городской жизнью и заскучал по селу и природе, по простой, откровенной, доброй, естественной крестьянской жизни тем более, что в стране началась Гражданская война. Желтеющий дол, засыпанный осенней березовой листвой, символизирует родину, для которой не все потеряно. Отсюда контекстуальный символ жизненной зрелости и радости, которая возникает по любви к родине. Последнее подтверждают определения *влюблен* в вечер, *близок сердцу* дол с опавшими березовыми листьями.

Береза в стихотворениях поэта символизирует также место рождения, которым для С.А. Есенина является село Константиново (страна березового ситца).

[5] *Не жалею, не зову, не плачу./ Все пройдет, как с белых яблонь дым./ Увяданья золотом охваченный,/ Я не буду больше молодым./ Ты теперь не так уж будешь биться./ Сердце тронутое холодком,/ И страна березового ситца/ Не заманит шляться босиком./* (I 169) (1921)

2* восприятие мира: примирение с судьбой (жизнью).

В начале и в конце стихотворения повторяется основная тема неизбежности конца в широком смысле. Сердцу поэта мила родина деревенская, крестьянская, а любовь к ней поэт выражает, отрицая нищету, отсталость (сравнение *страна березового ситца*). Здесь прилагательное *березовый* синонимично к *родной, русский*, прикрытый деликатными березовыми листьями, как дешевой, но близкой сердцу тканью – ситцем. Березовый ситец символизирует родину. Контекстуальный символ связан с последующей строкой: *не заманит шляться босиком* – решение смириться с потерей прошлого, юности как результат зрелого взгляда на прожитую жизнь.

[6] *Потому так и сердцу же жестко – /Мне за песнею и за вином/ Показалась ты (сестра Шура) той березкой./ Что стоит под родимым окном./* (I 239) (1925)

2* восприятие мира: красота, любовь к малой родине.

Березка под родимым окном, недалеко от деревенской избы, символизирует малую родину, т.е. место рождения поэта. В более широком, контекстуальном плане появляется символ радостного восприятия мира, любовь к красоте родной деревни. Из еще более глубокого контекста вытекает символ надежды на лучшие изменения в мировоззрении сестры Шуры и в жизни России. Родная сестра оказалась поэту березкой – символом родного села с его традициями, а также символом хрупкости, т.е. непрочности – ветер наклоняет дерево то в эту, то в ту сторону.

[7] *Я покинул родимый дом,/ Голубую оставил Русь./ В три звезды березняк над прудом/ Теплит матери старой грусть./* (I 151) (1918)

2* восприятие мира: утешение в душевном страдании, тоске.

В этом лирическом стихотворении затрагивается тема тоски, грусти, одиночества. Основная тема в произведении излагается последовательно. Лирический герой и образ автора здесь едины. Всплывающий в воспоминаниях поэта знакомый березняк над прудом символизирует малую родину. Контекстуальная символика связана с положительным восприятием мира – утешением в тоске, в душевном страдании.

Концепт береза для С.А. Есенина является также символом рая (березовое молоко).

[8] *Пойду в скупье смиренным иноком/ Иль белокрысым босяком –/ Туда, где льется по равнинам/ Березовое молоко./* (I 77) (1914)

2* место: рай.

Земной мир в стихотворениях поэта в дореволюционный период воспроизводит, отражает черты мира небесного. Образы православного богослужения в стихотворении переплетаются с картинами природы. Путь странника становится символом всевременного разыскания Бога. Для поэта земля и небо существуют в гармоничном единстве [7, с. 118]. Березовое молоко льется по равнинам в раю и считается его символом.

В анализируемом материале мы обнаружили 5 символов России, 3 символа родного села и 1 символ рая.

Мы проанализировали символику концепта *береза* у старокрестьянских поэтов: Ивана Никитина, Алексея Кольцова и современников С.А. Есенина, новокрестьянских поэтов: Сергея Клычкова, Николая Клюева, имажинистов: Рюрика Ивнева, Вадима Шершеневича, Анатолия Мариенгофа.

Судя по доступным материалам, только новокрестьянский поэт, Николай Клюев, использовал описываемый концепт, как символ места 2 раза³ (1 раз – Россия и 1 раз – рай). Благодаря С.А. Есенину береза считается сегодня общепринятым символом России.

Родина в лирике поэта отождествляется с молодой девушкой, красивой, стройной, с кудрявыми волосами. Родимая страна возбуждает глубокое уважение к ней поэта с первого взгляда до конца жизни. Березовая Россия в ранних стихотворениях С.А. Есенина явится, как особое место, в котором происходит вторичное

сошествие Христа на землю ради утешения скорбящих крестьян. Береза становится символом любимой страны между прочим по поводу белого ствола или желтеющих, золотых листьев, которые стремятся на звезду, как бабочки. Родное село в стихотворных воспоминаниях поэта нарисовано нежно благодаря концепту *береза*. Место рождения и ранней молодости лирический герой называет страной березового ситца. Березка под родимым окном ассоциируется с малой родиной, а березняк над прудом смягчает грусть матери по сыну, который уехал в город. Вода, как зеркальное отражение увеличивает количество и силу положительного признака. Отсюда березняк стоит над прудом, а золотые березовые листья закружились в воде на пруду.

Подытоживая, надо обратить внимание на то, что благодаря поэтическому творчеству С.А. Есенина береза стала отождествляться с Россией, с местом рождения. Символика концепта *береза* в значении места зависит от периода творчества поэта, от его личных переживаний, от экономическо-политических изменений в стране.

Примечания

¹ В поэтическом творчестве С.А. Есенина концепт *береза* появляется 37 раз, являясь самым частотным среди всех названий растений, которые встречаем в стихах поэта.

² В творчестве С.А. Есенина концепты наделены по крайней мере двумя символами. Цифрой 2 и звездочкой (*) мы обозначаем второе, чаще всего контекстуальное (переносное – которое можно расшифровать только в данном контексте), значение символа данного определения. Первым мы всегда стараемся считать значение, непосредственно связанное с данным поэтическим образом (чаще всего реальное, т.е. непосредственно относящее к действительности).

³ Анализ стихотворений поэтов сделан нами самостоятельно на основании сборника лирики, доступного на сайте <http://guroem.ru> [дата обращения: 10.01.2017].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Есенин, С.А. Собрание сочинений в трех томах / С.А. Есенин. – М., 1977.
2. Есенин, С.А. Собрание сочинений в шести томах, [в: IV т.], Стихотворения, не вошедшие в основное собрание / С.А. Есенин. – М., 1978.
3. Костомаров, Н.И. Об историческом значении русской народной поэзии / Н.И. Костомаров. – Харьков, 1845.
4. Мусатов, В.В. Пушкинская традиция в русской поэзии XX века / В.В. Мусатов. – М., 1988.
5. Наумов, Е.А. Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха / Е.А. Наумов. – Ленинград, 1973.
6. Никитина, М.Ю. Понятие „концепт” в когнитивной лингвистике / М.Ю. Никитина. – М., 2001.
7. Овчинников, А.Н. Символика христианского искусства / А.Н. Овчинников. – М., 1999.
8. Прокушев, Ю.Л. Слово о Есенине / Ю.Л. Прокушев // С.А. Есенин. – Стихотворения и поэмы. – М., 1981.
9. Kopaliński, W. Słownik symboli / W. Kopaliński. – Warszawa, 1991.
10. Ogródowska, B. Zwyczaje, obrzędy i tradycje w Polsce / B. Ogródowska. – Warszawa, 2001.

Материал поступил в редакцию 28.02.17.

ABOUT PLACE SYMBOL IN THE S.A. YESENIN'S POETRY

J. Kur-Kononowicz, Ph.D, Adjunct

Department of Russian Philology, University of Rzeszow, Poland

Abstract. *The concept of birch, as judged by the examples number, takes in the S.A. Yesenin's lyric the central place. This article aimed at the birch concept as a place symbol in the poetry by S.A. Yesenin. It was showed that the lyrics by S.A. Yesenin helped the birch concept become the symbol of Russia and the symbol of birth-place.*

Keywords: *poetry, symbolism, birch concept, semantics, homeland, lyric poetry.*

УДК 811

ФРЕЙМ «ЖИТЬ ПО СОВЕСТИ» КАК ОСНОВА ПРАВСТВЕННОСТИ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ РАССКАЗА А.П. ЧЕХОВА «НЕДОБРОЕ ДЕЛО»)

Н.Б. Шибаева, ассистент кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова», Россия

Аннотация. В данной статье рассматриваются нравственные ценности, определяющие культурную идентичность русского этноса; анализируется понятие совести как базовой категории русской духовной культуры; раскрываются особенности функционирования и вербализации фрейма «жить по совести» на примере рассказа А.П. Чехова и делается вывод о том, что в Чеховской трактовке данный фрейм включает в себя компонент «в ущерб себе».

Ключевые слова: ценность, этнос, языковая картина мира, этноязыковое сознание, совесть, долг, нормы взаимодействия.

В аксиологии существуют различные классификации ценностей, среди которых выделяются «витальные, социальные, политические, моральные, религиозные, эстетические» [1, с. 9]; «ценности абсолютные, или вечные, общественные, личностные и др.» [14, с. 51]. В.И. Карасик отмечает наличие таких ценностей, как «общечеловеческие ценности (как этические, так и утилитарные); ценности, свойственные определенному типу цивилизации; ценности, характеризующие определенный этнос, а также подгруппы внутри этноса. Наконец, выделяются ценности, свойственные малым группам, и индивидуальные ценности личности» [9, с. 19]. Как видно из приведенных определений, ценности как явление особо значимого порядка представлены в жизни как целой лингвокультурологической общности, так и отдельно взятой личности. Положение о том, что ценностные смыслы характеризуют национальное самосознание и определяют культурную идентичность этноса, можно найти в трудах таких исследователей, как В.И. Карасик, В.В. Колесов, В.А. Маслова, А.Д. Шмелев и др. Так, В.И. Карасик относит ценности к «наиболее фундаментальным характеристикам культуры, высшим ориентирам поведения» [9, с. 116]. По мнению Н.Ф. Алефиренко, «в каждой лингвокультуре существует своя шкала ценностей; они играют исключительно важную роль в синергетике (самоорганизации) лингвокультуры» [1, с. 100]. Так что же есть ценность? С.Н. Виноградов дает следующее определение ценности: это «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей» [5, с. 93]. И.Г. Сухина считает, что система ценностей, «удостоверяющая собой ментальную модальность культуры», воплощается в культурной картине мира. Последняя представляет собой «тот универсальный «образ бытия», который определяет актуальный мировоззренческий горизонт людей, выступающих субъектами данной культуры, придавая их жизнедеятельности всеохватную смысловую содержательность и значимость, проявляющуюся как на индивидуально-личностном, так и на социальном уровнях человеческого бытия» [19, с. 166].

В центре нашего внимания – понятие «совесть», которое относится к числу основных категорий русской духовной культуры, о чем свидетельствуют исследования многих ученых-лингвистов. Так, по мнению В.В. Воробьева, совесть – «существенный феномен русской национальной личности» [6, с. 170]. Русская культура неотделима от чувства совести [12, с. 244], [13, с. 38]. Н.Д. Арутюнова, анализируя концепт «совесть», приходит к выводу о том, что «для русского нравственного сознания понятие совести является ключевым» [2, с. 70]. Следовательно, совесть как феномен русской культуры, как нравственно-этическая ценность, является ядерным элементом русского этноязыкового сознания, относится к сфере духовности и оказывает влияние на ценностную систему личности.

В Толковом словаре русского языка находим следующее определение понятия «совесть»: «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [16, с. 74], из чего можно сделать вывод о том, что именно совесть определяет отношение человека к миру, в котором, по справедливому утверждению Т.А. Дроновой, «человек берет на себя ответственность не только за свое нравственное состояние, но и за то, что каждодневно происходит вокруг него» [8, с. 122]. Совестьливый человек – «добросовестный, честный, поступающий всегда по совести» [7, с. 257].

Многими исследователями отмечается очень сложная трактовка понятия «совесть», так как в него входят «честность, справедливость» [9, с. 57], «внутреннее сознание добра и зла, природная правда» [7, с. 256], «честь, долг, достоинство, справедливость» [10, с. 7]. Н.Д. Арутюнова отмечает, что к понятию совести близко понятие стыда: «культура стыда стала «культурой совести» [2, с. 65]. В этой связи представляется важным отметить то, что в сознании носителей русской культуры это понятие связано с положительными характеристиками человека, его высоким нравственным обликом: «совесть – это глубокое, положительное, иррациональное и нравственное чувство, переживаемое человеком в себе и направленное на другого человека, а также предполагающее заданность извне как закон» [13, с. 36].

В центре нашего внимания – русский национальный фрейм «жить по совести», который в целом включает в себе принципы, нормы поведения людей по отношению друг к другу и к обществу, определяемые идеалами добра, справедливости, долга и чести. Мы рассматриваем функционирование данного фрейма в рассказе А.П. Чехова «Недоброе дело», повествующем о том, как темной ночью во время обхода кладбища сторож сталкивается с заблудившимся путником, умоляющим помочь ему найти дорогу. Чехов показывает, как в человеке, выполняющем служебный долг, происходит внутренняя борьба: с одной стороны, находясь при исполнении, он готов дать решительный отпор любому, кто попытается проникнуть на охраняемую им территорию: *«Кто идет? Кто тут? Да кто ты? Какой такой прохожий? Носит тебя здесь нелегкая! Да ты кто такой?»* [21, с. 206]. С другой стороны, ласковые обращения странника к сторожу (*«батюшка, человек хороший, добрый человек»*), его *«старческий голос»* успокаивают сторожа, вызывают в нем желание помочь: *«А иди все прямо и прямо по этой аллее, пока в тупик не упруешься, а там сейчас бери влево и иди, покуда все кладбище пройдешь, до самой калитки. Там калитка будет... Отопри и ступай с богом. Гляди, в ров не упади»* [21, с. 207]. В речевом поведении сторожа, в его обстоятельном объяснении чувствуется забота о ближнем, доброта и отзывчивость, присущие православному человеку. С его точки зрения, никакой угрозы новый знакомый, уповающий на милость Господа (*«Спаси, царица небесная, и помилуй!»*, *«Христа ради»*), не несет, но в ответ на просьбу проводить его, сторож категоричен: *«Ну, есть мне время! Иди сам! Да, есть мне время провожаться! Ежели с каждым нянчиться, то так не напровожаешься»* [21, с. 207]. Чувство долга не дает ему права покинуть пост. Однако путник продолжает **взывать к голосу совести** сторожа, надеясь, что тот передумает: *«Христа ради проводи. И не вижу и боюсь один кладбищем идти. Жутко, батюшка, жутко, боюсь, добрый человек»* [там же]. В душе сторожа происходит внутренняя борьба. Оставаться ли верным долгу службы или помочь ближнему, поступить по-христиански, но нарушить при этом служебный долг? В.В. Комаров пишет, что в условиях морального выбора «совесть определяет значимость нравственной ценности, что обеспечивает гармонизацию отношений личности с окружающей действительностью» [10, с. 5]. Сторож решает помочь человеку вопреки служебным обязанностям, выбирает поступок по совести: *«Навязался ты на мою голову! Ну ладно, пойдём!»* [21, с. 207].

С.А. Барсукова, анализируя концептуальное поле феномена «совесть», ссылается на мнение исследователя Т.А. Флоренской, утверждавшей, что «развитие совести базируется на сочувствии и сопереживании, которое связано с родством, единством всего живого» [3, с. 51]. Жить по совести для сторожа – готовность поставить человеческое выше служебного долга.

Лексема «долг» трактуется в словарях как «то, что входит в круг действий, поступков, подлежащих безусловному выполнению по общественным требованиям или по внутренним побуждениям» [18, с. 345]; «то же, что обязанность» [16, с. 173] = «круг действий, возложенных на кого-н. и безусловных для исполнения» [16, с. 442]. Анализ словарных толкований позволяет сделать вывод о том, что в русском языке долг всегда предполагает обязательства человека перед кем-либо или чем-либо, нарушение которых может иметь негативные последствия для их исполнителя. Таким образом, пойти против принятых социальных норм – это значит принести себя в жертву во имя чего-то более важного. В этом случае как раз срабатывает то, что руководит поступками человека изнутри, а не извне; то, что называется «жить по совести», когда человек принимает решение, опираясь на чувства, делая все по велению сердца, а не разума. По мнению Н.Д. Арутюновой, «концепт совести впервые начинает проступать именно через употребление слова *сердце*» [2, с. 63]. Поступать по-христиански, исходя из чувства любви к ближнему, русского человека заставляют его внутренние убеждения. Осознание им своей настоящей человеческой природы означает выбор в пользу добра. Делая на уровне самосознания выбор, руководствуясь принципами гуманности, человек остается верен той системе ценностей, в рамках которой он формировался как личность. По мнению Е.Б. Хромовой, «личность принимает решения и совершает поступки, оставаясь в пределах «сценария», навязанного ей культурой» [20, с. 165]. А.А. Бочаров отмечает: «Любой «самый свободный» выбор, совершаемый словно бы и не по велению долга, и не под давлением обстоятельств, а по сугубо личным мотивам, все-таки непременно является социально-значимым по своим последствиям, отражаясь на общественном бытии, общественном положении человека» [4, с. 138].

Когда человек полагается на внутреннее ощущение правильности, необходимости действия, он тем самым показывает свою истинную натуру, свой истинный характер. Проявление доброты относится к числу первичных основных свойств характера русского народа [15, с. 68]. В книге Ю.Е. Прохорова, И.А. Стернина «Русские: коммуникативное поведение» отмечается, что к основным ценностям русского этноса относятся «доброта и всепрощение, скромность, бескорыстие» [17, с. 36]. Способность переживать вместе с человеком его душевное состояние, понимать человека, проявлять готовность помочь – все это означает «делать добро». Для русского человека всегда была значимой первостепенность общественного, а не личного, что и являлось определяющим при принятии им решения. Именно тогда, когда возникает выбор между той или иной поведенческой стратегией, происходит актуализация норм поведения. Важнейшим противопоставлением поведенческих стратегий является контраст между этическими (моральными) и утилитарными нормами поведения. В первом случае, как отмечает В.И. Карасик, «акцентируются интересы других людей, во втором случае – интересы индивида» [9, с. 24]. Далее исследователь фокусирует внимание на «неписаных моральных нормах поведения», «нарушение которых подрывает самые глубинные основания общественного устройства» [там же], – нормах взаимодействия («Люди должны помогать друг другу (особенно в трудное время)»; «Нельзя бросать людей в беде»; «Нельзя быть трусом»), считая их наиболее важными для общества.

Знание этих норм, обеспечивающее единство и целостность представителей в составе определенной лингвокультуры, пронизывает все слои общества, что подчеркивает незыблемость основных нравственных принципов. Так, путник, оказавшийся обыкновенным вором, удерживая сторожа, пока совершалось преступление, решает отпустить своего «спасителя»: *«Иди и бога моли, что жив остался»* [21, с. 210]. Преступник не стал проливать кровь того, кто поставил моральный долг выше служебного. «Благодаря православию русское сознание пропитано духом сострадания и мистицизма, уживающихся с внутренним одушевленным источником эмоций – душой. Все человеческие действия и поступки – деятельность души, она же за них в ответе» [11, с. 235].

Держать ответ приходится всегда. Нередко добросердечность и отзывчивость ведут к драматической развязке, в которой по воле случая оказываются герои Чехова. Автор не пытается показать идеальный миропорядок. Он лишь фиксирует то, чему часто приходится быть свидетелем. Герой Чехова приходит к осознанию того, что его выбор в пользу добра оказался напрасным: *«чем ближе к огоньку, тем страшнее делается и тем сильнее предчувствие чего-то недоброго... Минуту сторож стоит перед выбитым окном и с ужасом глядит в алтарь... Маленькая восковая свечка, которую забыли потушить воры, бросает тусклые красные пятна на разбросанные ризы, поваленный шкафчик, на многочисленные следы ног около престола и жертвенника...»* [21, с. 210].

Чехов не дает развернутого описания внутренних переживаний своего персонажа. Ему достаточно показать эмоциональное состояние героя, чтобы читатель сам смог догадаться о том, что тот испытывает, с ужасом глядя на разворованный алтарь.

Чехов в очередной раз показывает сложность и противоречивость русской натуры, способной, с одной стороны, к проявлению сочувствия, милосердия, отзывчивости, ответственности, а с другой, – к стыду, страху, чувству вины за содеянное. В русской лингвокультуре поступок по совести нередко оборачивается против самого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко, Н.Ф. Лингвокультурология: ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М.: Флинта, Наука, 2010. – 288 с.
2. Арутюнова, Н.Д. О стыде и совести / А.Д. Арутюнова // Логический анализ языка: Языки этики. – М.: Языки русской культуры, 2000. – С. 54-78.
3. Барсукова, С.А. Концептуальное поле феномена «совесть» в психологии / С.А. Барсукова // Психологический журнал. – 2013. – том 34, № 1. – С. 36-44.
4. Бочаров, А.А. Литература и время: из творческого опыта прозы 60-х – 80-х годов / А.А. Бочаров. – М.: Худож. лит., 1988. – 383 с.
5. Виноградов, С.Н. К лингвистическому пониманию ценности / С.Н. Виноградов // Русская словесность в контексте мировой культуры: Материалы Междунар. науч. конф. РОПРЯЛ. Н. Новгород: Изд-во Нижегородского ун-та, 2007. – С. 93-97.
6. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: Монография / В.В. Воробьев. – М.: РУДН, 2008. – 336 с.
7. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4: С - У / В.И. Даль. – М.: Олма-Пресс, 2003. – 576 с.
8. Дронова, Т.А. Совесть как психологический феномен сознания / Т.А. Дронова // Мир психологии. – 2007. – № 2 (50). – С. 121-127.
9. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
10. Комаров, В.В. Совесть как фактор нравственной саморегуляции личности: автореферат дис. кандидата психологических наук: 19.00.13 / В.В. Комаров. – Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2004. – 25 с.
11. Летаева, Л.А. Русская ментальность и национальный характер в отечественной и зарубежной русистике / Л.А. Летаева // Вестник Тюменского государственного университета. – 2006. – № 2. – С. 233-239.
12. Макшанцева, Н.В. Лингвокогнитивный подход к описанию концепта в учебных целях (на примере концепта "совесть") / Н.В. Макшанцева // Наука и школа. – 2007. – № 6. – С. 36-39
13. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 296 с.
14. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
15. Москаленко, И.В. К проблеме изучения нравственных ценностей: нравственные национальные ценности / И.В. Москаленко // Сборники конференций НИЦ Социосфера. – 2011. – № 16. – С. 63-69.
16. Ожегов, С.И. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. Прохоров, Ю.Е. Русские: коммуникативное поведение / Ю.Е. Прохоров, И.А. Стернин. – М.: Флинта, 2011. – 328 с.
18. Словарь синонимов русского языка: более 5000 син. рядов: ок. 30000 слов-синонимов. – М.: АСТ: Астрель, 2011. – 687 с.
19. Сухина, И.Г. Ценностное измерение культурного пространства человеческого бытия в мире: основы аксиологии культуры / И.Г. Сухина // Гуманитарний вісник ЗДІА. – 2012. – № 48. – С. 159-171.
20. Хромова, Е.Б. А.Я. Гуревич и история ментальностей / Е.Б. Хромова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2014. – № 1 (24). – С. 163-168.
21. Чехов, А.П. Собрание сочинений в восьми томах. Т. III. / А.П. Чехов. – М.: Библиотека «Огонек», Издательство «Правда», 1970. – С. 206-210.

Материал поступил в редакцию 30.01.17.

THE FRAME OF “LIVING HONESTLY” AS A BASIS OF MORALITY IN THE RUSSIAN LINGUOCULTURE (ON THE EXAMPLE OF *NEDOBROYE DELO* BY A.P. CHEKHOV)

N.B. Shibayeva, Assistant of Department of Teaching Russian as Native and Foreign Language
Nizhny Novgorod State Linguistic University named after N.A Dobrolyubov, Russia

***Abstract.** In this article the moral values determining cultural identity of the Russian ethnos are considered; the conscience concept as a basic category of the Russian spiritual culture is analyzed; the features of implementation and verbalization of "living honestly" frame on the example of A.P. Chekhov's story are revealed and the conclusion is drawn that in the A.P. Chekhov's representation this frame includes the component "against oneself".*

***Keywords:** value, ethnos, linguistic view of the world, ethno-lingual consciousness, conscience, duty, interaction norms.*

УДК 80

ОПЫТ СОЗДАНИЯ АУДИОВИЗУАЛЬНОГО СЛОВАРЯ СВОЙСТВЕННЫХ НАЦИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ СЛОВ

Р.Х. Ширинова, кандидат филологических наук, доцент
Национальный университет Узбекистана (Ташкент), Узбекистан

***Аннотация.** В данной статье идёт речь о создании двуязычных словарей национально-культурных слов, предназначенные для переводчиков. В этом направлении изучается опыт созданных словарей, а также предлагаются практические рекомендации по созданию первого экспериментального узбекско-французского визуального словаря национально-культурных слов.*

***Ключевые слова:** диссонанс, колорит, адекватность, менталитет, контекстуальный перевод, форма и смысл.*

Современную науку нельзя представить без словарей, поэтому в настоящее время создаются различные словари нового поколения, такие, как электронные, звуковые, визуальные, автоматические переводные словари. Д.М. Юнусова в своей статье «Роль электронного словаря в современном мире», особо отмечая значение электронных словарей, признаёт их в качестве средства для повышения эффективности деятельности и справедливо отмечает, что «XXI век стал золотым веком лексикографии» [9, с. 74].

Анализ зарубежных источников показывает, что в лексикографии появились понятия «визуальный словарь» и «аудиословарь», и что эти понятия используются в общности в форме «аудиовизуального словаря». В Интернете на сайтах по изучению иностранных языков даются вместе картинка, написание и произношение определённого слова. Таковыми являются, например, сайты www.francaisfacile.fr, www.tv5monde.com. В связи с тем, что данные программы и учебные пособия созданы посредством возможностей компьютеров, программисты характеризуют их в качестве электронных словарей или специальной переводящей программы. Также в сети Интернет имеются несколько программ, охватывающих определённое направление, и в официальных списках они имеют свои специальные названия. К примеру, возьмём словари, приведённые в таких электронных программных системах, как Larousse и Le Robert. Некоторые приведённые в них слова имеют иллюстрации и механизмы воспроизведения произношения, однако такие словари даются только под своими названиями.

Для определения сущности понятия «аудиовизуальный» мы обратились прежде всего к имеющим многолетний опыт и несравненные достижения словарям Larousse. В официальном сайте словаря понятию «аудиовизуальный» даны следующие определения:

1. Se dit d'une technique ou d'une œuvre associant l'image et le son (называется техника или продукция (произведение), оснащенная изображением и звуком).

2. Se dit d'une méthode d'enseignement fondée sur la sensibilité auditive et visuelle de l'élève (называется приём, основанный на слуховом и зрительном восприятии учащегося в период учебной деятельности) [16].

Из определений данного понятия видно, что оснащенная изображением и звуком продукция имеет аудиовизуальные свойства. Если в словаре к слову приведены его перевод, произношение и иллюстрация, то этот словарь мы можем назвать «аудиовизуальным словарём». Аудиовизуальная продукция появилась в середине XIX века и в 40-ых годах XX века вошла в словари в качестве информационно-технологического термина, а в настоящее время имеется множество различных типов аудиовизуальной продукции. Хотя в настоящее время к типу таких изделий входят и имеющие очень сложное устройство телевизионные изделия, в качестве аудиовизуальной продукции, используемой в обучении, даются простые учебные программы, имеющие звук и изображение [11, с. 1]. Исследования французского учёного Жилля Делавауда показывают, что все имеющие звук и изображение изделия могут входить в состав аудиовизуальной продукции. Однако, как отмечает сам учёный, некоторые лексикографы, как Бейлот, Жак Омонт и Мишель Шинон, имеют различные взгляды на это понятие и дают в своих словарях противоречивые определения понятию «аудиовизуальный». В частности, как приводится в словаре Le Grand Robert, программа, имеющая одновременно воспроизведение и изображение, может быть аудиовизуальной программой. Однако некоторые учёные-киноведы, составляющие словарь аудиовизуальной продукции, не включают в этот список электронные учебные пособия. В список таких словарей входит словарь аудиовизуальной продукции, выпущенный в 2010 году группой исследователей, работающих во французском издательстве *Journal officiel*.

Как отмечалось выше, хотя в системе компьютерных программ имеются программы, имеющие изображение и произношение относящихся к определённой теме слов, такие пособия официально не названы «аудиовизуальными словарями». Причиной этого может быть и то, что данные программы составлены не лексикографами, а специалистами по информационной технологии, а также то, что широко используемая во многих областях продукция принята под разными названиями специалистами, работающими в различных сферах деятельности. Например, американский учёный Э.М. Дюран в своих исследованиях учебные пособия, используемые

при изучении иностранного языка и имеющие аудио- и визуальные средства, называет «аудиовизуальной продукцией». По его утверждению, аудиовизуальная продукция является важным средством для привлечения учащихся при обучении, но и для раскрытия социокультурологической абстрактности. В исследовании также приведены и статистические данные Руипереза. По этим данным, человек воспринимает 10 % информации посредством аудиоисточников, 20 % – визуальных источников и 65 % – аудиовизуальных источников [10]. Следовательно, при обучении использование одновременно аудио- и визуальных источников даёт эффективные результаты.

Эстер Дюран, перечисляя положительные и отрицательные стороны использования Интернета и аудиовизуальной продукции при изучении языков, особо отмечает несравненное место аудиовизуальной продукции в осмыслении и правильном восприятии культурных разнообразий между нациями. Одна из заслуживающих внимания сторон статьи состоит в том, что исследователь используемые в системе обучения звуковые средства называет «аудиовизуальными материалами».

Специалист по информационным технологиям Буа-де-Бологнского колледжа Розалин Дюфалт в своём пособии об электронных источниках приводит список аудиовизуальных документов и в этот список включил аудиокниги формата CD, видеоучебники и кинофильмы [13].

Если представители Страсбургского университета назвали кино- и видеопереводы аудиовизуальными переводами, исследователь Сибирского филиала российского университета Н.Ф. Хилько назвал словарь имеющихся в мире телевидения терминов «Аудиовизуальной культурой» [7, с. 149]. В данном словаре даны комментарии к используемым в СМИ, кино и телевидении терминам. В отличие от словаря французских терминов, в нём даны переводы этих терминов на английский язык.

Русский исследователь А.В. Хуторской в своём учебном пособии «Средства обучения» в состав используемых в обучении аудиовизуальных средств включил следующие: картина, видеоизображение, аудиозаписи, освещающая тему мультимедийная продукция разных видов, программы и различные информационные материалы, используемые посредством компьютера [8, с. 541].

В толковом словаре узбекского языка понятию «аудиовизуальное произведение» дано следующее определение: «Произведение, состоящее из расположенных в определённом порядке взаимосвязанных кадров (со звуком или без звука) и рассчитанное на просмотр и прослушивание (если есть звук) посредством соответствующих технических средств. В состав аудиовизуальных произведений входят все произведения, преподносимые через кинематографические произведения и средства кинематографии (теле- и видеофильмы, диафильмы, слайды и т.д.)» [14]. Как сообщается на официальном сайте Министерства народного образования Республики Узбекистан, группа педагогов Каракалпакской Республики в 2013 году создала англо-узбекско-каракалпакско-русский аудиовизуальный словарь. Данный словарь выполнен в виде компьютерной программы, и в качестве ведущего создателя этой программы дано имя отличника народного образования Дарменбая Кунарбаева [15]. Однако полных сведений об этой программе и основах её структуры не дано.

Сформированные в начале XX века иллюстрированные энциклопедические словари служат в настоящее время основой формирования «визуальных» словарей нового поколения [12]. Эти словари дают визуальное выражение трудно понимаемых и представляемых слов и создают дополнительные возможности изучающим языки и пользователям словарей.

В исследовании Н.А. Агаповой и Н.Ф. Картофелевой на тему «О принципах создания словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы», посвящённом вопросам создания в России электронных словарей, отмечается, что компьютерная лексикография в настоящее время стала одной из актуальных проблем, и при её создании приходится обращаться ко многим сферам. Также в этом исследовании представлены основные этапы и теоретические основы создания электронных словарей:

- первый этап – сбор нужных слов и изучение их лингвокультурологических особенностей;
- второй этап – разработка совместно с техническим обеспечением общей концепции словаря;
- третий этап – с учётом определения основных требований согласование их с техническими возможностями;
- четвёртый этап – разработка на основе компьютерной технологии вопросов поиска слов в электронном словаре;
- пятый этап – разработка программы удобного анализирования путём обобщения лингвокультурологических и технических возможностей словаря;
- шестой этап – проверка подготовленной программы с научной и культурологической стороны [1, с. 6].

В данной работе упоминается и о созданных в России программах электронных словарей АBBYY и DSL. Эти программы рассчитаны в основном на создание двуязычных словарей. Как отмечают исследователи, в настоящее время компьютерные технологии дают возможность не только быстро и легко найти слово, но и получить о нём дополнительную информацию, в частности, его произношение, иллюстрацию и видео. Наряду с этим в данной работе подвергнута критике недостаточность научных основ в электронных словарях. Причина этого в том, что в процессе создания электронных словарей главным фактором остаётся техническая организационная работа, то есть программное обеспечение, а полное раскрытие значений слов отодвинуто на второй план.

Использование электронных словарей, в том числе электронных опросов и электронных каталогов, широко распространено на Западе. Одним из основных известных источников английских электронных словарей

является энциклопедия Encyclopedica Britannica [9, с. 75]. В настоящее время есть ещё один современный многоязычный электронный словарь «Lingvo», который по сравнению с толковыми словарями широко используют при переводе [2, с. 26].

Разработан и электронный вариант словаря французского лексикографа Алена Рейна, касающийся культуры французского языка. Он дан в форме программы электронной книги. Но эта программа полностью отличается от других программ. Электронные словари, наряду с возможностью быстрого поиска слово и быстрого его перевода, при подаче касающихся культуры слов основаны на нескольких принципах.

В узбекской лексикографии хотя и не велись специальные исследования, посвящённые лексикографическим проблемам перевода, но эти вопросы отражены во многих научных статьях [3, 4, 6]. Ж. Норбоев особо отмечает недостаточность словарей для перевода художественных произведений с иностранных языков на узбекский язык, и что это в определённой степени отражается на деятельности переводчиков.

Основа каждого языка состоит из его фонетической системы, грамматического строя и словарного состава. Как строй языка, словарный запас и фонетическая система составляют отдельные системы, так и сам язык целиком составляет целую систему. Эту систему объединяют несколько своеобразных особенностей языка. Своеобразие языка неразрывно связано с национальными ценностями и обычаями народа. Ибо выражающие национальную культуру слова сформированы на основе этих ценностей и являются самым основным богатством словарного состава языка и главным источником, отличающим один язык от другого.

Н. Рахимов в своей работе «О принципах составления звукового электронного немецко-узбекского словаря» отмечает, что составление звуковых словарей является велением времени, и предлагает 4 этапа составления таких словарей:

1. Аналитико-теоретический этап.
2. Практический этап.
3. Технический этап.
4. Проверочно-экспериментальный этап.

В создании звукового переводного словаря исследователь опирается на теоретические взгляды П.Н. Денисова, Э. Агрикола, Я. Беньяминова. Особенно он поддерживает мнение немецкого лексикографа Э. Агрикола о необходимости рассмотрения макро- и микроструктуры словаря.

Аудиовизуальную продукцию широко используют представители разных сфер, и каждый специалист подходит к этому понятию в рамках своей деятельности. В частности, если специалисты информатики и информационных технологий имеют в виду, что в тип аудиовизуальной продукции входит программа с просмотром и прослушиванием, то педагоги включают в этот тип все учебные пособия с иллюстрацией и звуком, киноведы – телевизионную продукцию, а специалисты информационно-ресурсных центров – всю видеопродукцию и электронные программы, которые можно смотреть и слушать. Например, специалист отдела учебно-методических пособий языкового центра Ижевской области Т.С. Привалова в список аудиовизуальных пособий ввела следующие программы: *LONGMAN EXAMS COACH, JUST GRANDMA AND ME, ANDROMEDA CLASSIC LIBRARY, TOTAL ENGLISH [STARTER], HACHETTE MULTIMEDIA, LES 3 PETITS COCHONS, LES PAYS D'EUROPE PAYS*. [5]. Все они являются электронными программами, данные в них основные понятия и слова дополнены иллюстрациями, звуком и упражнениями.

В настоящее время в Узбекистане во многих учебных заведениях молодыми специалистами разрабатываются инновационные учебные программы. А также во многих странах мира программистами созданы учебные программы по изучению иностранных языков. Во многих из них даны только перевод и произношение слов, в некоторых из них – изображение и произношение или же только слово и изображение.

Однако в настоящее время в узбекской лексикографии нет толковых визуальных двуязычных словарей национально-культурных слов. Такой словарь, который вобрал бы в себя перевод, изображение, произношение и анализ свойственных национальной культуре узбекского народа слов, можно включить в ряд «аудиовизуальных словарей». Такие аудиовизуальные словари отличаются от других программ объёмом тем, глубоким анализом и толкованием слов, иллюстрациями, правилами произношения. В решении лингвокультурных проблем в переводе аудиовизуальные словари имеют важное значение. Ибо наблюдаемые именно в переводах некоторые ошибки, то есть неправильный перевод на иностранные языки слов, раскрывающих своеобразные стороны узбекской нации, и отсутствие специальных тенденций по переводу таких слов на иностранные языки подтверждает необходимость создания современных соответствующих требованиям словарей. Учитывая недостатки проанализированных выше аудиовизуальных словарей и примеров, приведённых в качестве компьютерных программ словарей, новый словарь был разработан на основе следующих принципов:

- были собраны свойственные узбекской национальной культуре слова и распределены на группы по смыслу и сущности;
- словам были даны толкования на основе толкового словаря узбекского языка, этимологического словаря узбекского языка, исторических и местных источников;
- приведённые на узбекском языке толкования были переведены на французский язык и включены в словарь;
- наименование свойственного нашей национальной культуре каждого предмета было дано во французском языке с транскрипцией, то есть с правилом произношения;

- для внесения ясности в толкование слов были размещены цветные иллюстрации к ним;
- были приведены грамматические категории слов (категории рода и числа);
- произношение каждого слова было записано на аудиоленты, и они были внесены в электронный словарь специалистами-программистами.

Созданный словарь согласно структуре по праву можно назвать аудиовизуальным. Нужно отметить, что в истории лексикографии нет такого аудиовизуального словаря, в котором бы свойственные национальной культуре слова были даны с толкованиями на иностранном языке. Поэтому в течение первого эксперимента в данном словаре можно наблюдать ограничение некоторых технических возможностей. Решение данной проблемы может наблюдаться не только с точки зрения переводоведения, но и в рамках некоторых наук, выполняющих важную задачу в лексикографии.

Данный аудиовизуальный словарь свойственных национальной культуре слов был подготовлен на кафедре французской филологии факультета зарубежной филологии Национального университета Узбекистана совместно с преподавателем-волонтером университета Пуатье, работающим на кафедре в рамках международного сотрудничества. Прочитанные госпожой Матильдой Больё свойственные национальной культуре слова были записаны на аудиоленту и запрограммированы. Данный аудиовизуальный словарь – один из видов мультимедийного словаря, впервые разработанного в узбекской лексикографии и переводоведении. В будущем структуру и объём словаря можно расширить на основе следующих тенденций и добавлений:

- Национальные (местные) песни.
- Национальные и местные танцы.
- Национальные и местные блюда.
- Национальные и местные церемонии.
- Фауна, флора, животный мир.
- Сведения о символах и цветах.

Наряду с этим, исходя из внутренних особенностей свойственных национальной культуре слов, предлагается внесение их полной этимологии. Как было отмечено ранее, имеются и художественные основы словаря, так как приведённые в данном аудиовизуальном словаре примеры свойственных национальной культуре слов взяты из переведённых произведений. При этом, конечно, в качестве примера взяты самые правильные и соответствующие правилам перевода варианты.

Раз так, то в сфере лексикографии нужно решить такие задачи, как увеличение количества научных исследований, создание совместно с переводоведами словарей. В будущем такие переводные словари нужно превратить в двуязычные и многоязычные. Это приведёт к подъёму узбекской лексикографии до конкурирующего уровня с мировой лексикографией.

Как отмечалось выше, созданный в целях решения актуальных проблем перевода этот словарь был преподнесён в качестве примера, в дальнейшем будут созданы другие новые словари с учётом недостатков первого словаря и правил перевода. Известно, что каждый созданный новый источник имеет свои правовые, научные и художественные основы. Например, внедрение в систему образования нового инновационного словаря опирается на множество законодательных документов. В законе «Об образовании» и «Национальной программе подготовки кадров» воспитание всесторонне развитого поколения определяется в качестве важной задачи государственного значения, приоритетного направления. Эффективным средством для достижения этой цели является «внедрение в учебный процесс передовых форм обучения и новых педагогических технологий, технических и информационных средств».

Создаваемые в нашей стране условия открывают широкую дорогу прогрессу науки и техники. Продуктивно используя эти возможности, разрабатываемый полный вариант аудиовизуального словаря послужит в будущем одним из важных средств перевода ценных произведений нашей художественной литературы на иностранные языки и представлению их всему миру.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агапова Н.А. О принципах создания словаря лингвокультурологического типа: к постановке проблемы / Н.А. Агапова, Н.ф. Картофелева. – Томск.: 2014. – С. 6-10.
2. Гринштейн, Э.М. Использование словарей в работе переводчика / Ж.М. Гринштейн. – А.: 2010., Б-26.
3. Исмоилов, Ю.Н. Немис тилида хос сўзлар ва уларнинг икки тилли лугатларда ифодаланиши / Ю.Н. Исмоилов // Лексикография ва фразеологиянинг долзарб муаммолари. Республика илмий-амалий анжуман материаллари. – Т., 2014. – Б. 49-52.
4. Каримов, Ш. Лугатшуносликда лингвомаданият жихатлар / Ш. Каримов // Лексикография ва фразеологиянинг долзарб муаммолари. Рес.илмий-амалий анжуман материаллари. – 2014. – Б. 8-10.
5. Привалова, Т.С. Каталог учебно-методических материалов / Т.С. Привалова. – Ижевск, 2012.
6. Рахимов, Х.Р. Таржима лугати: дефиниция, классификация ва иллюстрация / Х.Р. Рахимов // Лексикография ва фразеологиянинг долзарб муаммолари. Рес.илмий-амалий анжуман материаллари. – 2014. – Б. 11-13.
7. Хилько, Н.Ф. Аудиовизуальная культура. Словарь (учебно-пособие для студентов и аспирантов высших и средних учебных заведений культуры и искусства) / Н.Ф. Хилько // Отв. редактор проф., к.п.н. В.Е. Новаторов. – Омск.: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2000. – 149 с.
8. Хуторской, А.В. Практикум по дидактике и современным методикам обучения / А.В. Хуторской. – СПб.: Питер, 2004. – 541 с.; ил. – (Серия «Учебное пособие»).

9. Юнусова, Д.М. Роль электронного словаря в современном мире / Д.М. Юнусова // “Лексикография ва фразеологиянинг долзарб муаммолари” республика илмий-амалий анжуман материаллари. – Т.: 2014.
10. Esther Mediero Durán. 148 – Les matériels audiovisuels dans l'apprentissage d'une langue étrangère et le rôle prépondérant des étudiants et des professeurs / Esther Mediero Durán. –Kentucky Board of Education, KY (États-Unis).
11. Gilles Delavaud. De la création à l'exposition : les impermanences de l'oeuvre audiovisuelle, Professeur en sciences de l'information et de la communication / Gilles Delavaud. – Université Paris 8., 2010. – p. 1-4.
12. Jean-Claude Corbeil. *Le Nouveau Dictionnaire visuel*, version électronique / Jean-Claude Corbeil, Ariane Archambault. – Montréal, Québec Amérique, 2004.
13. Roseline Dufault. Comment rédiger une médiagraphie? / Roseline Dufault / Collège de Bois-de-Boulogne, 2013.
14. http://dic.zy.uz/uz_latn/resource/termview/130/uz_latn#uz_cyrl
15. <http://eduportal.uz/uzb/info/article1298.html>
16. www.larousse.com

Материал поступил в редакцию 09.02.17.

THE PRACTICE OF CREATING AUDIOVISUAL DICTIONARY OF WORDS OF NATIONAL CULTURE

R.Kh. Shirinova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
National University of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

***Abstract.** In this article we are talking about the creation of bilingual dictionaries of national cultural words intended for translators. In this regard, we study the experience of the created dictionaries, and we give practical advice on the creation of the first pilot of the Uzbek-French visual dictionary of national and cultural words.*

***Keywords:** dissonance, color, appropriateness, mentality, contextual interpretation, form and meaning.*

УДК 81:811.133.1

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА ФРАНКОЯЗЫЧНОГО РЕКЛАМНОГО СЛОГАНА

Е.А. Юрина, кандидат культурологии, доцент кафедры романской филологии
Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности рекламного слогана. Устанавливается, что рекламный слоган, как один из главных компонентов рекламного текста, имеет коммуникативно-прагматическую направленность. Выявляются основные лексические и грамматические средства создания прагматического эффекта франкоязычного рекламного слогана.*

***Ключевые слова:** рекламный слоган, коммуникативно-прагматический потенциал, лексико-грамматические средства, франкоязычная реклама.*

Несмотря на существование в современной науке большого количества работ, исследующих рекламный текст, его изучение остается постоянно актуальным. Особенно это касается лингвистических исследований, так как язык рекламы постоянно изменяется, обновляется, обогащается новыми элементами. Наиболее подвержен изменениям вербальный компонент рекламы, который многими лингвистами рассматривается как важная составляющая рекламного текста. Так, Х. Кафтанджиев отмечает, что «... именно благодаря вербальным знакам ... ключевые моменты [рекламы] доосмысливаются строго по рекламным коммуникативным интенциям рекламодателя и рекламных агентств» [3, с. 3].

Известно, что вербальными составляющими рекламного текста являются пять основных компонентов: заголовки, подзаголовки, основной текст, подписи и комментарии, рекламный лозунг (слоган). Созданию рекламного слогана производители уделяют особое внимание, поскольку установлено, что большая часть людей не читают рекламный текст полностью, обращая внимание лишь на лозунг. Рекламный слоган содержит основную идею всей рекламной компании. Он выполняет ключевую роль – формирует привлекательный образ рекламируемого товара или услуги, обращает на себя внимание клиентов и побуждает их к покупке. Поэтому в настоящий момент существует целый ряд требований к созданию яркого и запоминающегося (а, следовательно, эффективного) рекламного слогана. Например, по мнению И.В. Голубевой, «качественный рекламный слоган лаконичен, наделен образностью, экспрессивен» [2, с. 25]. Т.П. Свекла «важными риторическими характеристиками слогана» называет «краткость, ритмический и фонетический повтор, контрастность, языковую игру и эффект скрытого диалога» [6, с. 89].

Основными функциями рекламного слогана ученые называют информативную, оценочную и воздействующую (прагматическую) [2, 4, 5]. Особую значимость имеет последняя функция, так как она отвечает за коммуникативно-прагматический аспект рекламы в целом. Всякий рекламный текст имеет коммуникативно-прагматическую направленность: он всегда адресован конкретному потребителю, на которого воздействует (чаще всего – на эмоциональном уровне) и от которого ждет ответной реакции (приобретения товара или услуги). Некоторые исследователи отмечают даже способность рекламного слогана влиять на массовое сознание аудитории и рассматривают его «как особое «зеркало» культуры, объективно отражающее среду коммуникации общества» [6, с. 87]. Коммуникативно-прагматический потенциал рекламного слогана заключен в его экспрессивности, эмоциональности, оценочности, суггестивности, способности манипулировать и т.д.

Прагматический эффект рекламного слогана реализуется, прежде всего, языковыми средствами на фонетическом, лексическом, стилистическом, синтаксическом и других уровнях. Мы уже проводили лексико-стилистический анализ франкоязычных рекламных слоганов, в ходе которого выявили, что в них используются преимущественно имена собственные, глаголы в повелительном наклонении, эмоционально-экспрессивная и разговорная лексика, англицизмы, разнообразны тропы и стилистические фигуры [7]. В данной же статье нашей главной целью является выявление основных языковых средств, которые создают коммуникативно-прагматический эффект рекламных слоганов во французских СМИ.

Анализ более 200 рекламных слоганов из французских газет и журналов широкой направленности показал, что их воздействующий эффект реализуется главным образом на лексическом и грамматическом уровнях.

Прежде чем представить результаты проведенного анализа, отметим, что французские рекламодатели при составлении слоганов рекламных кампаний обязательно учитывают особенности национального характера французов. К ним исследователи относят «интеллектуализм, гедонизм, рациональность, практичность, стремление к ясности, порядку, совершенству, четкая общественная и личностная позиция, деликатность, патриотизм, свободолюбие, веселый и легкий нрав, радушие» [1, с. 7]. По нашему мнению, данные типичные черты французской нации влияют на выбор языковых средств при составлении рекламных слоганов.

На лексическом уровне самым частотным способом привлечения внимания является употребление имен собственных, обозначающих названия фирмы или марки. Например:

Les citadines Nissan. Vous allez les aimer sans condition (реклама городских автомобилей фирмы Nissan).

Havas Voyages. Tout part de vous (реклама французского туристического агентства Havas Voyage).

Для рекламодателя при создании слогана самым главным является то, чтобы потребитель запомнил

название торговой марки. Поэтому оно употребляется так часто, как только возможно. Кроме того, имена собственные часто вызывают ассоциации с уже известными товарами этой марки или фирмы (как в случае с автомобилями фирмы *Nissan*), а потому привлекают внимание.

На втором месте по частотности использования находится употребление слов с положительным или ярким коннотативным значением. Подобные лексемы обычно говорят о высоком качестве товара или услуги, о его надежности, комфорте или непохожести на другие товары. Приведем примеры:

Grange. Le bonheur intérieur retrouvé (реклама мебели фирмы *Grange*).

Weleda. La Grenade bio, source de beauté intemporelle (реклама масла для тела марки *Weleda*).

Idiliz. Les beaux voyages, les bons prix (реклама туристического агентства *Idiliz*).

Создатели данных рекламных слоганов, несомненно, знают о любви французов к комфорту, роскоши, совершенству, поэтому воздействуют на потребителя, создавая яркие образы своих товаров. В последнем примере кроме всего прочего рекламодатели обещают потребителю низкие цены. Данный рекламный слоган должен найти отклик у французов, известных всему миру как нация крайне бережливая.

За последние годы во французской рекламе увеличились случаи употребления английских заимствований. Данный факт отражает последние тенденции активного заимствования англицизмов французским языком. Использование английских слов делает рекламу более привлекательной, современной. Например:

Honda. The Power of Dreams (реклама автомобиля фирмы *Honda*).

Ниже дается перевод слогана: *Donnez la vie à vos rêves*.

Nouvelle Passat. Avec système Easy Open. Sans concession (реклама автомобиля фирмы *Volkswagen*).

Авторы данных рекламных слоганов, используя англицизмы, показывают, что их товар или услуга предназначены людям образованным, успешным, ориентированным на будущее, т.е. оказывают воздействие.

Для реализации прагматического эффекта рекламного слогана французские рекламодатели часто прибегают к употреблению числительных. Зная о склонности французской нации к рациональности и практичности, можно не сомневаться в том, что французы обращают внимание на количественный аспект информации. Приведем примеры:

Carita. Paris. -53 % de rides sans chirurgie (реклама крема косметической фирмы *Carita*).

Nouvelle Peugeot 308. Juges: 58. Pays: 22. Pitié: 0 (реклама автомобиля марки *Peugeot*).

Использование числительных делает рекламный слоган более научным, достоверным. В данном случае можно даже говорить о манипулировании общественным сознанием.

На лексико-грамматическом уровне наиболее частотным способом создания коммуникативно-прагматического потенциала рекламного слогана является употребление личных местоимений *vous, tu, on, nous* и притяжательных прилагательных *votre, ton, notre* и др. Например:

PMU. On parie que vous allez gagner (реклама информационного сайта о скачках на лошадях *PMU.fr*).

Peugeot 308. Voiture de l'année. Comparez votre voiture à la voiture de l'année (реклама автомобиля марки *Peugeot*).

Использование личных местоимений и притяжательных прилагательных делает рекламу персонифицированной, а, значит, более доверительной. Потребитель ощущает свою значимость, важность для рекламодателя. Данный способ увеличивает силу воздействия рекламного слогана.

Довольно часто во франкоязычных рекламных слоганах для оказания воздействия на потребителя используются сравнительная и превосходная степени прилагательных. Например:

Depuis 50 ans, les plus beaux Noël sont chez Habitat (реклама сайта по продаже предметов интерьера www.habitat.fr).

En croisant le meilleur on construit l'excellent (реклама Французского национального института мультимедийных технологий *Institut national de l'audiovisuel*).

Имена прилагательные в сравнительной и превосходной степени формируют яркий, а, главное, положительный образ рекламируемого товара или услуги, что привлекает и воздействует на потребителя.

Наконец, нами были обнаружены случаи употребления глаголов в повелительном наклонении или в форме инфинитива в значении повелительного наклонения. Приведем примеры:

Les coffrets golf. Offrez les plus beaux des parcours (реклама подарочных наборов для игры в гольф от фирмы *Havas Voyages*).

Le livre événement à ne pas manquer (реклама книги *Le Nouvel Observateur. 50 ans*).

Данные глагольные формы выражают прямое побуждение потребителя к приобретению товара или услуги. Следует отметить, что французские рекламодатели не часто прибегают к данному способу воздействия, из чего можно сделать вывод, что французы не любят, когда им что-то напрямую навязывают или внушают.

Таким образом, в настоящее время главной функцией рекламного слогана является прагматическая функция. Для современного рекламодателя главное – оказать воздействие на потребителя и побудить его к совершению определенных действий, при этом сохраняя у него уверенность в том, что он сам принимает решение. Во французской рекламе прагматический эффект рекламного слогана реализуется главным образом на вербальном уровне. Самыми частотными лексическими средствами формирования коммуникативно-прагматического потенциала рекламного слогана является употребление имен собственных, слов с ярким коннотативным значением, англицизмов и числительных. На грамматическом уровне чаще всего используются личные местоимения, притяжательные прилагательные и сравнительная и превосходная степени прилагательных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Борисова, А. С. Французский национальный характер сквозь призму современных французских печатных рекламных текстов: автореф. дисс. ... канд. филол. наук / А. С. Борисова. – Москва, 2010. – 22 с.
2. Голубева, И. В. Прагматика рекламного слогана (на примере именительного темы и номинативных конструкций) / И. В. Голубева // Труды Ростовского государственного университета путей сообщения. – 2013. – № 3 (24). – С. 25–27.
3. Кафтанджиев, Х. Тексты печатной рекламы / Х. Кафтанджиев. – М.: Смысл, 1995. – 82 с.
4. Назайкин, А. Н. Рекламный текст в современных СМИ: практическое пособие / А. Н. Назайкин. – Москва: Эксмо, 2007. – 352 с.
5. Романенко, Я. Н. Рекламный текст как объект лингвистического исследования: дис. ... канд. филол. наук / Я. Н. Романенко. – М., 2007. – 293 с.
6. Свекла, Т. П. Слоган как основной компонент рекламного сообщения и его влияние на массовое сознание / Т. П. Свекла // Коммуникативные исследования. – 2015. – № 3 (5). – С. 87–95.
7. Юрина, Е. А. Лексико-стилистические особенности франкоязычного рекламного слогана (на материале онлайн-прессы) / Е. А. Юрина // Иностранные языки в школе и вузе: сб. научных трудов по материалам Международного семинара-практикума «Иностранные языки в школе и вузе» в рамках X Международной научно-практической конференции «Осовские педагогические чтения»; отв. редактор Л. Е. Бабушкина. – Саранск, 2015. – С. 154–161.

Материал поступил в редакцию 01.03.17.

LEXICAL-GRAMMATICAL MEANS OF FORMATION OF COMMUNICATIVE AND PRAGMATIC POTENTIAL OF THE FRENCH-LANGUAGE ADVERTISING SLOGAN

E.A. Yurina, Candidate of Culturology, Associate Professor of Department for Romance Philology
Ogarev Mordovia State University (Saransk), Russia

***Abstract.** In this article the peculiarities of advertizing slogan are considered. It is established that the advertizing slogan as one of the main components of the advertizing text has communicative and pragmatic determination. The main lexical-grammatical means for pragmatic effect of French-language advertizing slogan are revealed.*

***Keywords:** advertizing slogan, communicative and pragmatic potential, lexical-grammatical means, French-language advertizing.*

УДК 80

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ И КОНЦЕПТ В НАУЧНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

З.М. Яхьяева, преподаватель

Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека (Ташкент), Узбекистан

Аннотация. В данной статье анализируется лексическое значение в научно-лингвистической интерпретации.

Ключевые слова: язык, лингвистика, лексические единицы, коммуникация, культура, коннотация, конфигурация.

В последние десятилетия XX в. в лингвистике постепенно сложилась новая научная парадигма – антропоцентрическая. В центре исследовательских интересов оказался язык как явление, тесно связанное с действительностью, обществом, цивилизацией. Язык предназначен для человека, и вся языковая категоризация объектов и явлений внешнего мира ориентирована на человека. Антропоцентрический подход стал основой для новых направлений лингвистики, которые не замыкаются на изучении языка как статичной системы, а расширяют границы научных исследований до рассмотрения взаимодействия языка и общества, языка и этноса. В рамках новых лингвистических направлений язык предстает не только как важнейшее средство общения и выражения мысли, но и как средство аккумуляции знаний культуры, и поэтому он выступает в качестве реализованной сущности культуры.

Для языка и культуры, по мнению И.Г. Ольшанского, характерны «общие признаки: это формы сознания, отражающие мировоззрение народа и человека; они ведут между собой постоянный диалог, т.к. субъект коммуникации – это всегда субъект определенной (суб)культуры; они имеют индивидуальные и общественные формы существования; обоим явлениям свойственны нормативность, историзм, а также включенность одной сферы в другую».

Особенности национальной культуры эксплицитно и имплицитно воплощаются в большей степени в единицах лексического уровня. Обобщая результаты исследований материалов русского языка, А.Д. Шмелев пишет: «Значение большого числа лексических единиц включает в себя лингвоспецифичные конфигурации идей. При этом нередко обнаруживается, что эти конфигурации смыслов соответствуют каким-то представлениям, которые традиционно принято считать характерными именно для «русского» взгляда на мир» [4]. Вместе с тем лексические единицы отражают не только современную культуру общества, но и фиксируют предшествующее состояние культуры [2].

Выдвижение на первый план человека и провозглашение актуальности антропоцентрического подхода привели к смене научных приоритетов.

Переключение интересов исследователей с объекта познания на субъект, то есть рассмотрение проблемы существования человека в языке обусловило поиск новых ключевых понятий и методик, новых установок и целей. Взаимодействие языка и личности в рамках антропоцентрической парадигмы оказалось настолько многоаспектным, что познать их природу, функции, генезис при помощи традиционной – системно-структурной – парадигмы оказалось невозможным. Выделяются крупные блоки, макрокомпоненты, определяющие основную специфику семантики слова, затем в их составе вычлняются микрокомпоненты – семы. Семантические блоки представлены прежде всего тремя основными макрокомпонентами: денотативным (эмпирическим), понятийным (сигнификативным), составляющими в совокупности предметно-понятийное содержание, и коннотативным. Каждая сема может быть охарактеризована по разным основаниям: с точки зрения содержания (основные, неосновные, описательные, относительные), с точки зрения области знания (бытовые, профессиональные), с точки зрения места в словарной дефиниции (постоянные, вероятностные, негативные), с точки зрения психологической яркости (яркие, слабые, коннотативные), классификация в условиях оппозиции семем (архисемы, видосемы, родосемы).

Системно-структурный подход сыграл большую положительную роль в развитии семасиологии, поскольку позволил выявить семантические элементы значения.

Тем не менее, указанный подход не обладал достаточной объяснительной силой для описания различных модификаций значения в коммуникативном акте. «Несмотря на внутреннюю упорядоченность, структурная лингвистика имела слабую связь с реальностью и практической речевой деятельностью. Обращение к реально функционирующему значению было закономерным развитием отражательной концепции значения».

Изучение слова в коммуникативном аспекте представляет собой исследование его как единицы, предназначенной для выполнения коммуникативных функций. Преимущественно коммуникативный подход к слову характерен для В.Г. Гака, В.И. Говердовского, В.З. Демьянкова, Т.Н. Дорожкиной, Г.В. Колшанского, Н.Г. Комлева, О.А. Михайловой, М.В. Никитина, З.Д. Поповой и И.А. Стернина.

И.А. Стернин указывает, что «коммуникативное изучение слова отличается от традиционных контекстуальных исследований тем, что имеет дело не с многозначным словом и факторами реализации отдельных

значений в контексте, а с приспособлением структуры отдельного значения слова к условиям конкретного коммуникативного акта» [3].

Коммуникативное описание слова показывает, что значение слова в акте речи несводимо к небольшому числу ядерных сем, которые выполняют дифференциальные функции в языке. Выстраивая структуру интегральной модели значения, Г.Н. Склярская представляет ее в виде системы концентрических кругов, где внутренний круг означает денотативное ядро – постоянные обязательные и неустраиваемые семы, обычно составляющие словарную дефиницию, а следующий за ним периферию денотата – второстепенные семы, закрепленные в массовом сознании за данным денотатом и являющиеся факультативными в словарных дефинициях. Далее следует ряд концентрических кругов, содержащих прагматическую информацию о слове, разнородный набор коннотаций (социальных, исторических, культурных, эмотивных и т.д.). Наиболее отдаленное от денотативного ядра место занимают семы индивидуальные, ситуативные и т.п. – то есть такие семантические компоненты, которые не являются всеобщими, а отражают ассоциации некоторой части языкового коллектива и могут реализоваться только при определенных обстоятельствах (к ним относятся в первую очередь идеологические прагматические компоненты). Как правило, периферийные компоненты значения обеспечивают широкие номинативные возможности слова в коммуникативных актах, возможности семантического варьирования; именно в них сосредоточиваются коннотации и ассоциации.

Формируемая коммуникативным подходом интегральная концепция значения предстает как бесконечно сложная структура, которая включает широкий круг более или менее существенных признаков, проявляющихся у предмета в разных ситуациях.

«Эти признаки неважны для противопоставления значений, они структурно не значимы, но в значительной степени релевантны для коммуникации» [1].

Еще Д.Н. Шмелев, работавший в рамках дифференциальной семасиологии, говорил о необходимости выделения сем, обозначающих побочные характеристики объекта. Он писал о том, что при переводе с одного языка на другой в определениях слов «остаются нераскрытыми какие-то «оттенки смысла». По мнению А.Я. Алексеева, расплывчатость и неопределенность термина «оттенки смысла» часто вызывает споры ученых. Однако «спор о том, называть данным термином то, что лежит в его основе, или предпочесть ему другое название, в конце концов не столь важен. Как бы мы их ни называли – дополнительными оттенками (значениями), второстепенными или коннотативными значениями, коннотацией или прагматикой и т.п., – сущность и характер этой части информации, заключенной в знаке, не меняется. Более существен вопрос о структуре данной информации и о роли ее составных элементов в системе языка». Тем более, что это непросто сделать, поскольку, по мнению И.М. Кобозевой, в языковом знаке взаимодействуют по меньшей мере 4 типа сущностей:

- 1) категории действительного мира;
- 2) мыслительные категории, присущие логике и психологии человеческого познания;
- 3) прагматические факторы, т.е. то, что связано с целенаправленным использованием языка в человеческой деятельности;
- 4) отношения между знаками – единицами языковой системы.

Акцентируется, что «языковые данные обеспечивают наиболее очевидный и естественный доступ к когнитивным процессам и когнитивным механизмам; само их появление можно рассматривать как следствие определенного процесса и действие определенных механизмов, связанных с ментальной и когнитивной деятельностью человека» [5].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ван Дейк, Т.А. К определению дискурса / Т.А. Ван Дейк. – URL: <http://psyberlink.flogiston.ru/internet/bits/vandijk2.htm>.
2. Минский, М. Фрейд / М. Минский. – URL: <http://www.myai.narod.ru/Minsky/sod.htm>.
3. Слышкин, Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе Текст. / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
4. Талми, Л. Предисловие к книге «Методы когнитивной лингвистики» Текст. / Л. Талми // Язык. Текст. Дискурс: Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / Под ред. Г.Н. Манаенко. Выпуск 5. – Ставрополь, изд. ПГЛУ, 2007. – С. 19-31.
5. Фреге, Г. Смысл и значение / Г. Фреге. – URL: <http://eu.spb.ru/ethno/utekhin2/freg.htm/>

Материал поступил в редакцию 20.02.17.

LEXICAL MEANING AND CONCEPT IN LINGUISTIC SCIENTIFIC INTERPRETATION

Z.M. Yakhyoyeva, Lecturer

National University of Uzbekistan (Tashkent), Uzbekistan

Abstract. In this article the lexical meaning in linguistic scientific interpretation is analyzed.

Keywords: language, linguistic, lexical units, communication, culture, connotation, configuration.

УДК 82.09

ВИДЫ И ФУНКЦИИ РЕМАРОК В ДРАМАТУРГИИ А.С. ПУШКИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАГЕДИИ «БОРИС ГОДУНОВ»)

О.В. Гаврильченко, кандидат филологических наук, доцент
ФГБОУ ВО «Московский политехнический университет», Россия

***Аннотация.** Статья посвящена ремаркам как необходимому элементу структуры драматического текста. Это один из немногих видов прямого авторского слова в драме. Не случайно предпринимается обращение именно к драматургии А.С. Пушкина: его пьесы (прежде всего «Борис Годунов») создавались в кризисный для русского театра период и были задуманы как произведения реформаторские. Пушкинские ремарки рассматриваются в соотношении с предшествующей – классицистической – традицией.*

***Ключевые слова:** основной и вспомогательный текст, ремарка, сценическое указание, драма (как род литературы), трагедия.*

Драматическое произведение принадлежит одновременно двум видам искусства – искусству слова и искусству театра: оно предназначено не только для чтения, но и для постановки на сцене. Этим определяется специфика его речевой организации.

Российские и зарубежные исследователи традиционно выделяют в драме *основной и вспомогательный* текст [см., например: 7, с. 373; 9, с. 188; 10, с. 42; 11, с. 303]. Основной составляет «цепь высказываний персонажей, их реплик и монологов» [11, с. 303], то есть речь героев как главный способ словесного воплощения сюжета, а вспомогательный («побочный», «второстепенный») – то, что можно отнести к собственно авторской речи (списки действующих лиц, описания сценической обстановки, ремарки).

Нас будут интересовать именно ремарки как часть вспомогательного текста драмы, то есть указания на поступки героев, их жесты, мимику, интонацию, на психологический смысл их высказываний, темп речи, паузы, на обстановку действия [3, стб. 870].

Первоначальная функция ремарок как структурного элемента драматического текста – служебная: выражая коммуникативные намерения автора, они обеспечивают адекватность понимания пьесы режиссером, актерами и читателями.

С одной стороны, ремарки – это непосредственно звучащий авторский голос, с другой – они предельно объективированы (в них нет и не может быть форм 1-го и 2-го лица), как правило, стилистически нейтральны и безоценочны.

Этот вид авторского слова не оставался неизменным в ходе исторического развития драматической формы. По ремаркам можно судить об эволюции драмы как литературного рода. Их не знала античная трагедия, в пьесах Шекспира они появились лишь благодаря усилиям позднейших издателей.

Число ремарок обычно невелико в тех случаях, когда в основном тексте содержится вся необходимая для определения обстановки информация: самопредставление персонажей, словесные декорации, ясное выражение чувств и намерений и т. д. Так, во французской классицистической трагедии они встречаются крайне редко. Теоретики классицизма считали их явлением, внешним по отношению к пьесе, и настаивали на включении необходимых сведений в основной текст.

В произведениях русских классицистов количество ремарок тоже незначительно¹. Отношение писателей-классицистов к авторским указаниям в драме проиллюстрируем фрагментом из письма П.А. Катенина от 1 февраля 1831 года, адресованного неустановленному лицу и содержащего отзыв о пушкинской трагедии «Борис Годунов»: «Патриарх рассказывает чудо, сотворенное новым угодником Углицким, и курсивом напечатано: Годунов несколько раз утирается платком: немецкая глупость, мы должны видеть смуту государя-преступника из его слов, или из слов свидетелей, коли сам он молчит, а не из пантомимы в скобках печатной книги» [1, с. 654].

Ремарки в русских классицистических трагедиях, как правило, называют адресата реплики или указывают на действия героев и их пространственные перемещения. Некоторые из них сообщают, что в момент речи персонаж на сцене один. Обычно в таких случаях монологи носят саморазоблачительный характер или герой информирует читателя о своих намерениях и помыслах. Отдельную группу составляют указания на произнесенные реплики «*в сторону*».

В то же время от трагедий А.П. Сумарокова к произведениям В.А. Озерова ремарки претерпевают изменения: их число увеличивается, а функции усложняются. Уже в пьесах Я.Б. Княжнина изредка встречаются авторские замечания, характеризующие психологическое состояние персонажей. Так, в трагедии «Рослав» Зафира некоторые реплики произносит «с ужасом», «с смятением» [2, с. 221] и т. д. В произведениях В.А. Озерова такого рода указаний довольно много. Большинство ремарок в его трагедии «Ярополк и Олег» эмоционально насыщены. Они либо прямо указывают на переживания героев («с смущением», «в великой ярости», «пришед в себя и скрывая гнев» [6, с. 100, 111]), либо через детали, особенности поведения («бросается в кресла и по некотором молчании» [6, с. 118]). Встречаются в пьесе Озерова и ремарки, выполняющие другие функции – например, указывающие на характер произнесения реплики («перебивая речь Олега» [6, с. 91]).

Преобладают авторские замечания обычно в тех сценах, где действие разворачивается на глазах зрителей. В «Димитрии Самозванце» Сумарокова едва ли не половина их приходится на два последних явления, в которых Димитрий намеревается заколоть Ксению.

Кроме того, в каждой пьесе есть список действующих лиц и указание на место действия, любое явление начинается с перечисления персонажей, в нем участвующих. Иногда в текст трагедии включаются дополнительные сведения об обстановке действия и времени появления героев.

В первом завершённом драматическом произведении Пушкина – пьесе «Борис Годунов» – количество ремарок заметно увеличивается по сравнению с трагедиями классицистов. В значительной степени это связано с тем, что в драме Пушкина важную роль играет собственно действие: мы не просто узнаем о событиях из уст героев, но и становимся свидетелями происходящего. В классицистических же трагедиях действие обычно выносилось за сцену, заменялось его словесным «изображением»: зрители или видели подготовку к совершению поступка, принятию решения, или узнавали о последствиях этого поступка, решения, то есть о том, что уже произошло.

Среди пушкинских ремарок выделяются *имеющие сугубо сценическое значение* (такие ремарки (а их в пьесе довольно много) позволяют с уверенностью говорить о том, что поэт создавал произведение именно для сцены) и *необходимые для понимания и раскрытия характеров, поступков, состояния персонажей, краткие и развернутые*.

Выполняемые ими функции весьма разнообразны. Ремарки первого типа вполне традиционны: как и в произведениях русских драматургов XVIII – начала XIX века, они указывают на лицо, к которому обращается герой, на совершаемые действия, на положение и перемещение персонажей в пространстве сцены. Но наряду с традиционными в пьесе Пушкина появляются авторские замечания:

- характеризующие манеру речи говорящего (темп, громкость, интонацию),
- содержащие дополнительные сведения об обстановке действия, о происходящем,
- прямо или опосредованно указывающие на физическое и психологическое состояние героев («плачет», «смеясь», «едет тихо с поникшей головой», «в продолжение сей речи несколько раз отирает лицо платком» и т. п.),
- выступающие в качестве средства психологической характеристики персонажей.

Приведем пример ремарки последнего типа: в первой сцене трагедии Шуйский, только что обнаруживший перед Воротынским свое сокровенное желание – править государством, «*глядит в окно*» [здесь и далее цитирование пушкинских текстов ведется по изданию: 8, VII, с. 9]. Это указание предваряет реплику героя, раскрывающую его отношение к совершенному Борисом Годуновым преступлению: «Он смел, вот все – а мы...» [там же], – и показывает, что слова Шуйского вряд ли адресованы Воротынскому, скорее они являются продолжением внутренних размышлений персонажа.

Есть в трагедии Пушкина и ремарки, расширяющие пространство трагедии и ее образов. В сцене «Корчма на литовской границе» монах Варлаам поет песню «Как во городе было во Казани... Молодой чернец постригся...». В.И. Чернышев предлагает два варианта этой песни: извлеченный из песенника Н. Новикова 1780 года [5] и записанный в с. Константиновском Александровского уезда Владимирской губернии в 1888 году [12, с. 127–129]. И в том и в другом случае чернец сбрасывает клобук, предпочитая монашескому служению женитьбу на красной девице. Эта песня соотносится с ситуацией, в которой оказался Отрепьев (хотя участникам сцены ничего о ней не известно).

Реплик «*в сторону*», традиционных для допушкинской драматургии, в «Борисе Годунове» нет, но есть те, которые произносятся «*про себя*» или «*тихо*» (неслышно для других участников общения). Почему же поэт, сохраняя явление, дает ему другое определение? В письме Н.Н. Раевскому, датированном второй половиной июля 1825 года, он пишет: «На мой взгляд ничего не может быть бесполезнее мелких поправок к установленным правилам: Альфиери крайне изумлен нелепостью речей *в сторону*, он упраздняет их, но зато удлинит монологи, полагая, что произвел целый переворот в системе трагедии; какое ребячество!» [8, XIII, с. 197 и 541; оригинал на франц. языке]. По-видимому, осознавая условность драматического и всякого другого искусства, Пушкин не воспринимает реплики «*в сторону*» как проявление неправдоподобия в драме. В то же время, стремясь приблизить текст к внелитературной реальности, он отказывается от «условного» наименования – от ремарки «*в сторону*», заменяя ее такими, которые соотносятся с действительному характеру произнесения реплик («*тихо*», «*про себя*»).

Появление ремарок в том или ином месте пушкинской трагедии психологически или сценически оправданно. Они обязательно несут в себе *новую* информацию. Так, в сцене «Царские палаты» в ответ на уверения Шуйского в том, что «Димитрий // Во гробе спит» [8, VII, с. 49], Борис Годунов «*спокойно*», согласно авторскому указанию, завершает беседу. Но, оставшись один, он дает волю чувствам: «Ух, тяжело!.. дай дух переведу... // Я чувствовал: вся кровь моя в лицо // Мне кинулась – и тяжело опускалась...» [там же], то есть ремарка

заключает в себе информацию, противоположную той, что содержится в основном тексте. Две последние ремарки трагедии: «*Народ в ужасе молчит*» и «*Народ безмолвствует*», – казалось бы, передают одну и ту же реакцию. Между тем в данном случае имеет место смысловая градация: первая отражает восприятие народом слов Мосальского, молчание здесь психологического свойства; вторая же включает целый комплекс значений: здесь и ужас от содеянного, и молчаливое осуждение, и сознательный народный выбор – нежелание поддерживать царевую. В научной литературе уже обращалось внимание на то, что эта последняя ремарка оформлена не так, как принято: не заключена в скобки, а скорее «подана как реплика» (слово «Народ» дано прямым шрифтом, как обозначение говорящего лица, а «безмолвствует» – курсивом) [4, с. 348–349]. Отметим также, что она лишается и стилистической нейтральности: поэт использует высокое, книжное слово «безмолвствовать».

Ремарки в «Борисе Годунове» возникают *естественно*, их появление обусловлено конкретной драматической ситуацией. В сцене «Корчма на литовской границе» Григорий читает царский указ, «*смотря на Варлаама*», и вместо перечисления собственных примет описывает его внешность. Закономерно рождается следующее сценическое «движение» (и соответствующая ремарка): «*Все глядят на Варлаама*» [8, VII, с. 35], определяющее дальнейшие действия героев (приставы думают, что Варлаам и есть Гришка, и собираются его схватить). По-видимому, можно оспорить точку зрения В.А. Сахновского-Панкеева, писавшего, что до последних десятилетий XIX века ремарка оставалась чисто служебным элементом драмы и «к пьесе как произведению литературы... отношения не имела» [9, с. 190]. Пушкинские ремарки тесно связаны с основным текстом трагедии, составляют с ним целое. Приведем еще один пример: в сцене «Девичье поле. Новодевичий монастырь» раздается «*вой и плач*» народа, просящего Бориса Годунова принять венец. А ведь в самом начале трагедии Шуйский именно так описывал исход событий Воротынскому: «Народ еще повоет, да поплачет...» [8, VII, с. 5]. Слова персонажа повторяются в авторском описании происходящего. Вносящие новые акценты в трактовку образов и уточняющие смысл происходящего, ремарки в трагедии Пушкина важны для адекватного восприятия ее не только как сценического, но и как *литературного* произведения.

Внешне объективированные, как и в предшествующей драматургии, пушкинские ремарки тем не менее становятся одним из средств выражения авторской позиции. Так, в сцене «Равнина близ Новгорода-Северского» именно на уровне авторских указаний вскрывается разное отношение русских и наемных солдат из войска Бориса Годунова к битве с Самозванцем: русские «*бегут в беспорядке*», немцы «*строятся*», «*идут*» [8, VII, с. 73–74]. В некоторых случаях ремарки образуют самостоятельный – альтернативный – текст. Обратимся к последней сцене пушкинской трагедии (сцене убийства сына и жены Бориса Годунова). Воспроизведем часть авторских замечаний этой сцены в той последовательности, в которой они в ней появляются: «*Голицын, Мосальский, Молчанов и Шереметевы. За ними трое стрельцов. Они входят в дом. Отворяются двери. Мосальский является на крыльце*» [8, VII, с. 98]. Суть происшедшего ясна из основного текста, но если он передает прежде всего народное восприятие случившегося, то ремарки, состоящие из простых, мало распространенных предложений, сообщают о конкретных действиях участников событий, как бы протоколируют происходящее. Отметим еще одно обстоятельство: в основном тексте убийцы Феодора Годунова не названы: «*Бояре идут*», – говорят в народе [8, VII, с. 98], – в ремарках же перечислены их имена. Оба текста дополняют друг друга, соединяясь в заключительной ремарке трагедии (которая становится элементом основного текста) и рождая понимание происходящего, заставляющее народ «безмолвствовать».

Итак, в драматургии Пушкина ремарки утрачивают чисто служебный характер и становятся органичной частью художественного текста. Психологически и ситуационно достоверные и точные, они воспринимаются не как придуманные автором и искусственно включенные в текст пьесы, а скорее как гениально им угаданные.

Увеличение числа сценических указаний в «Борисе Годунове», с одной стороны, свидетельствует об усилении эпического начала в пьесе (это одна из тенденций развития драматической формы вообще), а с другой – подчеркивает именно драматургическую специфику произведения, так как позволяет говорить о появлении в трагедии собственно действия.

Примечание

¹ Нами были рассмотрены ремарки в трагедиях А.П. Сумарокова («Хорев», «Семира», «Димитрий Самозванец»), Я.Б. Княжнина («Дидона», «Ольга», «Рослав»), В.А. Озерова («Ярополк и Олег»).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Катенин, П. А. Воспоминания о Пушкине / П. А. Катенин // Литературное наследство. Т. 16/18. – М.: Журнально-газетное объединение, 1934. – С. 619–656.
2. Княжнин, Я. Б. Избранные произведения / Я. Б. Княжнин. – Л.: Сов. писатель, 1961. – 772 с.
3. Литературная энциклопедия терминов и понятий. – М.: НП «Интелвак», 2003. – 1600 стб.
4. Лотман, Л. М. Историко-литературный комментарий / Л. М. Лотман // Пушкин, А. С. Борис Годунов / А. С. Пушкин. – СПб.: Академический Проект, 1996. – С. 129–359.
5. Новое и полное собрание российских песен, содержащее в себе песни любовные, пастушеские, шуточные, простонародные, хоральные, свадебные, святочные... Ч. IV. – М.: Университетская типография Н. Новикова, 1780. – 184 с.
6. Озеров, В. А. Трагедии. Стихотворения / В. А. Озеров. – Л.: Сов. писатель, 1960. – 448 с.
7. Пави, П. Словарь театра / П. Пави. – М.: Прогресс, 1991. – 504 с.
8. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

9. Сахновский-Панкеев, В. А. Драма: Конфликт. Композиция. Сценическая жизнь / В. А. Сахновский-Панкеев. – Л.: Искусство, 1969. – 232 с.
10. Хализев, В. Е. Драма как род литературы (Поэтика, генезис, функционирование) / В. Е. Хализев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 260 с.
11. Хализев, В. Е. Теория литературы / В. Е. Хализев. – М.: Высш. шк., 2000. – 398 с.
12. Чернышев, В. И. Песня Варлаама / В. И. Чернышев // Пушкин и его современники: Материалы и исследования. – СПб., 1907. – Вып. 5. – С. 127–129.

Материал поступил в редакцию 02.03.17.

TYPES AND FUNCTIONS OF STAGE DIRECTIONS IN A.S. PUSHKIN'S DRAMATIC ART (BASED ON THE MATERIAL OF *BORIS GODUNOV* TRAGEDY)

O.V. Gavrilchenko, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Moscow Polytechnic University, Russia

***Abstract.** This article deals with the stage directions as the necessary element of the drama text structure. It is one of the few types of the direct author's speech in the drama. The investigation of A.S. Pushkin's dramatic art is carried out for a reason: his plays (first of all "Boris Godunov") were created during the crisis period for the Russian theater, and have been conceived as reformatory works. Pushkin's stage directions are considered in correlation with the previous – classical – tradition.*

***Keywords:** main and intermediate text, stage direction, scenic pointing, drama (as literary genre), tragedy.*

УДК 82.09

ВОДНЫЙ КОМПЛЕКС ПРЕДСТАВЛЕНИЙ ЛИРИЧЕСКОГО ПОЭТА ВАСИЛИЯ ФЕДОРОВА

Г.Г. Коптева, кандидат филологических наук, доцент
Сибирский государственный университет путей сообщения (Новосибирск), Россия

***Аннотация.** Статья посвящена семантике и значению водного комплекса представлений в мировосприятии поэта В. Федорова. Архетип воды как особого вида пространства является одним из важных в его поэтике. В русской литературе вода чаще всего выступает как начало очищающее, и для Василия Федорова она также – символ очищения, расслабления, отрешения от забот и негативных мыслей, вода – эквивалент жизненных соков и энергий, дарованных родной природой, и одновременно она – символ безличной мудрости. Однако восприятие всецелого водного комплекса планеты не было для него однозначным; у него особое отношение к морю, далекое от характерного для Федорова преклонения перед водными объектами родного края.*

***Ключевые слова:** архетип воды, водный объект, очищающее начало, эквивалент безличной мудрости, мотивы просветления и обновления, «марьевский» текст, сакральность родной природы, образ-архетип моря.*

Художественное пространство поэта Василия Федорова полно архетипическими образами и мотивами, глубокое исследование которых литературоведам еще предстоит. Одним из важных архетипов в поэтике Федорова является архетип воды как особого вида пространства, которому и посвящена данная статья. «Архетип воды, являющийся, по мнению Юнга, одним из главных архетипов, со временем развивается и усложняется, сохраняя свою значимость и ведущее место в системе бессознательного», – писала Н.Е. Меднис. Экспликация этого архетипа возможна, по ее наблюдениям, «только в трех формах: в ритуалах, в сновидении..., и в художественном тексте, где архетип становится функционально двуликим, то есть сохраняет черты архетипа на уровне авторского бессознательного и становится мотивом, отчуждаясь и объективируясь в художественном тексте в качестве одного из элементов эстетической системы.

В русской литературе, как и в славянской мифологии, и архетип, и мотив воды в большинстве случаев являются носителями поздних семантических пластов, то есть вода чаще всего выступает как начало очищающее с утратой первоначальной диалектики падения-воскресения» [3, с. 190].

Итак, вода может означать первоисточник земной жизни, символ очищения, расслабления, отрешения от забот и негативных мыслей. Водная стихия может также являться символом первобытного хаоса. Вообще, в мифах народов мира вода рассматривалась в различных ипостасях: как исходное состояние всего сущего и как финал, как эквивалент жизненных соков и энергий, как андрогинное начало жизни и эквивалент безличной мудрости. Водный же объект (терминологически) – это природный или искусственный водоем, водоток либо иной объект, постоянное или временное сосредоточение вод, в котором имеют место быть характерные формы и признаки водного режима.

В поэтике Василия Федорова вода и водные объекты занимают определенное, весьма значимое место. Вода сохраняет черты архетипа на уровне «авторского бессознательного» и, одновременно, становится мотивом, объективируясь в его локальном сверткесте («марьевском») в качестве одного из элементов эстетической системы. Мы уже писали, что «место эпифании для Василия Федорова – его родная деревня Марьевка» [1, с. 140]. Все пути-дороги поэта, в конечном счете, ведут туда. Согласно В.Н. Топорову, движение по пути в мифопоэтическом пространстве именно «превращает потенциальность пути в актуальную реальность и подтверждает действительность – истинность (разрядка автора – Г.К.) самого пространства, «пробегаемого» этим путем, и, главное, доступность для каждого познания пространства, его освоения, достижения его сокровенных ценностей» [6, с. 487]. Мифопоэтика пути В. Федорова – еще один важный предмет исследования, а что касается сакральных ценностей, то нами уже было отмечено в одной из предыдущих работ [1, с. 148], что для данного поэта таковыми являются, кроме прочих, водные объекты. Это – река, озеро, родник и т.п., «с мотивикой которых, как правило, когезивно сплетаются мотивы человеческой озабоченности сохранностью природы, порой тяжело переживаемой вины перед нею, страха оставить любимые места «без присмотра» [1, с. 148]. Притом, водный комплекс представлений Федорова оказывается, при близком рассмотрении, неоднозначным, если иметь в виду водные объекты родного края и – чужедальних земель. Одним из самых любимых для поэта здесь был марьевский родник.

В стихотворении «Звенит...» у родника светлые глаза, где «в камешках-зрачках» отражается множество «дум заветных». Лицо у родника «почти что человечье», так что пройти мимо его запустения просто невозможно: «Он гибнет на миру, / Не зная страдания. / Вот я его беру / На перевоспитанье. // Вновь делаю певцом, / Почти Козловским сразу, / Он просветлел лицом, / Прозрел десятиглазо» [8, с. 227]. Высокая одухотворенность, мифопоэтичность объекта (а лучше сказать – «субъекта») подчеркивается концовкой стихотворения: «Как мило, / Как легко, / Как радостно с нехмурым / Общаться с родником, / Как с творческой натурой! // Хоть труд и небольшой, / Но, лик его очистив, / Добрался я душой / До самых главных истин. / Звени!...» [8, с. 227-228].

Словом лик манифестируется в «марьевском тексте» [1, с. 143] безусловная для поэта сакральность природы и ее составляющих, ведь лик это, изначально, – лицо на иконе. «Сама процедура очищения родника превращается фактически в священный обряд, в процессе исполнения которого обретаются ключевые, главные для человеческой сути и сущности смыслы» [2, с. 31]. Эта тема продолжает свое развитие в стихотворении «У родника». Об особом отношении к **родникам** родного края мы писали в статье «О мотиве родника в поэтике Василия Федорова [2, с. 31-33]. «Ты, мой родничок, – моя душа», – эти слова помогают прочувствовать глубокое переживание его лирического героя: «Бычки / Ни капли / Из него не выпили; / Ни капельки не выпив, / Ископытили, / Втоптали в грязь / Бесхитростный лоток, / Что я принес тебе / Взамен бетона...» [8, с. 229]. Этот лоток герой принес сюда, чтобы сохранить любимый им источник от захирения, от полного исчезновения. Вот если б он «журчал на крымском юге», тогда его «одеди бы в бетон», а пока... бычки, которых привела сюда телятница, свели на нет все усилия марьевского поэта, так что нужно повторять всю процедуру снова: «Ну что ж, поправлю, / Что-то сдвину, строну – / И закурлычет вновь / Твой вечный сток» [8, с. 229]. Не у всякого человека на этой земле, даже «марьевского», встретишь столь трепетное, как у Василия Федорова, отношение к земле и ее благам: «Но все-таки боюсь, / Всегда боюсь, / Когда я с ним / Надолго расстаюсь, / Боюсь, что без меня / И хан Гирей / Мой родничок / Однажды захиреет» [8, с. 230]. Если бы, по представлениям поэта, хан Гирей проживал в свое время и охотился в его, Василия Федорова, родных местах, то в силу исторической значимости и родничок стал бы объектом особой сохранности. Пока же «его сакральность, скрытая красота и особая ценность остро ощутимы только лирическим героем (суть автором) стихотворения» [2, с. 32].

Стихотворение «Кузьмиха» эксплицитно демонстрирует «скрытую подоплеку особенного, трепетно-заботливого отношения Федорова к водным объектам родного края» [2, с. 32]. Примером, достойным подражания, с детских лет явилась для него одна из столетних (!) жительниц его деревни: «На диво / Бородатым мужикам, / Она весь день / Помалу, помаленьку / То родники почистит, / То ступеньки / На спусках / К приозерным родникам. // Те родники, / Что родила гора, / Бежали к озеру, / Уже разумны, / Звенели, / Как натянутые струны / Под призрачной рукою гусяра» [8, с. 225]. *Разумны* – многозначительный эпитет, выявляющий, с одной стороны, качественное свойство воды как **безличной мудрости**, с другой, – важность того дела и долга, добровольно на себя взятого, которое периодически исполняла старая Кузьмиха. Иначе говоря, этот природный феномен – родник – обрел свою изначальную форму-содержание именно под ее руками. И это имело колоссальное значение в мире, поскольку в каждом роднике, по утверждению лирического героя, «есть тайна **жизни**» (выделено мной – Г.К.). Для самой подслеповатой Кузьмихи «жизнь / Была уже темна, / Но на горе, / Прислушиваясь к пенью, / Вдруг обретала / Слух она и зренье, / Когда смолкала / Хоть одна струна. ... / Она спускалась с заступом, / Как другом, / мудрила что-то над струной, / И та / Через минуту / Набухла звуком» [8, с. 225]. Родник, таким образом, поставлен поэтом в параллель с русским народным музыкальным инструментом, обладающим способностью расслаблять и радовать. Исполнив работу, со своим вечным присловьем «Ин да!» старуха уносила свое «сухонькое тело». А «в руслах / Родниковая вода, / Подобно гусям, / Пела, пела, пела!» [8, с. 225]. В стихотворении – три лирических персонажа: старая Кузьмиха, родник и пятидесятилетнего возраста лирический герой, и функции всех трех эквивалентны. Точнее, это одна и та же функция в рамках данной лирической ситуации: «эта функция – очищение. Да, родник способен освежить, обновить и тело человека, и душу, однако он и сам периодически нуждается в очищении, а иначе – «может умереть». Это понимает лирический герой, достигнувший возраста зрелости, если не сказать больше; и вот теперь уже «Кузьмихин заступ» – у него в руке» [2, с. 32]. Функциональная параллель человека и родника подчеркивается заключительной строфой стихотворения: «В тени / Берегового закутка / Два голоса, / Две ноты трепетаний: / Один глубокий – / Из земной гор-тани, / Другой звончее – / С моего лотка» [8, с. 226].

Еще один значимый для Василия Федорова водный объект – «Озеро Кайдор». В стихотворении о нем печаль эксплицитно смешана с горечью. «Мне память горше, чем родни укор», – так начинается стихотворение; и этими же строчками поэт заканчивает свою исповедь – дискурс о расположенном в родной деревне **озере** и его способности лечить тело и душу. Способности «снимать печаль», «снимать усталость», и «тяжесть лет добавленных» снимать. Он пишет и о том, что озерная вода может ласкать и утешать, обнимать и возвращать доверие к людям. «И мы вдвоем: / Лишь озеро да я – / Душа моя да сонных вод разливнось, / И, ничего на сердце не тая, / Снимаю все – / Одежду и стыдливость. // Шепчу воде: / «...Сними печаль, / Сними с меня усталость / И тяжесть лет добавленных / Сними! // Я был доверчив, / Стал я к людям строже, / Порой смолчу и чувства утаю. / Я трижды был обманутым / И все же / Ты мне верни доверчивость мою...» [8, с. 130].

Ключевой мотив стихотворения – печаль лирического героя (в стихах Федорова он чрезвычайно близок автору) – оттого, что уже три года он не приходил к родному озеру и «не исполнял обряда обновления». Для целого ряда стихотворений Федорова характерен архетипический мотив просветления, обновления, очищения, связанный с ритуалом погружения в воду, и в целом данный мотив несет в себе у поэта светлую семантику. Но этот свет может быть слегка окрашен также в тона элегические, тона грусти, печали. Таково стихотворение «Печора». «Ледбедью белой», плывущей среди полей, величает ее лирический герой. Она и чистая, она и светлая, она способна зачаровать любого – и человека, и зверя, наблюдающего за ее течением из окружающей тундры. «Неси меня к / К сердцам непочатым, / В студеные носи моря... / Мне на крыле твоём узорчатом / Приснилась молодость моя» [8, с. 129]. Характерны это обращение к **реке** и особенная напевность стихотворения: оно словно просится на музыку и само звучит почти как мелодия – печальная и прекрасная. Не случайны в стихотворении такие строки –

«Неси меня к / К сердцам непочатым...». – Сердцам «непочатым», не искалеченным грустным опытом жизни, способным радоваться ей, этой жизни, в полную силу. Обновления жаждет лирический герой стихотворения, он словно просит у реки холодного просветления – «В студеные неси моря...»

Образ-архетип **моря** также присутствует в художественном пространстве лирики Василия Федорова. И с этим образом у него особые отношения, отличные от вышеописанных. В подборке «Забытая дорога» находим три стихотворения, посвященные этой теме: «Море», «Мне сказали: полно, море смое...», «Прощание с морем». Первое из названных посвящено сестре Тоне и навеяно воспоминаниями о том, как в детстве она научила поэта «видеть море», прикрывая ладонью «дальний берег» сибирской реки. Визуально маленький Василий «берег прикрывал рукою, / И выходило все как надо» [7, с. 398]. Но с годами, с возрастом, речка стала казаться уже, а мир – «все шире» и гораздо «беспокойней моря». Жизнь часто оборачивалась горем и невзгодами, «носила и хлестала», однако, все преодолев, герой, с сестрою вместе, очутились-таки однажды в непосредственной близости от этого «вечного земного чуда». И здесь реципиент наблюдает, как в душе у взрослого уже поэта возникает желание прямо противоположное: «Ты привела меня, как прежде, / К живому шуму синей лавы... / На Черноморском побережье / Я вспомнил детские забавы. // Вот море – / Буйное такое, / Ладонью мысленно приглажу... / И, горизонт закрыв рукою, / Хочу увидеть речку нашу» [7, с. 399].

Оппозиция **Река – Море** реализуется, таким образом, в стихотворении через подчеркнутое автором желание лирического героя увидеть «речку **нашу**». Сам он вырос на реке «говорливой», богатой «перекатными разбегами» и «веселой гульбой» волн. Таким рекам отдается предпочтение, на такой реке живут «веселые стрижи», с ее «милыми водами» можно вести разговор. «Я не люблю немые реки» – называется еще одно стихотворение поэта о реках (и о своем к ним отношении). Родная река «ворчит, / Как будто мне двенадцать, / Все сердится, а я молчу, / Хотя и мог бы оправдаться, / Но оправдаться не хочу. // Лежу, / Гляжу в туман глубинный, / Где окунь водит плавником. / Как перед женщиной любимой, / Мне, виноватому, / Легко» [7, с. 401]. Архетипически оправданное сравнение реки с женщиной в очередной раз манифестирует отношение поэта к воде, а именно к **родным** водам, родникам, озерам, рекам. Однако то, что способна смыть вода родной реки – вину, печаль, и горечь, и усталость, – то чуждальнее море смыть не в состоянии. «Мне сказали: / Полно, море смое / Боль обид / И пыль земных дорог / Мне сказали: / Море успокоит / Ото всех прилипчивых тревог. // Вот и море! / Вот оно волноно / Гальками прибрежными шуршит. / Ничего, что пережито мною, / Не смывает, – / Только ворошит» [7, с. 423].

Только дома можно обрести успокоение, только на своей земле и Малой Родине. Образ Марьевки это – «образ отчего дома, родной материнской земли, которая и вскормила лирического героя и всегда готова заслонить его собою, утолить его жажду из своих родников...» [4, с. 11], – писал Леонид Решетников о стихотворении Федорова «В деревне». Поэта постоянно «тянет деревня», и поэт «тянет деревню в свои стихи» [4, с. 11]. С наступлением возраста зрелости он, после ряда лет проживания в столице, ясно осознал, что просто не может жить без родной деревни. Эта земля, эта местность заявлены в его поэтике как самое главное, первоочередное по значимости место, где есть возможность восполнить духовно-душевные утраты, вновь наполниться силой и смыслом жизни. Именно об этом – стихотворение «Лейся в меня, красота». В сборнике стихов название обозначено по первым строчкам «Я гляжу на родные места...», но ключевая идея заключается именно в этом призыве, недаром стихотворение им закольцовано: данный призыв звучит в начале, и им же оно заканчивается. Глубинный подтекст таков, что глаголом «лейся» красота здесь ассоциирована с водой и духовной мудростью; красота манифестируется как тождественная воде, и жажда ее подчеркивается непреодолимой духовной потребностью заполнить утраты, «от которых душой изнемог»: «А душа / Между тем / Все пуста. / Лейся, лейся / В меня, красота!...» [7, с. 410].

Вода связана с миром природы отношениями **значимой** и значительной **части** и – **целого**. Для Василия Федорова, однако, восприятие всецелого водного комплекса планеты, как видим, не было однозначным. В стихотворении «Прощание с морем» поэт словно ставит точку в своих с ним отношениях. Рисуя непрерывную изменчивость и зыбкую «забычивость» моря, из-за которой оно, вероятно, и способно оставаться «вечно молодым», он противопоставляет такой «беспечности» свою кратковременность в этом мире: «Ты можешь волноваться вечно, / А у меня / Короткий срок». [7, с. 431]. В. Федоров словно ощущает некое неприязненное отношение к морю, которое не меняется ни при виде друга, ни – врага; сам же подчеркивает, что на нем следы лихой беды остались четкой бороздой и – «навсегда». Таким подчеркнuto оппозиционно-противопоставленным видится сквозь призму восприятия лирического героя и его окончательное прощание с морем. «Прощай! / Покинутое дело / Закончить вовремя спеша, / Пойдет мое земное тело / И сухопутная душа» [7, с. 431]. Эксплицитно обозначена привязанность к земле и «сухопутность» духовных ориентиров героя, его, в целом, отчужденное отношение к морю, практически противоположное тому, какое манифестировалось, когда речь шла о реках, озерах и родниках. Поэт Василий Федоров тверд и неизменен в своих привязанностях, и топографически далекое от мест его происхождения и привязанностей море, очевидно, в принципе не находило теплого отклика в его душе.

В своей работе о метафизике Севера исследователь Николай Терехин пишет: «Русская мифология и мистика моря является порождением и частной разновидностью такого универсального религиозного феномена, как водный символизм, входящий в самые основания религиозно-мифологических систем разных народов мира.<...> Вода – это не только порождающее лоно и крестильная купель мира и человека, но и та смертная материя, в которую они облакаются и претворяются на краю – «на берегу» времени и пространства. Являясь универсальной сокровищницей всего религиозного опыта человечества, памятующего о своем происхождении

из вод мирового океана, водный, или морской, комплекс представлений по-разному осваивался и продуцировался, выражался, воплощался в мифопоэтических моделях разных народов мира» [5, с. 63]. И разных писателей – можно было бы дополнить.

В данной статье мы попытались рассмотреть «водный комплекс представлений» известного сибирского поэта. Безусловно, для Василия Федорова вода – это, прежде всего, символ очищения, расслабления, отрешения от забот и негативных мыслей, это эквивалент жизненных соков и энергий, дарованных родной природой, и одновременно вода – это символ безличной мудрости и вечной природной красоты. Однако, не следует забывать о том, что таким было его восприятие водных объектов именно родного края, в первую очередь.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Коптева, Г.Г. «Марьевский текст» Василия Федорова» / Г.Г. Коптева / Сб. ДИАЛОГ КУЛЬТУР: ПОЭТИКА ЛОКАЛЬНОГО ТЕКСТА. Материалы V международной научной конференции: в 2-х томах. – Горно-Алтайск, 2016. – Т. 2. – С. 139-154.
2. Коптева, Г.Г. О мотиве родника в поэтике Василия Федорова / Г.Г. Коптева // «Международный научно-исследовательский журнал». – 2016. № 11 (53). Часть 2. – Екатеринбург: «Компания ПОЛИГРАФИСТ», 2016. – С. 31-33
3. Меднис, Н.Е. Мотив воды в романе Достоевского «Преступление и наказание» / Н.Е. Меднис // Меднис Н.Е. Поэтика и семиотика русской литературы – М.: Языки славянской культуры, 2011. – 232 с.
4. Решетников, Л. Возвращение в Марьевку. / Федоров В.Д. На родине моей выпали снега... - Стихотворения и поэмы. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.
5. Теребихин, Н.М. Метафизика Севера: Монография / Н.М. Теребихин. – Архангельск: Помор. ун-т, 2004. – 272 с.
6. Топоров, В.Н. Пространство и текст / В.Н. Топоров // Из работ Московского семиотического круга. – М.: Языки русской культуры, 1997. – С. 455-515.
7. Федоров, В.Д. Избранное. Стихи / В.Д. Федоров. – М.: «Сов. Россия», 1978. – 496 с.
8. Федоров, В.Д. На родине моей выпали снега... – Стихотворения и поэмы / В.Д. Федоров. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1988. – 264 с.

Материал поступил в редакцию 06.03.17.

A WATER COMPLEX OF THE LYRICAL POET VASILY FEODOROV' S IDEAS

G.G. Kopteva, Candidate of Philology, Associate Professor
Siberian Transport University (Novosibirsk), Russia

Abstract. *This article aimed at semantics and value of a water complex of ideas in attitude of the poet Vasily Feodorov. The archetype of water as special kind of space is one of the most important in his poetics. In the Russian literature water acts as the purgation origin, and it is also for Vasily Feodorov a symbol of purgation, relaxation and renunciation of cares and negative thoughts. Water is an equivalent of lifeblood and vigour, granted by the native nature, and simultaneously it is very often a symbol of impersonal wisdom. However, the perception of complete water complex of our planet was not unequivocal for poet; he had his special attitude to the sea, and this was far from Feodorov's characteristic worship for water objects of his native land.*

Keywords: *archetype of water, water object, purgation origin, equivalent of impersonal wisdom, motive of an enlightenment and refreshment, "Maryevka Text", sacrality of the native nature, image-archetype of the sea.*

УДК 882

В.В. МАЯКОВСКИЙ И ЦЕРКОВЬ: ТВОРЧЕСТВО 1920-Х ГГ.**А.С. Панова**, магистрант

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова (Архангельск), Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению послереволюционного творчества В.В. Маяковского. В стихотворениях поэта этого периода рассматривается антиклерикальная сатира в духе ницшеанской традиции.

Ключевые слова: В.В. Маяковский, Ф. Ницше, церковь, антихрист.

1920-е годы стали тяжелым временем для Русской Православной церкви: гонения, аресты и казни священнослужителей, разрушение храмов, продажа церковного имущества за границу. Власти всеми силами боролись против влияния церкви на умы людей. В этот период времени государство проводило жесткую антиклерикальную политику, в том числе и в сфере культуры. Издавались газеты и журналы, в которых критиковалась политика церкви. Например, с 1919 по 1924 год издавался журнал «Революция и церковь», главной целью которого была пропаганда идей отделения церкви от государства. Также в 1925 году был создан «Союз воинствующих безбожников», его возглавил Я.М. Ярославский. Своей целью данная организация видела идейную борьбу с религией.

Владимир Владимирович Маяковский, как приверженец идей большевиков, поддержал политику Советов в области Церкви. Особое место в творчестве поэта 1920-х гг. занимают произведения, в которых поэт критикует и высмеивает священнослужителей. Но те идеи, которые высказывает поэт – не новы, он опирается на немецкого философа Фридриха Ницше и его работе «Антихрист. Проклятие христианству». Татьяна Казарина в своей работе «Три эпохи русского литературного авангарда» говорит о том, что на рубеже XIX-XX веков становится очевидным родство литературы, искусства и философии. Особую роль здесь сыграла философия Ф. Ницше. «Россия проявила необыкновенную восприимчивость к проповедям Ницше: не раз говорилось, что он принадлежит русской философии едва ли не больше, чем немецкой» [1, с. 6]. Также исследовательница отмечает, что: «Взгляды Ницше оказались важным духовным ориентиром для формировавшегося в начале XX века искусства авангарда. И близость эстетических позиций, и нередкие у футуристов упоминания о философе, и заимствованные у него мотивы, и наличие прямых цитат свидетельствуют о том, что футуристам его творчество было известно не понаслышке» [1, с. 7].

В своей работе немецкий философ показывает свое негативное отношение к христианству. Ф. Ницше обвиняет христианство в том, что оно основано на лжи: «Пока жрец, этот отрицатель, клеветник, отравитель жизни по призванию, считается еще человеком высшей породы, нет ответа на вопрос: что есть истина?» [4, с. 270].

Владимир Владимирович также обвиняет священнослужителей во лжи:

«...Хлеб не лезет в рот.
Должны добыть сами.
Поп врет
о насыщении чудесами...» [3, т. 5, с. 35]

Философ негативно высказывается о священнослужителях, так они проникли во все сферы человеческого существования. Клирики наживаются на радостях и несчастьях людей. Все самые значимые события в жизни людей теперь не обходятся без обрядов. Священнослужители лишают их естественности, именно поэтому Ф. Ницше выступает за уничтожение церковных обрядов: «И с тех пор вся жизнь устраивается, так, что нигде нельзя обойтись без жреца; во всех естественных событиях жизни – при рождении, браке, болезни, смерти, не говоря о «жертве» (трапезе), – является священный паразит, чтобы лишить все это естественности...» [4, с. 284].

Попы наживаются своими службами на людском счастье и горе. Все стоит денег: крестины, исповедь, венчание, похороны. А чтоб доход не прекращался, придумали поминки на 9-ый, 40-ой дни и каждый год в день смерти:

«...А попу
и от смерти
радость велия -
и доходы,
и веселия.
Чтоб люди
доход давали, умирая,
сочинили сказку
об аде
и о рае...» [3, т. 5, с. 236]

И философ, и поэт настаивают на борьбе со служителями церкви. Ф. Ницше говорит о том, что: «Против священников нужны не доводы, а тюрьмы» [4, с. 329]. Если философ выступает за то, чтобы священников сажали в тюрьмы, В. Маяковский идет дальше и говорит о том, что их место в лагерях особого назначения:

«...Как бы ни были
они
ловки –
за плотную
ограду
штыков колючих,
без различия
наций
посланы в Соловки...» [3, т. 9, с. 119].

Высмеивая священнослужителей, Владимир Владимирович не забывает и о главе Русской православной церкви – о патриархе Тихоне. В. Маяковский изображает патриарха в своих стихах пузатым, жадным, корыстным и алчным, так как именно он выступал против изъятия церковного имущества в пользу голодающих:

«...Тихон патриарх,
прикрывши пузо рясой,
звонил в колокола по сытым городам,
ростовщиком над золотыми трясся:
«Пускай, мол, мрут,
а злата –
не отдам!»» [3, т. 5, с. 13]
«...Его святейшеству надо,
чтоб шли от царя рубли да награда...» [3, т. 5, с. 16]

Немецкий философ презирал христианство за то, что это религия слабых и уродливых. По мнению Ф. Ницше, сострадание делает человека слабее. Христианский бог – бог больных и поработенных. Христианство – это ненависть к свободе: «В христианстве инстинкты подчиненных и угнетённых выступают на передний план: именно низшие сословия ищут в нем спасения» [4, с. 280].

В. Маяковский разделяет позицию философа о том, что христианство делает из людей рабов. Они страдают, нуждаются, голодают, нищенствуют. И поэт даже сочувствует, ему жаль видеть, как они страдают:

«...Мне
священников
очень жаль,
жалею
и ночь
и день я –
вымирающие
сторожа
аннулированного учреждения...» [3, т. 9, с. 358]
«...мне
попа
жалко
Идет он,
в грязную гриву
спрятав
худое плечо
и ухо...» [3, т. 9, с. 357]

Ф. Ницше приходит к выводу: для того, чтобы побороть христианство, нужно уничтожить храмы, места сбора священнослужителей и верующих. Философ говорит следующее: «Проклятые места, где христианство высиживало яйца своих василисков-базилик, надлежит сравнять с землёй» [4, с. 329].

Поэт разделяет его позицию:

«...Я двадцать лет не ходил в церковь.
И впредь бывать не буду ни в каких церквах.
Громили Василия Блаженного.
Я не стал теряться.
Радостный,
вышел на пушечный зов...» [3, т. 4, с. 107]

Но, несмотря на все эти сходства с идеями великого немецкого философа, стилистика В. Маяковского опирается на традицию народной сатиры (сатирические антиклерикальные повести и сказки XVII), где толстопузые

попы предстают перед читателем жадными и глупыми. И в конце над поповской глупостью одерживает победу простой крестьянин, который добросовестно выполняет свою работу.

Примером подобных произведений является «Калязинская челобитная». В челобитной братия жалуется на архимандрита Гавриила, который досаждают им. Он заставляет братию часто в церковь ходить, мешает им пиво пить, снова ввел пост, голодом морит – заставляет репу пареную и редьку вяленную есть вместо икры, белой рыбы и пирогов, а за несоблюдение монастырского устава наказывает. Как мы видим, в челобитной монахи вместо того, чтоб жить по обету вдали от мирской суеты, они пьют, едят, ленятся, не молятся [2].

Опираясь на традицию народного смеха, поэт показывает нам нелюбимый образ современного ему духовенства. Церковь готова на все, лишь бы сохранить свои богатства, несмотря на то, что вся страна голодает.

Из представленного выше заметно, что поэт оторван от реальной действительности. Поэт не видит и не признает того, что священнослужители совершают поистине мученический подвиг. И в этом-то и трагедия. Поэтому не случайно, что В. Маяковский обращается к народной сатирической традиции, в основе которой лежит вывороченность.

Со временем поэт разочаровывается в идеях коммунистов. В 1929 году Владимир Владимирович пишет стихотворение с говорящим названием «Смена убеждений», в котором он показывает свою «смену убеждений», сомнение в коммунистическом строе, в том, во что он верил со времен Октябрьской революции. Он отвергает такую веру как коммунизм:

«...сорвал
со стены
портреты вождей...» [3, т. 10, с. 98]
«...Билет
профсоюзный
изодран в клочки,
ногою
бушующей
попран,
и в печку
с размаха
летят значки
Осавиахима
и МОПРа...» [3, т. 10, с. 99]

Эти цитаты отражают разочарование поэта в коммунизме, и тут же он обращает свой взор к христианству, если это и не возврат к христианству, то хотя бы сомнение в той системе ценностей, которой поэт придерживался на протяжении более десятка лет:

«...коптилку –
лампадку
достав из-под спуда,
под матерью,
под божью
подвесил...» [3, т. 10, с. 98]

Именно разочарование в идеологии коммунизма исследователи жизни и творчества Владимира Владимировича считают одной из причин самоубийства поэта. В. Маяковский возлагал большие надежды на революцию, но с течением времени он увидел, что многое из того, чего он ждал, так и не произошло.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Казарина, Т.В. Три эпохи русского литературного авангарда (эволюция эстетических принципов): дис. на соискан. учен. степ. канд. филол. наук. / Т.В. Казарина. – Самара, 2010. – 455 с.
2. Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Поньрко. – Л.: Наука, 1984. – 298 с.
3. Маяковский, В.В. Полное собрание сочинений: в 13 т. / В.В. Маяковский. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955 – 1961.
4. Ницше, Ф. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. / Ф. Ницше. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 416 с.

Материал поступил в редакцию 20.02.17.

V.V. MAYAKOVSKY AND THE CHURCH: THE WORK IN 1920-S

A.S. Panova, Master's Degree Student

Northern (Arctic) Federal University (NArFU) (Arkhangelsk), Russia

Abstract. This article deals with the V.V. Mayakovsky's oeuvre after the revolution. In V.V. Mayakovsky's poems of this period the anticlerical satire in the mood of Nietzschean tradition is considered.

Keywords: V.V. Mayakovsky, F. Nietzsche, church, Antichrist.

УДК 821.161.1

ФИЛОСОФИЯ Н.Ф. ФЕДОРОВА В ТВОРЧЕСТВЕ Ю.К. БАЛТРУШАЙТИСА

П.С. Сауныкин, соискатель кафедры литературы
Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о влиянии идей русского мыслителя Н.Ф. Федорова на творчество символиста Ю.К. Балтрушайтиса. Концепцию «общего дела» поэт отождествлял с искусством, которое является «единственно преображающей и притом вселенскою стихией». Лирический герой Балтрушайтиса преодолевает путь, опираясь не столько на свободу воли, но на духовно-нравственные ориентиры, имеющие в своей основе религиозный характер. В эпоху перемен в произведениях поэта звучат не богоборческие мотивы, а призывы о необходимости «соработничества» Богу в строительстве нового мира.

Ключевые слова: философия Н.Ф. Федорова, русская литература, символизм, Ю.К. Балтрушайтис, поэзия.

Русская литература рубежа XIX-XX веков базировалась на множестве философских учений отечественных и зарубежных мыслителей. Одной из знаковых фигур, повлиявших на культурную и общественную жизнь Серебряного века, является Николай Федорович Федоров (1828-1903), который вошел в историю мировой философии как создатель оригинальной теории «общего дела». Философ выдвинул «великую цель, великое благо не только будущих, но и всех без исключения прошедших поколений» [21, с. 371]. Сочетание традиционности и новаторства его учения привлекло внимание многих современников, в числе которых был и один из родоначальников русской символистской поэзии и критики В.С. Соловьев, называвший Федорова «своим учителем и отцом духовным» [15, с. 345].

Поэта-символиста Юргиса Казимировича Балтрушайтиса (1873-1944), «внесшего немалый вклад в развитие русского символизма» [12, с. 152], больше знали как талантливого переводчика, чем поэта, литератора. Наследие его составляют три книги стихов «Земные Ступени», «Горная Тропа», «Лилия и Серп», несколько прозаических произведений, более двух десятков литературно-критических статей и рецензий о творчестве писателей и всего лишь одна теоретическая статья «Жертвенное искусство».

Вопрос о личном знакомстве Балтрушайтиса с Федоровым остаётся открытым, но, как выпускник Московского университета и образованный человек, поэт несомненно знал о нём и его идеях. На это указывает тот факт, что в круг общения Балтрушайтиса входили многие почитатели Федорова, например, коллекционер и хранитель Третьяковской галереи Черногоубов Николай Николаевич [8, с. 188]. Один из соратников Балтрушайтиса по символистскому лагерю, Валерий Брюсов, был не только знаком с Федоровым, но и имел честь дискутировать с ним, о чем с восторгом отмечал в дневнике от 21 апреля 1900 года: «Речь шла о Ницше и вообще Николай Федорович нападал на меня жестоко. Я остался очень им доволен и, уходя (я спешил), благодарил его» [9, с. 102]. Примечательно окончание этого дня, зафиксированного Брюсовым: «Конец вечера провел у Ю. Балтрушайтиса...» [там же].

Одной из первых публикаций учения Федорова была осуществлена в «Весях», журнале символистов, одним из основателей которого был Юргис Балтрушайтис. Во втором номере журнала за 1904 г. была размещена статья Н.Ф. Федорова «Астрономия и архитектура» [16, с. 20-24]. В том же номере опубликована первая полновесная, обозначенная в оглавлении журнала, критическая работа Балтрушайтиса – «Юган Людвиг Рунберг» [7, с. 55-56]. Статья философа сопровождалась единственным прижизненным портретом, исполненного Л.О. Пастернаком. Авторству Пастернака принадлежит и портрет Балтрушайтиса, выполненный позже – в 1912 году.

Личность Федорова была близка романтической, символистской поэтике и эстетике: он «жил таким безродным и одиноким» [10, с. 167], сочетая в себе «личный аскетизм, и беспримерное бескорыстие, и сверхурочный добровольный труд, и исключительная начитанность» [10, с. 172]. Схожий лирический герой присутствует в поэзии Балтрушайтиса, например, в стихотворении «Одиночество»: «Среди людей, я средь – чужих... / Мне в этом мире не до них...» [4, с. 175]. В этом произведении автор выражает всю трагедию человеческого одиночества, не охваченного общим устремлением, общей целью:

Звучит по разному у всех
Один и тот же стон и смех, –
На всех ткачей один станок,
Но каждый сир и одинок... [4, с. 176]

Приведённой выше цитатой можно проиллюстрировать факт биографии Н.Ф. Федорова, который в конце жизни в письмах к В.А. Кожевникову признавался, что его не понимают даже близкие ученики [20, с. 649].

Философия «общего дела» Н.Ф. Федорова невозможна без ключевого действия – процесса преображения мира [22, с. 404]. Схожую идею выражает Балтрушайтис в статье «Жертвенное искусство» (1918), в которой поэт федоровскую концепцию «общего дела» связывает с искусством, которое, по его мнению, является «единственно преображающей и притом вселенскою стихией» [3, с. 221] и которое должно «служить чуду нашего преображения» [3, с. 222].

В контексте рассмотрения частных позиций философии «общего дела» необходимо обозначить конечную цель преображающей деятельности, отправную точку мировоззрения Федорова и Балтрушайтиса. Исследователь федоровского наследия С.Г. Семенова отмечала, что «оригинальность мыслителя в том, что он не ограничивает законы нравственности миром человеческих взаимоотношений, а указывает на прямую зависимость нравственного начала в человеке, его торжества от материально-природного порядка, сознательного овладения им» [14, с. 9]. Именно поэтому для Федорова главной задачей является воскрешение умерших, т.н. «имманентное воскрешение» [18, с. 46], объединение отцов с детьми и заселение космического пространства Вселенной. Вершинная цель Балтрушайтиса – нравственное совершенствование человека – на этом фоне представляется несколько ограниченной, не выделяющейся в общем контексте духовных исканий Серебряного века: например, в статье о творчестве Ю.Л. Рунеберга поэт говорит о нравственных исканиях художника, способствующего предугадывать людям «ближайший и дальнейший нравственный путь» [7, с. 55]. Таким образом, несмотря на то, что проблема человеческого преображения для обоих является центральной, внутренний индивидуализм Балтрушайтиса противопоставляется внешнему коллективизму Федорова.

Христианское миропонимание Н.Ф. Федорова выдвигало необходимым условием осуществления «общего дела» посредством веры, которая «без дела мертва, непроизводительна, не создает Царствия Божия» [17, с. 41]. Балтрушайтис в своей лирике часто использует религиозные образы и символы, которые отражены как в названиях стихотворений («Мой храм», «Пасхальный звон», «AVE, CRUX!» и т.д.), так и в текстах (крест, молитва и т.д.). Следует отметить, что Балтрушайтис был католиком, но являлся «по сути своей человеком русской культуры» [12, с. 152], так, например, венчание с Марией Оловянишниковой происходило по православному обряду [9, с. 91], а брак был курьёзно благословлен Иоанном Кронштадтским [13, с. 221].

Процесс «общего дела», по Федорову, не одномоментное, а длительное осознанное действие, которое подразумевает объединение «всех, ученых и неученых, в деле изучения и управления слепую силою» [18, с. 38]. Не отрицает науку и Балтрушайтис, выпускник естественного отделения физико-математического факультета Московского университета, о действенности, но конечности которой говорит:

Все в мире ясно, понято, раскрыто...
Земля и небо – формула, скелет,
В котором все исчислено и слито,
И прежнего обмана больше нет. [4, с. 113]

Рассматривая поэзию Балтрушайтиса, необходимо упомянуть о космических масштабах его лирических произведений. Основоположник идеи «космизма» Н.Ф. Федоров писал, что «наш простор служит переходом к простору небесного пространства, этого нового поприща для великого подвига» [18, с. 254]. Всё стихотворное творчество символиста подчинено устремлению вверх, подчинено «пафосу восхождения» [11, с. 97] – «к таинству звездных миров» [2, с. 105]. Не только физическая и духовная, но и интеллектуальная составляющая лирического героя устремлена в безбрежные пространства Вселенной: «Вся мысль моя – тоска по тайне звездной...» [4, с. 7]. Но в высших стремлениях Балтрушайтис, как и Федоров, идеалист и прагматик. Он прекрасно осознает, что миры людей, даже в пределах нашей планеты, замкнуты, и возможно в этом есть высший замысел:

Пляшет в меркнувшем пожаре
Рой вечерних комаров...
Сколько в мире брэнной твари,
Богом замкнутых миров! [2, с. 129]

Ключевым аспектом учения Н.Ф. Федорова является проблема бессмертия, преодоления смерти, которое является фундаментальным злом, заключенным «в самой природе, в ее бессознательности, в самом рождении и связанной с ним неразрывно смерти» [18, с. 283]. Бессмертия не только личного, но и всемирного жаждет лирический герой Балтрушайтиса, стесненный рамками земного существования:

Оцепенелый мир алкал освобожденья,
Разъятия железного кольца, –
Но не было ни смерти, ни рожденья. [4, с. 168]

Однако, следуя традициям литературы романтизма, поэт отождествляет смерть со сном: «Мне снилось: я лежал уже в земле сырой...» [6, с. 144].

Из проблемы о жизни и смерти возникает в федоровской философии «общего дела» проблема бедности и богатства. На вопрос о социальной справедливости Балтрушайтис говорит в «Автобиографической справке»: «Что же касается моих общественно-политических взглядов, то уже само мое происхождение из среды малых мира сего могло воспитать во мне только одно чувство и одно убеждение, что глубочайшим долгом человека является пожизненная борьба за общую жизнь, одинаково справедливую и одинаково полную для всех...» [1, с. 85].

Нельзя обойти здесь и федоровскую идею «соратничества». В начале XX века большинство поэтов мыслил себя теургом – создателем новой Вселенной, новым Богом, сочинителем священных текстов и носителем тайных знаний: лирический герой Сергея Есенина – переустроитель Мира и Бога: «Я иным тебя, Господи, сделаю...» («Инония»), а главными персонажами Александра Блока являются новый Христос и новые апостолы («Двенадцать»). В созерцательных стихотворениях Балтрушайтиса мотив теургии отсутствует полностью. В эпоху перемен (революции и последующая Гражданская война) в произведениях Балтрушайтиса, в противовес большинству коллег по литературному цеху, звучат не богоборческие мотивы, а призывы о необходимости «соратничества» Богу в строительстве нового мира, где в роли строителей нового мира должны выступить люди, ведомые Богом:

В день чуда в русском бездорожьи
Идите, каменщики божьи,
Поправ навек свой долгий плен,
Дробить гранит для гордых стен...

Идите, плотники христовы,
Свершая кротко подвиг новый,
Тесать с молитвой горный дуб,
Чтоб рос в лазурь за срубом сруб. [5, с. 88]

В этих и многих других строках символиста находит отражение мысль Н.Ф. Федорова о труде, как о высшем человеческом достоинстве: «труд есть высшая добродетель, уподобляющая нас Богу, создавшему все из ничего» [19, с. 40].

Таким образом, рассмотрев вышеприведенные примеры, можем сказать, что литературное наследие Ю.К. Балтрушайтиса испытало значительное влияние идей русского мыслителя Н.Ф. Федорова, репрезентовав многие мотивы его учения в форме лирических произведений. Несмотря на то, что вопрос о философских исканиях поэта, отразившихся на его творчестве, остается открытым в связи с недостаточной степенью проработанности, можно с уверенностью сказать, что одним из краеугольных камней мировоззрения символиста является учение Н.Ф. Федорова.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Балтрушайтис, Ю.К. Автобиографическая справка // Русская литература XX века (1890-1910): В 2 кн. / Ю.К. Балтрушайтис / Под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. – М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. – С. 84-86.
2. Балтрушайтис, Ю. Горная Тропа. Вторая книга стихов / Ю. Балтрушайтис. – М.: Скорпион, 1912. – 168 с.
3. Балтрушайтис, Ю. Жертвенное искусство / Ю. Балтрушайтис // Мысль и слово. Философский ежегодник; под ред. Г. Шпета. Т. II, 1. – М.: Кн-во С.И. Сахарова, 1918-1921. – С. 219-224.
4. Балтрушайтис, Ю. Земные Ступени. Элегии, песни, поэмы. Первая книга стихов / Ю. Балтрушайтис. – М.: Скорпион, 1911. – 228 с.
5. Балтрушайтис, Ю. Лилия и Серп. Третья книга стихов / Ю. Балтрушайтис. – Paris: YMCA-Press, 1948. – 228 с.
6. Балтрушайтис, Ю. Сон / Ю. Балтрушайтис // Северные цветы: Альманах кн-ва «Скорпион». – М.: Скорпион, 1902. – 252 с.
7. Балтрушайтис, Ю. Юган Людвиг Рунеберг / Ю. Балтрушайтис // Весы. – 1904. – № 2. – С. 55-56.
8. Белый, А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2 / А. Белый / Редкол.: В. Вацура, Н. Гей, Г. Елизаветина и др.; Подгот. текста и коммент. А. Лаврова. – М.: Худож. лит., 1990. – 670 с., ил., портр.
9. Брюсов, В.Я. Дневники. Автобиографическая проза. Письма / В.Я. Брюсов / Сост., вступ. ст. Е.В. Ивановой. – М.: ОЛМА-ПРЕСС Звездный мир, 2002. – 415 с.
10. Георгиевский, Г.П. Л.Н. Толстой и Н.Ф. Федоров. Из личных воспоминаний / Г.П. Георгиевский // Н.Ф. Федоров: pro et contra: антология: в 2 кн.: к 175-летию со дня рождения и 100-летию со дня смерти Н.Ф. Федорова / подгот. А.Г. Гачева и С. Г. Семенова. Кн. 1. – СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманист. ин-та, 2004. – С. 165-179.
11. Иванов, Вяч. Юргис Балтрушайтис как лирический поэт / Вяч. Иванов // Русская литература XX века (1890-1910): в 2 кн.; под ред. проф. С.А. Венгерова. Кн. 2. – М.: ИД «XXI век-Согласие», 2000. – С. 87-96.
12. Пайман, А. История русского символизма / А. Пайман / Авторизованный пер. с англ. В.В. Исакович. – М.: Республика, 2000. – 415 с.
13. Семенов, М.Н. Вакх и Сирены / М.Н. Семенов / Сост., подгот. текста и перевод, комментарии В.И. Кейдана; вступ. статьи В.И. Кейдана и Н.А. Богомолова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 680 с.
14. Семенова, С.Г. Духовное наследие мыслителя / С.Г. Семенова // На пороге грядущего. Памяти Николая Федоровича Федорова (1829-1903). – М.: Пашков дом, 2003. – С. 5-18.
15. Соловьев, В.С. Письма к Н.Ф. Федорову / В.С. Соловьев // Письма Владимира Сергеевича Соловьева. Т. II. СПб., 1909. – С. 345-347.
16. Федоров, Н.Ф. Астрономия и архитектура // Весы. 1904. № 2. – С. 20-24.

17. Федоров, Н.Ф. Вера, дело и молитва // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том II. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 41-42.
18. Федоров, Н.Ф. Вопрос о братстве, или родстве, о причинах небратского, неродственного, т.е. немирного, состояния мира и о средствах к восстановлению родства (Записка от неученых к ученым, духовным и светским, к верующим и неверующим) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 35-308.
19. Федоров, Н.Ф. О значении обыденных церквей вообще и в наше время (время созыва Конференции мира) в особенности // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том III. – М.: «Традиция», 1997. – С. 5-46.
20. Федоров, Н.Ф. Письма к В. А. Кожевникову // Федоров Н.Ф. Сочинения / Общ. ред.: А. В. Гулыга; Вступ. статья, примеч. и сост. С. Г. Семенов. – М.: Мысль, 1982. – С. 638-650.
21. Федоров, Н.Ф. Проект соединения церквей // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 370-387.
22. Федоров, Н.Ф. Супраморализм, или всеобщий синтез (т. е. всеобщее объединение) // Федоров Н.Ф. Собрание сочинений: в 4-х тт. Том I. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1995. – С. 388-441.

Материал поступил в редакцию 22.02.17.

N.F. FYODOROV'S PHILOSOPHY IN J. BALTRUŠAITIS'S OEUVRE

P.S. Saunkin, Degree-Seeking Applicant of Literature Department
Ryazan State University named for S. Yesenin, Russia

Abstract. *In this article the issue of influence of the N.F. Fyodorov's (Russian thinker) ideas on oeuvre of the symbolist J. Baltrušaitis is considered. J. Baltrušaitis identified the concept of "common goal" with art, which is "exclusive changing and besides universal power". The lyrical character by J. Baltrušaitis covers the way, based not so as much on free will, as on the spiritual moral objectives having religious character in their basis. During times of change in the poet's works we see not the theomachy motives, but appeals to the need of "co-working" with God in the new world building.*

Keywords: *N.F. Fyodorov's philosophy, Russian literature, symbolism, J. Baltrušaitis, poetry.*

Literature of Peoples of the Foreign Countries
Литература народов стран зарубежья

UDC 80

THE APOCALYPTIC MIND: NATURE, RITUALISTIC GONGS AND IMPERIAL AFFLICTIONS IN THE WORKS OF EMILY DICKINSON AND MARINA TSVETAeva¹

Y.N. Daskalova, PhD, Assistant Professor

Department of English and American Studies, Faculty of Modern Languages
St Cyril and St Methodius University of Veliko Tarnovo, Bulgaria

***Abstract.** The present essay is a comparative critical study of select works by Emily Dickinson and Marina Tsvetaeva, the former considered as a sui generis precursor of modernism in the American context, the latter – amidst the few perfect masters of stylistic compression and expressionist avant-gardism of modernist thought and writing in the Russian context. Irrespective of the fact that their lives and work diverged not only chronologically, but also in terms of their geographical, historical and cultural specificities, I will nevertheless attempt to deduce a concept of what I will call “similar typological schemes and perceptions” which they employed to build up their poetry. The writings which I have chosen are, in my view, emblematic of their work and best demonstrate the exquisite quality of their rare sensibilities, which might be said to exist in their own right. I have sought to organize my research around overlapping recurrent themes, visions, imagery and messages, as much as around the similar devices and approaches both poets employ to give expression to their extremely original perspectives on life and writing.*

***Keywords:** modernism, expressionist avant-gardism, rare sensibility, apocalyptic mind, Dickinson, Tsvetaeva.*

The Cosmogony of Nature

Стакан твой каждый—будет пуст./Сама ты – океан для уст².
Marina Tsvetaeva

Marina Tsvetaeva and Emily Dickinson are authors who often sought intensity of experience, exultation and inspiration for their poetry through communion with nature. Nature, whose “voice”, although filtered and transfigured by the alchemy of the poets’ own original voices into a higher reality, still re-echoes powerfully throughout their masterful strophic orchestration. Tsvetaeva contemplates on the power of the elements which she sees as the major driving force in bringing poems to life. In an attempt to describe the character of Alexander Pushkin’s inspiration and work, she comments: “It was not Pushkin, but the elements. Nowhere ever did the elements unleash their powers like this. Possessed by the elements – no matter who – in this particular case Pushkin. All is written with the tongues of flame, with the waves of the ocean, with the sands of the desert – with everything but words”. And further on: “While you are a poet, you cannot be annihilated by the elements, because everything brings you back on the road to the supreme ruler of the elements: the Word,” she wrote in the critical essay “Art in the Light of Conscience”³. The notion of the poetic production as a spontaneous and sublime form of art swayed by the elements is an essentially Romantic one, and can even be traced to the pre-Romantic literary period of *Sturm und Drang*, but there is much more than romantic reverie and inebriation with the natural forces in the poetry of Dickinson and Tsvetaeva. The process of writing is, above all, a complex form of histrionics: it begins by a “visitation”, a “possession” by the elements, continues with the “translation” of their language, through the creative potential of the Word, into their own poetic languages, and ultimately ends with the creation of myth, which can generate, time and again, new meanings and metaphors. “The condition of creation is the condition of entrancement. Till you begin – *obsession*; till you finish – *possession*. Something, someone lodges in you: your hand is the fulfiller not of you, but of *it*”, wrote Tsvetaeva. “I cry, leap, roll myself to *meaning*” (“*dokrikivaius, doskakivaius, dokatyvaius do smysla*”), she remarked in a letter to Boris Pasternak on the process of writing (qtd in Lane 2009: 11, 12). Writing is an initiation, instilling power and, finally, re-creation, in a highly original and elliptic language, of the very throbbing of the heart of the elements, to use a more metaphorical language. The poet’s words are as though swayed, “possessed” by the elements. Passionate and strong, like never failing spring, they burst into space:

My poems, written early, when I doubted
That I could ever play the poet’s part,
Erupting, as though water from the fountain
Or sparks from a petard,

And rushing as though little demons, senseless,
 Into the sanctuary, where incense spreads,
 My poems about death and adolescence,
 That still remain unread! –

Collecting dust in bookstores all this time,
 (Where no one comes to carry them away!)
 My poems, like exquisite, precious wines,
 Will have their day! (Tsvetaeva 16)⁴

Likewise, Dickinson finds exaltation in the power of the elements. She wrote: “Exultation is the going/ Of an inland soul to sea,/Past the houses – past the headlands –/Into deep Eternity”. In yet another poem, which commends the immeasurability and the beauties of Nature, she declares:

Bring me the sunset in a cup, Reckon the morning's flagons up And say how many Dew, Tell me how far the morning leaps— Tell me what time the weaver sleeps Who spun the breadth of blue!	Write me how many notes there be In the new Robin's ecstasy Among astonished boughs— How many trips the Tortoise makes— How many cups the Bee partakes, The Debauchee of Dews! ⁵
---	--

Both Dickinson and Tsvetaeva drew creative power and mighty inspiration from the springs of Nature. It is as though Nature “speaks” through the rhythm of their poetry. We are left with the impression that the whole relief of the natural world is impressed on their souls and the “sublime” energies of the raging elements, to use Edmund Burke’s apt term from his essay on the Sublime and the Beautiful, cannot be mastered by any religious or cultural discipline. If we attempt to find the right words to describe their souls and the “stuff” they are made of, the words will be “spacious” and “space”. Their souls spill and spread across the open spaces of Nature, they feast upon the senses, they cannot live within borders and confines. Quite often they aim their shafts at the infinite, their reasoning and imaginative faculties are of such disposition as to force them to the end of the line. Sergey Efron, Tsvetaeva’s husband, gives us an insightful account of her character. In a letter to Max Voloshin, he described her in the following way:

Marina is a woman of passions. Considerably more than in the past – before I left. Plunging headfirst into her hurricanes has become essential for her, *the breath of life* (emphasis added). It no longer matters who it is that arouses these hurricanes. [...] A man is invented and the hurricane begins. [...] The important thing is not what but now. Not the essence of the source but the rhythm, the insane rhythm. Today – despair, tomorrow ecstasy, love, complete self-abandon; and the following day – despair once again. And all this with a penetrating, cold (maybe even cynically Voltairian) mind.[...]. A huge stove whose fires need wood, wood and more wood. Unwanted ashes are thrown out...everything is converted to flame (qtd in Schweitzer 241-243).

In a similar way, the “Vesuvian” character of Dickinson’s sensibility is rendered brilliantly in a poem in which she compares her life to a loaded gun:

1/My Life had stood – a Loaded Gun – In Corners – till a Day – The Owner passed – identified – And carried Me away –	2/And now We roam in Sovereign Woods - And now We hunt the Doe - And every time I speak for Him The Mountains straight reply -
3/And do I smile, such cordial light Upon the Valley glow - It is as a Vesuvian face Had let its pleasure through –[...]	4/Though I than He - may longer l He longer must - than I - For I have but the power to kill, Without - the power to die – (764)

These poems perfectly illustrate a characteristic tendency which resides in the innermost core of both Dickinson and Tsvetaeva: to admire passionately the sublime (lofty), the miraculous, the exceptional, and to reject the average and the prosaic through a variety of changing moods and tones, all swayed by a single master: the Vesuvian talent of their inexhaustible creative vitality. Both Dickinson and Tsvetaeva had Alpine imaginations which were capable of being “possessed” by and “liberated” from the overwhelming power of the elemental forces. Their notion of poetry as a powerful means of conjuring the elements, of entering “into a living relationship with the elemental in the world” (Lane 240) is, no doubt, closely related to the Romantic tradition and its resolutions and paradigms, but the virtuosity of their poetic performance, their masterfully wrought stanzaic patterns which stand out for their sharpness, sometimes even telegraphic precision and inexhaustible and rigorous wit transcend their romantic turns and rank them among the great masters of modernist writing. Their exquisite imaginative capacities combined with the relentlessly acute thought and stylistic tightness and compression give an almost mythical aura and significance to their work and make it worthy to reside within the lofty locus of great art.

The Gongs

*"There is some hour..." –
Fyodor Tyutchev*

No matter whether Dickinson's and Tsvetaeva's verses deal with the themes of nature, humanity or faith, the poetic sensibilities of both poets might be said to contain the apocalyptic element, the vision of the Apocalypse is inherent in the basic structural and semantic cell of their work. In Tsvetaeva's poem "There is Some Hour", this element, accompanied by an epigraph by the Russian poet Fyodor Tyutchev, is prominently brought to the foreground:

There is some hour – like a cast-off load –
When our proud had been fully tamed.
The learning hour – on each life-long road –
Is predestined and great.

The time, in which – our arms just had been thrown
Down to the feet of shown by His hand –
The solder's purple to the gray-fur gown
We're changing on the seashore sand.

O, this great hour – like some loud trumpet,
Rising us up from free-will of a date!
O, this great hour, when like some ear, ripened,
We're low-bending to our weight.

The ear has risen, and the hour – been crowned,
And now the ear is thirsty for the mill.
O, Law! O, Law! Yet in a womb of ground
My yoke by my own will.

The learning hour! But we see and know
Another light, - another bright sunrise.
Be ever blessed, now rising him below,
High time when lone will be each of us!⁶

The apocalyptic mood is similar in a poem by Dickinson:

It was not death, for I stood up,
And all the dead lie down;
It was not night, for all the bells
Put out their tongues, for noon.
It was not frost, for on my flesh
I felt siroccos crawl,
Nor fire, for just my marble feet
Could keep a chancel cool.
And yet it tasted like them all;
The figures I have seen
Set orderly, for burial,
Reminded me of mine,
As if my life were shaven
And fitted to a frame,
And *could not breathe* (emphasis added) without a key;
And I was like midnight, some,
When everything that ticked has stopped,
And space stares, all around,
Or grisly frosts, first autumn morns,
Repeal the beating ground.
But most like chaos,--stopless, cool,
Without a chance or spar,--
Or even a report of land
To justify despair.⁷

In these poems, steeped in anxiety and dread, Tsvetaeva and Dickinson recreate painful states and conditions which become almost physically tangible for the reader. Moreover, the poets come to foresee and foretell, as in a nightmarish dream, a profound psychological crisis, an existential impasse for the entire humankind which would eventually

lead to the prophetic revelation of the Apocalypse itself. The combination of symbol and physically tangible reality, conveyed in a style which is elliptical and tight, produces an impact on human sensibility with the shattering power of a ritualistic gong as though come to announce the Judgment day itself. There is both distant vagueness and distinctive suggestive power through which these poems function as a sinister foreboding about mortality, which, in Marina Tsvetaeva's case, is accompanied by the hope for a fair last judgment that might alleviate the pain and despair the poetic speaker finds herself in. The two speakers' "Nerves sit ceremonious, like Tombs" (qtd in Donoghue 464), to use a phrase from another Dickinsonian poem, enduring to the last the accumulation of oppressive effects, in anticipation of the hour when pride, as Tsvetaeva writes, will be "fully tamed", "the learning hour – on each life-long road" when, "like a cast-off load", the earthly concerns will disappear and one will be probably able to dart to the heights of the Emyrean. Similar is the condition of the speaker in the second poem: though it is not the witching hour of midnight, for the noon-time bells are ringing, s/he is nevertheless enwrapped with the shroud of darkness and cannot SEE clearly what is going on; though "sirocco" is a hot, dry wind (which starts in northern Africa and blows across southern Europe), s/he is nevertheless "chilled" to the state of numbness at the sight of horrific death, which appears to be no death at all: "It was not death, for I stood up,/And all the dead lie down." Probably, we are confronted with the nightmare "Life-in-Death", the old familiar paradox from Coleridge's famous ballad "The Rime of the Ancient Mariner".

It is not my primary concern to offer an in-depth analysis of the two poems, but to reveal the process through which they obtain the status of "rituals", lacerating with their tormenting gongs, like in Yeats's poem "Byzantium", the fragile flesh of time. Both Tsvetaeva and Dickinson employ the senses – of sound and feeling or touch, to create an impression which is completely independent from the senses – stupor: in the case of Dickinson it is caused by despair, while in Tsvetaeva – it is the stupor of knowledge triggered by hope.

However, despite the fact that "stupor" is a state caused by chaotic emotional confusions and disturbances experienced by the speakers, the poems are by no means chaotic or confused. Tsvetaeva and Dickinson had a profound understanding of the human psyche and a rare ability to communicate a sense of despair and oppression, hope and enlightenment, love and death in an almost "ritualistic" way. "The poem is a ritual", writes Donoghue of Dickinson, "imaginatively conducted from the great accepted pain to the "letting go"" (Donoghue 464). No matter whether the poets impart the idea of ultimate despair, pain and death, or expectation, love, desire and ecstasy, the process which leads to all these states is the same, it bears the marks of a ritual, a ceremony:

After a great pain, a formal feeling comes –
The Nerves sit ceremonious, like Tombs –
The stiff Heart questions was it He, that bore,
And Yesterday, or Centuries before?
.....
This is the hour of Lead –
Remembered, if outlived,
As Freezing persons, recollect the Snow –
First – Chill – then Stupor – then the letting go –(341)

This condition is further elaborated by Dickinson herself: "If I read a book", she wrote, and if "it makes my whole body so cold no fire ever can warm me I know *that* is poetry. If I feel physically as if the top of my head were taken off, I know *that* is poetry" (qtd in Donoghue 451). Although the emphasis here is not on the process but on the effect, it is the same feeling and experience, the same "ceremony" which leads to this characteristic state. Similar are Marina Tsvetaeva's own ideas about creating poetry and the meaning of poetic genius: it is a process during which the inner chaos of the Poet, the "gong-tormented sea"⁸ of their cosmic blood is given form and content, it is chiselled and moulded into a perfect "artifact", shining but not warming, petrified and petrifying against the backdrop of Eternity. In "Art in the Light of Conscience" Tsvetaeva wrote: "...For a comet's path is the path of poets: burning, not warming, tearing, not tending". And "Genius is the utmost degree of psychological disintegration and utmost degree of concentration...To accept to be destroyed to the last atom on whose survival and resistance will depend the recreation of the whole cosmos"⁹. In other words, for Tsvetaeva and Dickinson the ceremony is another aspect of their original and acute sensibilities which helps resist what may appear incomprehensible, unutterable and unbearable for the fragile human mind and psyche. Terror may take their breath away and may make them feel as though they are suffocating, but this state is required, because only by being physically "destroyed", deprived of *breath*, can their *breathing* (emphasis added) be restored. Disappearance and destruction are never thorough and definitive, but they are a prerequisite for "resurrection", for the composition of the poem itself, for the creation of immortal poetry.

In this sense, all aspirations towards the infinite, all passions and elements raging "demonically" in both poets' writings, all apocalyptic states and terrifying experiences are "divinely" mastered by the strict semantic and syntactic structures of their verse. Both Tsvetaeva and Dickinson ultimately succeeded to chisel the "angularities" of their language, to "transcend" the "double beat of Heaven and Hell"¹⁰ in their poetry, and give an overall impression of Unity of Being, a sense of completeness and perfection of the work of art. Quite often the sharply delineated nouns or dashes annihilate the whimsical quality of their verse and bring to the foreground the unity of form and content. Behind this strenuous work, however, invariably peep the authors' genuine alter ego, which is the true likeness to God's image, a blend of the earthly and the celestial, whose only irrefutable axioms are absolute freedom and absolute love. Freedom and love in the name of immortality.

The Emyrean of Love

We touch each other. – How? With wings that beat.
Rainer Maria Rilke

Wings are freedom only when they are wide open in flight. On one's back they are a heavy weight.
Marina Tsvetaeva

On May 10, 1926 in a letter to Marina Tsvetaeva, the great German poet Reiner Maria Rilke wrote:

Marina Tsvetayeva,

Were you not here just now after all? Or where was I? [...] On the tenth you thought you were receiving my books at the turning of a door (as one turns pages in a book)...; on the same tenth, today, in the eternal today of the spirit, today, Marina, I received you in my soul, in my whole consciousness, which trembles before you, before your coming, as though your great fellow reader, the ocean, had come breaking over me with you, heart's flood. [...] The atlas was opened (for geography is not a science to me but a relationship that is immediately applied) and, *presto*, you have been entered there, Marina, on my internal map: between Moscow and Toledo somewhere I have made room for the on thrust of your ocean (*The Letters: Summer 1926*, 111-114)

Marina Tsvetaeva led an exilic life in France from 1925 until 1939. Her six months' stay in St Gilles would forever bear the stamp of her correspondence with the great Rilke, a "relationship" which I would call "the requited love of an unfulfilled meeting" between them. Their letters, which were published in German in 1983 and translated into English in 2002, are "an extraordinary document of European literature", in which "two poets explore the paths of poetry to the Emyrean"¹¹ (Tsvetaeva *rolfgross* 50). This was an epistolary love "at first sight". In her next letter to Rilke, Marina wrote:

A topography of the soul – that's what you are. And with your *Book* (or, it was not a book after all, it was becoming a book!) of *Poverty, Pilgrimage and Death* you have done more for God than all the philosophers and priests taken together. Priests are nothing but intruders between me and God (gods). (*The Letters: Summer 1926*, 114-120).

It is evident that for Marina Tsvetaeva the concept of love is of a quite unusual (dis)order. Paradoxically, love becomes ever more consuming with the absence of the object of desire. Furthermore, like Dickinson, she becomes all the more resourceful in finding power in something which is irrevocably gone. In the critical essay "My Pushkin" Marina Tsvetaeva contemplates on the meaning of love which, in her perception, has become inextricably linked with absence, parting: "When Augusta Ivanovna says that she is going to leave us, that she will leave for Riga and will never come back – that is love"¹². "But why farewell? Because when you love you always bid farewell. It is when you bid farewell that you love." (qtd in Feiler 232)

According to Tsvetaeva's own accounts, when she was six and went to a music school, she was taken to see a Christmas performance. When her mother asked her what she liked most, Marina's answer was: "Tatyana and Onegin". Her mother said; "What!? Didn't you enjoy "The Mermaid" in which there is a windmill, a prince and a goblin?" [...] "Tatyana and Onegin," was the daughter's answer. "(Me, in my mind, quite distinctly: **"Because there is love"**" (emphasis added).¹³ Marina's own explanation was the following:

The thing is that he [Evgeniy Onegin] did not love her, and that is why she loved him *so much* and *him* alone, nobody else could have been her choice, because she secretly knew he would not come to love her. (I say this only now but I knew it even then – I knew it then but it was now that I learned to articulate it.) People with this fatal gift for an unhappy, unrequited love have a positive genius for the most unfitting objects¹⁴.

The most significant aspect of Tsvetaeva's conception of love is the physical lack of personality, the disappearance of physical presence; it is a love of lost substantiality. This is a logical consequence of the fact that, similar to Dickinson ("finer is a going/ than a remaining face"), Marina Tsvetaeva's perception becomes all the more intense, acute and entirely apprehensive only after experiencing loss. But it is not only the solid conviction that "To lose thee – sweeter than to gain/ All other hearts I knew", to use a line by Dickinson, but because absence has become a major impetus to enforce a more vivid presence. Parting, the impossibility to realize thorough completeness, paradoxically, has become a prerequisite for the poetic creation itself, for the powerful vivacity of the poetic mind and imagination to RECREATE the loss. In a love poem of 1915 Tsvetaeva wrote:

I like the fact that you're not mad about me,
I like the fact that I'm not mad for you,
And that the globe of planet earth is grounded
And will not drift away beneath our shoes.

I like the fact that I can laugh here loudly,
Not play with words, feel unabashed and loose,
And never flush with stifling waves above me
When we brush sleeves, and not seek an excuse.

I like the fact that you don't feel ashamed
As you, before my eyes, embrace another,
I like the fact that I will not be damned
To hell for kissing someone else with ardor,

That you would never use my tender name
In vain, that in the silence of the church's towers,
We'll never get to hear the sweet refrain
Of hallelujahs sung somewhere above us.

With both my heart and hand, I thank you proudly
For everything, - although you hardly knew
You loved me so: and for my sleeping soundly,
And for the lack of twilight rendezvous,

No moonlit walks with your two arms around me,
No sun above our heads or skies of blue,
For never feeling - sadly! - mad about me,
For me not feeling - sadly! - mad for you¹⁵ (Tsvetaeva 40)

And when Tsvetaeva herself states, "Pushkin infected me with love. With the world love,"¹⁶ it becomes evident that her love is not contemplated in a physical way, it is the love for Pushkin's own poetic voice which has become the Word, with its characteristic resonance in Tsvetaeva's own soul. She goes on to write:

Now, more than thirty years later, I know: my own vision of "To the Sea" came from within Pushkin's breast and I have been travelling to Pushkin's breast with Napoleon, Byron, with the lap of the waves and their sound; and their voice which came from his own soul [...]. Or, rather, I've been travelling to that *sea-shell which re-sounded with the sounds of my own ear (emphasis added)*. [...]. Such was my sea...It could exist only on a sheet of paper – and within my soul.[...]. My sea – that of Pushkin's wild element – was the sea of the last meeting, of the last glance [...]¹⁷. "And one more thing: The illiteracy of my childish identification of the element with the element of poetry proved to be prophetic insight: 'the free element' proved to be poetry, and not the sea, poetry-that is, the one element from which there is no parting-ever." (qtd in Feiler233).

One might suggest that Tsvetaeva is practicing some kind of transcendent meditation in which the mind and soul travel inward, moving beyond the senses, beyond perception, to the most private and exalted inner experiences, "to the poems", "the only element you cannot ever part with". This is the innermost space of the soul's cosmic solitude in which one can receive initiation, an omnipotent knowledge about one's own existence. In a similar experience Emily Dickinson's soul travels to Eternity:

The Soul's Superior instants
Occur to Her—*alone* (emphasis added) —
When friend—and Earth's occasion
Have infinite withdrawn—

Or She—Herself—ascended
To too remote a Height
For lower Recognition
Than Her Omnipotent—

This Mortal Abolition
Is seldom—but as fair
As Apparition—subject
To Autocratic Air—

Eternity's disclosure
 To favorites—a few—
 Of the Colossal substance
 Of Immortality
 or
 There is a solitude of space
 A solitude of sea
 A solitude of death, but these
 Society shall be
 Compared with that profounder site
 That polar privacy
 A soul admitted to itself —
 Finite infinity.

The grandest of all solitudes – both chilling and opening the gates to omnipotent knowledge, labelled “polar privacy” – is irrevocable and shattering. The door to infinity can be only opened when the soul “is admitted to itself,” Dickinson suggests. All other forms of solitude are “society”, that is, lesser and insignificant. Or, as Rainer Maria Rilke described in his letter of May 17, 1926 to Marina Tsvetaeva his state of complete solitude, it is “the vertical leap out into open space, the whole earth’s ascension to heaven within me...” (*The Letters: Summer 1926*, 123-128). Only in such moments and on such occasions can “afflictions” be sent from the Empyrean.

“Still, we have the same solitude, the same journeys and searching, and the same favorite turns in the labyrinth of literature and history” wrote Boris Pasternak to Marina Tsvetaeva¹⁸. I would further add: Dickinson and Tsvetaeva, Rilke and Pasternak – they don’t simply have the same solitude. They all share the same imperial afflictions, for they all “give to words their first sense, and to things their first words”, they “touch each other” “with wings that beat”, they all have to “endure” the same “imperial thunderbolt” of love “that scalps [their] naked soul[s]” in order to achieve initiation and knowledge. For love, after all, is harmony and knowledge. Love is life in the Word, and, as Dickinson wrote, “a word that breathes distinctly has not the power to die.”

Notes

¹ The article is a section of a more comprehensive comparative study on the poetry of Emily Dickinson and Marina Tsvetaeva.

² Your every glass will be empty. You yourself are an ocean for the lips.

³ Translation into English is my own (Y.D.). „Не Пушкин, стихии. Нигде, никогда стихии так не выговаривались. Наитие стихий — все равно на кого, сегодня — на Пушкина. Языками пламени, валами океана, песками пустыни — всем, чем угодно, только не словами — написано.” [...] Пока ты поэт, тебе гибели в стихии нет, ибо все возвращает тебя в стихию стихий: слово. (http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_iskustvo_pri_sovesti).

⁴ Translated by Andrey Kneller.

⁵ Dickinson, Emily. 1924. Complete Poems. <http://www.bartleby.com/113/2039.html>.

⁶ Translated by Yevgeny Bonver, November 10, 2005.

https://www.poetryloverspage.com/yevgeny/tsvetaeva/there_is_some_hour.html.

⁷ Dickinson, Emily. 1924. Complete Poems. <http://www.bartleby.com/113/4075.html>.

⁸ This is a quote from William Butler Yeats’s poem “Byzantium.”

⁹ Translation into English is my own. “Гений: [...] Высшая степень душевной разъятости и высшая — собранности. [...] Дать себя уничтожить вплоть до какого-то последнего атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастет — мир”. http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_iskustvo_pri_sovesti.

¹⁰ I’m referring to the title of the book by Lily Feiler “The Double Beat of Heaven and Hell”, dedicated to the life and work of Marina Tsvetaeva.

¹¹ <http://rolfgross.dreamhosters.com/Tsvetaeva/P-Biography.pdf>. p.50. Accessed 28 Feb.2017

¹² Translation into English is my own. „Когда Августа Ивановна говорит, что она от нас уедет в Ригу и никогда не вернется — это любовь.” („Мой Пушкин”) http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_moi_pushkin.

¹³ Translation is my own. „— Что же, Муся, тебе больше всего понравилось? — мать, по окончании. — Татьяна и Онегин. — Что? Не “Русалка”, где мельница, и князь, и леший? [...]— Татьяна и Онегин. (Я, молча, полными словами:) “Потому что — любовь” („Мой Пушкин”). http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_moi_pushkin.

¹⁴ Translation into English is my own. „ В том-то и все дело было, что он ее не любил, и только потому она его — так, и только для того его, а не другого, в любовь выбрала, что втайне знала, что он ее не сможет любить. (Это я сейчас говорю, но знала уже тогда, тогда знала, а сейчас научилась говорить.) У людей с этим роковым даром несчастной — одиночной — всей на себя взятой — любви — прямо гений на неподходящие предметы. („Мой Пушкин”). http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_moi_pushkin.

¹⁵ Transl. Andrey Kneller.

¹⁶ Translation into English is my own. „Пушкин меня заразил любовью. Словом — любовь.” („Мой Пушкин”) http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_moi_pushkin.

¹⁷ Translation into English is my own. („Мой Пушкин”) http://www.tsvetaeva.com/prose/pr_moi_pushkin.

¹⁸ See Catherine Ciepiela’s book “The Same Solitude: Boris Pasternak and Marina Tsvetaeva,” Winner of the AATSEEL Prize for Best Book in Literary/Cultural Studies.

REFERENCES

1. Dickinson, Emily. *The Complete Poems of Emily Dickinson* / Emily Dickinson. – Edited by Thomas H. Johnson. – Little, Brown and Company. Boston Toronto, 1960.
2. Donoghue, Denis. *Emily Dickinson* / Denis Donoghue // *American Writers: A Collection of literary biographies*. – Vol. I. Leonard Unger (editor in chief). Charles Scribner's Sons; Macmillan Library Reference. – New York, 1974. 451-473.
3. Feiler, Lily. *Marina Tsvetaeva: The Double Beat of Heaven and Hell* / Lily Feiler. – Duke University Press, 1994.
4. Lane, Tora. *Rendering the Sublime: A Reading of Marina Tsvetaeva's Fairy-Tale Poem "The Swain"* / Tora Lane. – Acta Universitatis Stockholmiensis, 2009.
5. Pasternak, Boris. Tsvetaeva, Marina. Rilke, Rainer-Maria. *Letters: Summer 1926. Boris Pasternak, Marina Tsvetayeva, Rainer Maria Rilke* / Boris Pasternak. – The New York Review of Books, 2001.
6. Schweitzer, Victoria. *Tsvetaeva* / Victoria Schweitzer. – Farrar, Strauss & Giroux, New York, 1993.
7. Tsvetaeva, Marina. *Art in the Light of Conscience*, (transl. By Angela Livingstone) / Marina Tsvetaeva. – London: Bristol Classical Press, 1992.
8. Tsvetaeva, Marina. "There is some hour". Translated by Yevgeny Bonver / Marina Tsvetaeva. – https://www.poetryloverspage.com/yevgeny/tsvetaeva/there_is_some_hour.html. Accessed Feb 27, 2017.
9. Tsvetaeva, Marina. <http://rolfgross.dreamhosters.com/Tsvetaeva/P-Biography.pdf>. Accessed 28.02.2017.
10. Tsvetaeva, Marina. *My Poems: Selected Poetry of Marina Tsvetaeva*. (English and Russian Edition) / Marina Tsvetaeva. – Kneller, Boston, 2011.
11. Tsvetaeva, Marina. *Искусство при свете совести* / Marina Tsvetaeva. – http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_iskustvo_pri_sovesti. Accessed Feb 27, 2017.
12. Tsvetaeva, Marina. *Мой Пушкин*. / Marina Tsvetaeva. – http://www.tsvetayeva.com/prose/pr_moi_pushkin. Accessed 28.02.2017.

Материал поступил в редакцию 01.03.17.

ПРОРОЧЕСКИЙ ДУХ: ПРИРОДА, РИТУАЛЬНЫЕ ГОНГИ И ВЕЛИЧЕСТВЕННАЯ СКОРЬ В ТВОРЧЕСТВЕ ЭМИЛИ ДИКИНСОН И МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Я.Н. Даскалова, PhD, ассистент

Кафедра англистики и американистики, Факультет современных языков
Великотырновский университет «Св. св. Кирилл и Мефодий», Болгария

Аннотация. В настоящей работе проводится сравнительное критическое исследование избранных работ Эмили Дикинсон и Марины Цветаевой, первая из которых считается своеобразной предшественницей американского модернизма, а последняя занимает место среди немногих мастеров стилистической компрессии и экспрессионистского авангардизма модернистской мысли и литературного творчества в России. Несмотря на тот факт, что их жизни и творчество не пересеклись не только хронологически, но и географически, исторически и культурно, мы, тем не менее, предлагаем понятие так называемых «подобных типологических схем и представлений», лежащих в основе их поэзии. Избранные нами труды, по нашему мнению, являются знаковыми для их творчества и лучше всего демонстрируют изысканный характер их необычайной эмоциональности, которую можно назвать уникальной. Наше исследование освещает пересекающиеся и совпадающие темы, концепции, образы и идеи, а также сходные приемы и подходы, используемые поэессами для выражения своих чрезвычайно оригинальных взглядов на жизнь и литературное творчество.

Ключевые слова: модернизм, экспрессионистский авангардизм, чрезвычайно оригинальное восприятие, Дикинсон, Цветаева.

УДК 82-6:821.111:115

СПЕЦИФИКА И РОЛЬ ХРОНОТОПА В ЭПИСТОЛЯРНОМ НАСЛЕДИИ АНГЛИЙСКИХ ПОЭТОВ-РОМАНТИКОВ

Н.В. Доминенко, доцент кафедры иностранных языков № 2

Институт иностранной филологии Таврической академии (структурное подразделение),
Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского (Симферополь), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются особенности пространственно-временной организации эпистолярных английских поэтов-романтиков, которые до настоящего времени в зарубежном и отечественном литературоведении не рассматривались. Исследование авторского литературного письма подтверждает, что ему свойственна особая пространственно-временная организация жизненного материала. В границах подобного письма достигается сосуществование разных типов времени: биографического, идиллического, природного. Пространство, внутри которого совершаются передвижения героев переписки, характеризуется динамичностью, многоликостью, стереоскопичностью и является важной составляющей частью модели мира романтиков. Движение событий в тексте писем разворачивается в линейной последовательности, в связи с чем их жанрообразующим признаком становится реализация в структуре повествования хронотопов «чуждого» и «своего» мира. Основной же хронотоп в авторском литературном письме – хронотоп человеческой души, который является ключом к пониманию духовной эволюции пишущего и его переживаний в конкретный момент жизни.*

***Ключевые слова:** авторское литературное письмо, хронотоп, «чуждой» мир, «свой» мир, хронотоп человеческой души.*

Актуальность. Хронотоп выполняет сюжетобразующую функцию не только в художественных произведениях, но и в авторском литературном письме как тексте, где зримо проступает пересечение временных и пространственных планов, многообразных и значимых по сути, и, как правило, образующих единство.

Взаимосвязь философской концепции времени и пространства с художественным методом автора и жанром произведения рассматривали в своих теоретических работах М. Бахтин [2], А. Гаджиев [5], Н. Гей [6], В. Колесник [8], Д. Лихачев [9], Ю. Лотман [10] и др. Однако взаимодействие временных и пространственных категорий в авторском литературном письме до настоящего времени целенаправленно не анализировалось. Украинская исследовательница Л. Морозова [11] в своем диссертационном труде лишь ограничилась констатацией того, что, вследствие опосредованности эпистолярной коммуникации, в письме присутствуют два пространственно-временных плана – рамочный («здесь и сейчас, пока пишу письмо») и сюжетный. Однако специфику и виды хронотопа в авторском литературном письме Л. Морозова не рассматривала.

Термин «хронотоп», как известно, был введен М. Бахтиным для обозначения «взаимосвязи и взаимообусловленности (при доминировании временного начала) временных и пространственных образов и характеристик мира персонажей в литературном произведении» [12, с. 287]. По мнению М. Бахтина, прочно закрепившийся в литературоведении, хронотоп является формально-содержательной категорией, определяющей в том числе и образ человека в литературе, который всегда существенно хронотопичен [4, с. 235]. Именно потому, что в авторском литературном письме ведущее место принадлежит личности пишущего, хронотопичность является важнейшим признаком и принципом этого жанра и «выводит» содержание литературного письма на образ бытия как целого, на модель мира, сложившуюся в сознании автора.

Принимая за основу концепцию М. Бахтина, нам удалось выявить в эпистолярных романтиков такие формы времени, как событийно-биографическое, реально-историческое, природное, идиллическое. С темпоральными формами коррелируют хронотопы «встречи», «дороги», «городка», «природы», «кризиса и жизненного перелома» (порога), а также – как ведущий – «хронотоп человеческой души» (термин Г. Зябровой).

Как известно, «время в художественном произведении воспринимается благодаря связи событий – причинно-следственной или психологической, ассоциативной» [4, с. 121-122]. Учитывая жанровую принадлежность авторского литературного письма к художественной документалистике, насыщенной в этом случае субъективно-психологическим и биографическим началом, время в письмах романтиков следует рассматривать как соотношенность событий в повествовании, причем автор письма может, согласно целям, реализуемым в процессе коммуникации, управлять временным потоком: он способен замедлять или ускорять его движение, иногда просто «выключать», останавливать, например, в моменты рассуждений, связанных с проблематикой того или иного послания, при развертывании описаний, лирических отступлений. На ускорение или замедление хода повествования в писательском письме в первую очередь влияет степень насыщенности текста конкретными фактами и ситуациями, уровень концентрации в его границах исторически и биографически значимого жизненного материала. Значительное количество событий, отраженных в письме, создает впечатление бега времени, а малое их число, наоборот, рождает ощущение неторопливого движения, замедленности действия.

Помимо сказанного, в границах письма по воле автора может усложняться направленность течения временного потока: он необязательно выстраивается хронологически последовательно – от прошлого к будущему, – но нередко и обращается вспять, включает в себя события разных временных пластов, которые при этом перемежаются друг с другом. Кроме того, в пределах письма могут сосуществовать или сменяться разные типы времени: биографическое (если повествуется о судьбе автора), идиллическое (если говорится об утраченном совершенстве мира или приводится описание сохранившихся признаков этого совершенства), природное (в случае описания своих впечатлений от окружающего ландшафта) и т. п.

Временные сдвиги отражают и свойства нарратора, который в авторском литературном письме выступает либо свидетелем излагаемых событий, их комментатором, либо участником происходящего, либо и тем и другим. То есть временная организация сюжета письма находится в прямой зависимости от конкретных функций, идеологической и психологической установки автора, экспансивности его человеческого «Я», определяющей качество взаимодействия с адресатом.

Однако каким бы не было время в повествовании: реальным или воображаемым, динамичным или вяло текущим, разнонаправленным или однолинейным, четко фиксируемым или едва обозначенным, оно, безусловно, связано с художественным пространством. Пространство в авторском литературном письме эпохи романтизма характеризуется изменчивостью, подвижностью, многоликостью, в связи с чем совершенно логичным является обращение к понятию «художественный мир» автора, тесно связанному с категорией «хронотоп». Об этом убедительно сказал Н. Гей: «Художественный мир существует где-то, когда-то, соотносится с кем-то» [6, с. 241]. В свете сказанного представляется возможным определить координаты этого мира, в частности, его пространственную трехмерность, в которой опять-таки отражается историческая реальность, метафизическая «заданность» человеческой судьбы и психологические ощущения личности.

Рассмотрим подробно виды хронотопа, функционирующие в романтическом эпистолярном письме: хронотоп чужого мира (дороги, встречи, страны/поселения), хронотоп своего мира (дома, родины, природы), хронотоп человеческой души.

В процессе самопознания нации органичным является стремление осмыслить «свое» и «чужое» пространство как категорию культуры. Совершая топографические передвижения, английские поэты-романтики познавали «чужой» мир, фиксируя в своих письмах увиденное (нередко экзотическое) в других странах. М. Бахтин писал, что экзотическое подразумевает «нарочитое противопоставление чужого своему» [4, с. 138]. Приведем пример противопоставления итальянской культуры английской из письма Шелли к У. Годвину от 25.07.1818г.: «The modern Italians seem a miserable people, without sensibility, or imagination, or understanding. <...> The women are particularly empty, <...>. They have a ball at the Casino here every Sunday, which we attend—but neither Mary nor C*** dance» (Современные итальянцы кажутся несчастными людьми, у которых нет чувствительности, воображения и интеллекта. <...> В особенности пусты женщины, <...>. Здесь в казино каждое воскресенье устраивают балы, которые мы посещаем, – однако ни Мери, ни Клер не танцуют) [15]. – (Перевод наш. – Н.Д.). В «чужом мире» для поэта-романтика, соприкасающегося с ним впервые, все неопределенно и незнакомо. Никаких существенных и значимых отношений с этим миром у него поначалу нет. Как видно из письма Шелли, в «чужом мире» проступает и образ родной Англии, на редуцированном фоне которого чуждость чужого ощущается особенно остро. Вследствие этого в текстах писем романтиков нередки смысловые и ценностные оппозиции (Восток/Запад, чужбина/Родина, чужеродное/родное). Знаки другой культуры (итальянской, греческой у Байрона и Шелли; португальской, испанской, французской у Саути, Вордсворта, Кольриджа) в письмах романтиков подвергаются поэтической обработке и входят как в идеологическую сетку представлений, так и в художественно-стилевую, образную ткань текста.

Так как английские романтики на протяжении своего жизненного пути совершают многочисленные поездки и путешествия по различным странам, то уместно подчеркнуть особую роль в их посланиях хронотопа дороги.

Именно на дороге – месте случайных контактов – пересекаются в одной временной и пространственной точке представители разных социальных сословий, вероисповеданий, национальностей, возрастов и здесь же осуществляется опосредованная встреча адресата и адресанта, который «втянут» повествователем в заочное путешествие.

Хронотоп дороги непосредственно связан с сюжетом движения, который вводит в текст письма событийно-биографическое время, формирующееся посредством смены разных этапов и обстановки путешествия и протекающее при этом с разной скоростью.

В моменты перехода повествования в описание событийное время как бы «выключается» и – в зависимости от изображаемого объекта – уступает место времени бытовому или природному. В контексте бытового времени рассматриваются особенности материальной и духовной культуры местных народов, с которыми в ходе поездки знакомятся авторы писем: характеристики особенностей стран, городов, архитектурных сооружений, произведений искусства (статуй, картин), традиций, обычаев, нравов населения, интерьеров, пейзажей. Сам процесс этого знакомства измеряется биографическим временем, которое протекает неравномерно, но непрерывно. Вышесказанное подтверждает пример из письма Шелли к Т.Л. Пикоку от 20.04.1818г., где описание чудесных архитектурных сооружений Италии сочетается с рассказом автора о нравах современных итальянцев [15].

Жанр письма считается одним из самых приспособленных для воплощения биографического времени, поскольку смысловым центром здесь является конкретная личность во всем многообразии отношений с окружающей действительностью.

Бытовое время в авторском литературном письме лишено единства и целостности, раздроблено на отдельные отрезки, охватывающие единичные бытовые эпизоды, складывающиеся в сюжете послания в реальный хронотоп, как например, в письме Китса к Б. Бейли от 13.03.1818г., в котором он описывал жителей графства Девоншир [14].

В какой бы стране не оказывались романтики, о чем бы не размышляли, они очень часто обращались и к событиям, вошедшим в историю, и к историческим личностям. То есть, наряду с расширением реального пространства, происходил сдвиг временных границ между прошлым и будущим, охватывающий не только малые временные отрезки, но и более крупные: с помощью художественного воображения, которому отводится одно из главных мест в эстетике романтизма, английские поэты могли переноситься из одной эпохи в другую.

Приведем пример темпоральных сдвигов, реализованных в письме Шелли к Т.Л. Пикоку от 20.11.1818г., где автор делится впечатлениями, полученными в результате поездки в Рим через города Римини, Фано, Фолиньо и т.д.: «The most remarkable things we saw were the Roman excavations in the rock, and the great waterfall of Terni. Of course you have heard that there are a Roman bridge and a triumphal arch at Rimini, <...> From Fano we left the coast of the Adriatic, and entered the Apennines, following the course of the Metaurus, the banks of which were the scene of the defeat of Asdrubal: and it is said (you can refer to the book) that Livy has given a very exact and animated description of it» (Самым запоминающимся из того, что нам пришлось увидеть, были римские раскопки в скале и большой водопад в Терни. Вы, конечно, слышали, что в Римини есть потрясающе сооруженные Римский мост и Триумфальная Арка, <...> После Фано мы ушли от адриатического побережья и приблизились к предгорью Апеннин, следуя течению Метавра, на берегах которого когда-то был повержен Газдрубал; говорят, что Ливий (ты можешь у него найти) точно и живо описал эту битву) [15]. Поэтика исторического времени отмечена, как правило, двумя моментами: время то растягивается, то спрессовывается, сближая далеко стоящие друг от друга эпохи.

Дорога – это не только переход от одной пространственно-временной точки к другой, это еще и постижение тайн бытия и сознания. В своем сознании автор заранее «планирует» свой маршрут, и его «познание» мира становится мысленной «дорогой» догадок, суждений, сравнений. Проиллюстрируем сказанное примером из письма Саути, в котором автор описывает свое пока что лишь задуманное путешествие: «Thursday morning I intend to ride to Salt Hill (20 miles from town) because the road is flat ugly & near London thence equipped in my oldest cloaths to sally on with a great stick in search of adventures & eat at the country alehouses so that I may see a country life & manners in its grossest view – do not object to the scheme when I am tired upon the way I will sit down & write an ode – you may expect to see me to breakfast on Wednesday next» (В четверг утром я собираюсь отправиться верхом в Солт Хилл (в 20 милях от города), так как дорога ужасная. Возле Лондона я облачусь в свои старые одежды, чтобы путешествовать с большой палкой в поисках приключений и обедать в деревенских тавернах, то есть я, вероятно, увижу деревенскую жизнь и манеры во всей их полноте) [17].

Событийно-биографическому, как и историческому времени, в романтическом письме присуща четкая фиксация. Маркерами его выступают ориентализмы: (pasha – паша, mosque – мечеть) и бытовые реалии-номинанты: (tramontana – трамонтана, gondoliere – гондольер, villa – вилла), эпитеты, передающие скорость движения временного потока (monotonous – однообразный, measured – размеренный, dull – унылый и т.п.). Переход от истории к современности осуществляется посредством формул типа: «once» (когда-то), «in the old days» (в былые времена), «remember» (помнится), «ruins» (развалины), «некогда прекрасный» (once beautiful). Оознавательными знаками исторической эпохи нередко выступают антропонимы Augustus – Август, Pliny – Плиний, Plato – Платон, Cicero – Цицерон, Dante – Данте, Albert the Great – Альберт Великий, принадлежащие разным историческим эпохам.

Дорога собирает и организует художественное пространство литературного письма, которое конкретизируется и приобретает свое семантическое и формальное наполнение через предметы, которые здесь упоминаются; последние же определяют границы этого пространства, моделирующего социальные, этические, политические, национальные, временные и другие связи в модели мира романтиков.

Пространство авторского литературного письма, насыщенное событиями, не только собирает участников последних, оно еще и распределяет их роли. Участники событий разделены на три категории. К первой категории мы относим самих авторов писем (поэтов-романтиков), которые ведут главную сюжетную линию повествования: они являются не только свидетелями происходящего, но и активными действующими лицами, обладающими правом реконструкции реальности. Авторы романтических писем представляют собой пример «подвижных» героев, передвигающихся в пространстве Британия – Европа – Восток, внутри которого взаимодействуют и сосуществуют несколько типов культур, несколько цивилизаций, а, следовательно, и несколько разных хронотопов (особенно у Шелли и Байрона): сосуществование английской и итальянской культур. Вторую категорию участников действия составляют образы реальных эмпирических личностей, включенных авторами в сюжет авторского письма. Поскольку мотивы дороги и встречи в письмах нередки, постольку неудивительно, что в их текстах – в одной пространственной и временной точке – пересекаются пути самых разных людей. Среди них английский писатель В. Скотт, поэт-патриот Дж. Дайер, командующий военными силами

герцог Веллингтон у Вордсворта; английский радикал, автор известного труда «Права человека» Т. Пейн, священник-унитарий, ученый-радикал Дж. Пристли – у Кольриджа.

Третья категория участников событий в сюжете авторского литературного письма представлена «коллективными» героями, чаще всего жителями тех стран, где авторам писем приходилось бывать: англичане, ирландцы, шотландцы, итальянцы, греки, турки, испанцы, португальцы, швейцарцы и др., – создают своеобразный фон, на котором происходят события.

Мотив контакта или встречи, неотделимый от мотива дороги, по своей природе является открыто хронотопичным: временное начало в нем нераздельно связано с пространственным. Этот мотив обязательно входит в качестве важного элемента в состав сюжета эпистолярного текста и, таким образом, включается в объемлющий его конкретный хронотоп; кроме того, он может выполнять композиционную функцию: служить завязкой, кульминацией или развязкой действия. Так, Китс в одном из своих писем Б. Бейли от 8.10.1817г., формируя хронотоп встречи с братьями и друзьями, писал: «After a tolerable journey I went from Coach to Coach to as far as Hampstead where I found my Brothers – the next Morning finding myself tolerably well I went to Lambs Conduit Street and delivered your Parcel.<...> I went to Hunt's and Haydon's who live now neighbours» (После довольно-таки терпимого путешествия, я, пересаживаясь из экипажа в экипаж, прибыл в Хэмпстед, где и встретился с братьями. Утром, прекрасно себя чувствуя, я отправился на Лэмз-Конduit-стрит и вручил Вашу посылку. <...> Навестил Ханта и Хейдона, которые теперь живут по соседству) [14].

Мотив встречи может иметь различные смысловые оттенки: встреча может быть желанной или нежелательной, радостной или грустной, иногда может носить амбивалентный характер. В ходе исследования авторского литературного письма в текстах романтиков нами была выделена еще одна точка пересечения пространственного и временного рядов – это город/городок, которые встречаются на пути путешественников по мере их продвижения в пространстве. Время в городском топосе характеризуется историческими примерами, событийностью, связанной со «встречами», «расставаниями», при этом город может производить как отрицательное, так и положительное впечатление на пишущего. Например, Китс в письме, адресованном другу Дж.Г. Рейнольдсу от 17.04.1817г., описывает город, куда он прибыл следующим образом: «Shanklin is a most beautiful place – sloping wood and meadow ground reaches round the Chine, which is a cleft between the Cliffs of the depth of nearly 300 feet at least» (Шэнклин – очень красивое место – отлого спускающийся лес и луг доходят до самого Ущелья, представляющее собой расселину между Утесами глубиной почти 300 футов, по крайней мере) [14].

В результате анализа эпистолярного романтиков нами было выделено природно-идиллическое время, сущность которого характеризуется органической прикреплённостью, «приращённостью» жизни и ее событий к тому месту, где находится автор: родному дому, поместью, краю, к которым романтики испытывают глубокое чувство привязанности. У ранних романтиков – это «Озерный край», выступающий в образе идеального мира, где подолгу жили все три поэта; у Байрона, до выезда за пределы Англии, – Ньюстедское аббатство; у Шелли – имение Филд-Плейс, а позднее – Италия, ставшая поистине «своей».

Хронотоп дома олицетворяет защищенный мир личности, в данном случае мир автора письма. Дом, поместье в эпистолярном наследии английских романтиков являются объектом первых наблюдений и размышлений о жизни, источником ранних поэтических впечатлений. Для хронотопа дома характерно идиллическое время, которое воспринимается как время мифологическое, что связано с идеализацией старины, традиции, некоего постоянства. Как правило, такое время всегда в прошлом и сосредоточено на прошлом, а к автору письма приходит в воспоминаниях о детстве и отрочестве, атмосфере любви, заботы, внимания, царящих в замкнутом, камерном мирке. Мифологическое время сочетается с понятием текущей реальности, оторванностью от дома в бинарной оппозиции «тогда-теперь» и способствует развитию мечты о возвращении автора на «малую родину», связанную с синхронизацией в памяти прошлого, настоящего и будущего. На первый план в хронотопе дома выходит органическая прикреплённость жизни и ее событий к определенному месту. В свете сказанного показателен пример из письма Шелли Т. Л. Пикоку от 20.04.1818 г.: «I often revisit Marlow in thought. The curse of this life is, that whatever is once known, can never be unknown. You inhabit a spot, which before you inhabit it, is as indifferent to you as any other spot upon earth, and when, persuaded by some necessity, you think to leave it, you leave it not; it clings to you—and with memories of things, which, in your experience of them, gave no such promise, revenges your desertion» (Я часто в мыслях снова и снова посещаю Марлоу. Наказание нашей жизни в том, что стоит хотя бы раз что-либо познать, ты познаешь это навсегда. Ты живешь в месте, которое до прибытия туда не имело для тебя никакого значения, как и любое другое место на земле; а когда тебе приходится его покинуть в силу некоторых обстоятельств, это оказывается невозможным. Это место напоминает тебе о тех событиях, которые, когда ты их переживал, не намеревались на всю жизнь навечно в твоей памяти, и таким образом мстит тебе за неверность) [15].

Хронотоп дома тесно связан с хронотопом родины, пространство которой в письмах романтиков обозначается не только географически, но и поэтически: в виде описаний в тексте своего возвращения на родную землю. Поворот к родному пространству символизирует возвращение к жизненным истокам, путь к самому себе.

В хронотопе дома и родины акцент всегда делается на противопоставлении локализованного идиллического мира – миру, где господствует иной порядок, что ведет к появлению оппозиции «природа-социум». При помощи природного времени характеризуется бытие нерукотворного мира. В отличие от других темпоральных

форм оно также имеет сходство со временем идиллическим, которое находит эмоциональный отклик у авторов-романтиков. Природное время в их письмах проявляется в реалиях пейзажных зарисовок с их привязкой к конкретной местности, передается с помощью таких «текстовых средств координации», как топонимы и хрононимы. Например, у Шелли: Письмо 80. *Бат, Эбби-Черч-ярд 5, 20 ноября 1816*; Письмо 97. *Милан, 13 апреля 1818*. Или у Вордсворта: Письмо 472. *Грасмир, 12 января 1818*; Письмо 483. *Райдейл Маунт, 30 мая 1813*.

При описании пейзажа авторами посланий время биографическое плавно переходит в лирическое, и перед адресатом письма раскрывается целая гамма авторских настроений. Так, Шелли в своем послании Ли Ханту от 26.03.1818 г., используя разнообразные тропы, описывает природные красоты края следующим образом: «We travel towards the mountains, and begin to enter the valleys of the Alps. The country becomes covered again with verdure and cultivation, and white chateaux and scattered cottages among woods of old oak and walnut trees. The vines are here peculiarly picturesque...» (Мы направляемся в горы и скоро войдем в альпийские долины. Местность снова покрыта зеленью и белыми шато и домами, разбросанными среди старых дубовых и ореховых лесов. Виноградники здесь особенно живописны...) [15]. Но при взаимодействии лирического и биографического начал, течение времени нередко приобретает разновекторный характер, так как в лирическом порыве автор письма то возвращается в прошлое, то устремляется в будущее, а то и возносится в сферу бытийного, где время просто исчезает.

В эпистолярном творчестве английских поэтов-романтиков формируется особенный тип хронотопа, хронотоп человеческой души, раскрывающий потаенные глубины личности автора-романтика, в которые он решает впустить читателя-адресата. Хронотоп человеческой души, или личностный хронотоп, является связующим все остальные виды пространственно-временных характеристик в тексте авторского литературного письма. Он представляет собой как временное, так и пространственное воплощение автора письма, сознание которого, с его живой памятью и творческим потенциалом, является главным условием сохранения связи эпох и единства личности человека. Категория времени-пространства человеческой души выполняет синтезирующую функцию, отражая в переписке разнородные идеалы определенного исторического периода, а также духовное развитие авторов писем. Подтвердим сказанное примерами из переписки английских романтиков. Так, Саути в войне против Англии и Голландии, начавшейся через двенадцать дней после гибели Людовика XVI, выступал на стороне Франции. Однако позднее, под впечатлением от происходящих событий, разочарованный Саути в одном из своих писем к Ч. Бедфорду, датированных 14-21 июля 1793 г., напишет следующее: «I hope soon to hear of the fall of Marat, Robespierre, Thuriot & David» (Я скоро надеюсь услышать о падении Марата, Робеспьера, Турета и Давида) [16]. Со временем к Саути приходит понимание того, что подавление свободы происходит всегда и везде. В результате революции, идеи которой в глазах поэта были прекрасны и многообещающи, осуществилась лишь перестановка сил на политической арене страны, что оказало непосредственное влияние на систему взглядов, сформировавшихся в его сознании. Личностный хронотоп помогает найти ключ к пониманию мироощущения автора, его эстетических и нравственных принципов, изменению натуры. Именно хронотоп человеческой души является способом раскрытия духовных изменений, позволяет отследить эволюцию (а в данном случае и деградацию) внутреннего мира человека, начиная от начала переписки до ее завершения. Выступая в качестве ключевого элемента структуры и содержания текста, личностный хронотоп становится важной характеристикой образа автора в письме и свидетельствует, что в переписке отражается развитие не только литературного авторского образа, но и эмпирической личности самого адресанта. Следовательно, письма романтиков являются и фактом автобиографической прозы, и явлением прозы психологической, построенной не только на анализе других людей и их позиций, но и на самоанализе, углубленной рефлексии.

Вывод. Хотя в письмах романтиков действие разворачивается на широком и разнообразном географическом фоне: в Англии, Ирландии, Шотландии, Швейцарии, Германии, Италии, Греции, Франции, Испании, Португалии, Турции, Албании, – нельзя утверждать, будто именно и только пространственно-временные передвижения авторов писем составляют сюжетную основу и хронотопическую специфику последнего. Наполненная рассуждениями религиозно-этического, общественно-политического, литературно-критического, эстетического характера, несущая исповедально-лирическое и тенденциозно-проповедническое начало, переписка романтиков формирует не просто фактографически точный, а философски и поэтически окрашенный хронотоп.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байрон, Дж. Г. На перепутьях бытия... [Письма, воспоминания, отклики] : худож. публицистика : пер. с англ. / Дж. Г. Байрон [сост., авт. предисл. и коммент. А.М. Зверев]. – М. : Прогресс, 1989. – 432 с. – (Зарубеж. худож. публицистика и докум. проза)
2. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики : исследования разных лет / М. Бахтин. – М., 1975. – С. 234-407.
3. Бахтин, М. М. Проблемы речевых жанров / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. – М., 1986. – С. 250-296.
4. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1979. – 423 с.
5. Гаджиев, А. А. Романтизм и реализм : теория литературно-художественных типов творчества / А. А. Гаджиев ; Ин-т лит. и яз. им. Низами АН Азербайджанской ССР. – Баку : Элм, 1972. – 347 с.
6. Гей, Н. К. Искусство слова / Н. К. Гей. – М. : Наука, 1967. – 364 с.
7. Зябрева, Г. А. Русский очерк рубежа XIX – XX столетий : жанровое своеобразие, пути развития (на материале произведений В. Г. Тана-Богораза и Н. Д. Телешова) / Г. А. Зябрева // Вопр. рус. лит. – 2003. – Вып. 9. – С. 53-79.

8. Колесник, В. А. Хронотоп и его функция в повести В. П. Катаева «Святой колодец» / В. А. Колесник // Литература в контексті культуры : зб. наук. праць. Вип. 18. – Дніпропетровськ, 2008. – С. 102-108.
9. Лихачев, Д. С. Поэтика древнерусской литературы / Д. С. Лихачев. – Л. : Худож. лит., 1971. – 414 с.
10. Лотман Ю. М. Структура художественного текста / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. Об искусстве / Ю. М. Лотман. – СПб. 1998. – С. 14-288.
11. Морозова, Л. Писательский эпистолярный в системе литературных жанров: дис. ... канд. филол. наук / Людмила Ивановна Морозова. – К., 2007. – 223 с. – укр.
12. Теория литературы : уч. пособ. для студ. фил. фак. вузов : в 2 т. / [под ред. Н. Д. Тмарченко, В. И. Тюпа, С. Н. Бройтман]. – М. : Изд. центр «Академия», 2004. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика. – 512 с.
13. Шелли, П. Б. Письма ; Статьи ; Фрагменты / П. Б. Шелли ; [пер. с англ. З. Е. Александровой]. – М. : Наука, 1972. – 534 с. : ил. ; 5 л. ил.
14. Keats, J. Original Manuscripts Of Poetry & Letters [Электронный ресурс] / J. Keats. – Режим доступа: URL: <http://englishhistory.net/keats/letters.htm/> – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана. (дата обращения: 02.09.2016)
15. Letters from Italy. Volume II of the 1840 edition of Essays, letters from abroad, translations and fragments [Электронный ресурс] / by P. B. Shelley ; ed. by Mary Shelley. – Режим доступа: www. – URL: <http://terpconnect.umd.edu/~djb/shelley/letters/1840letter63.htm/> – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.02.2016)
16. The Collected Letters of Robert Southey : Part 1: 1791-1797 [Электронный ресурс] / ed. by L. Pratt. – Режим доступа : www. – URL: <http://tc.umd.edu/editions/southey-let/> – 12.08.2012 г. – Загл. с экрана. (дата обращения: 12.09.2016)

Матеріал посту́пил в редакцію 31.01.17.

SPECIFICS AND ROLE OF CHRONOTOPE IN EPISTOLARY HERITAGE OF ENGLISH ROMANTIC POETS

N.V. Dominenko, Associate Professor of Foreign Languages Department No. 2
Institute of Foreign Philology, Taurida Academy,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol), Russia

Abstract. *In this article the features of the spatial-temporal organization of epistolary heritage of English romantic poets are considered. These features were not considered in foreign and domestic literary criticism up to the present moment. The research of the author's literary letters confirms that the special spatial-temporal organization of life material is peculiar to it. Within such letter the coexistence of different types of time is reached: biographic, idyllic, natural. The space in which the movements of correspondence heroes are made is characterized by dynamism, diversity, stereoscopy and is an important part of model of the romantics' world. The stories' development in the letters is set in the linear sequence, therefore the genre building sign is the implementation of chronotopes of "external" and "internal" world in narration structure. The main chronotope in the author's literary letters is a chronotope of human nature which is a key to understanding spiritual evolution of the writer and his experiences in certain life moment.*

Keywords: *author's literary letters, chronotope, "external" world, "internal" world, chronotope of human nature.*

УДК 811.134.2

ВОСПРИЯТИЕ ИСПАНСКОГО МЕНТАЛИТЕТА ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ЮМОРИСТИЧЕСКИХ ИНТЕРНЕТ-МЕМОВ

Л.С. Гуторенко, аспирант, специальность 10.02.20 (сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание)

Факультет иностранных языков и регионоведения,
Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия

***Аннотация.** Целью данного исследования является обзор креолизованных интернет-мемов с вербальной и графической составляющей на испанском языке. Понятие мема, впервые сформулированное в 1976 году Р. Докинзом для обозначения идей, передающихся посредством имитации и использующих человеческий ум в качестве «носителя», несколько изменило своё исходное значение и приобрело большую популярность в результате возникновения и распространения киберкоммуникации. В настоящее время под интернет-мемом понимается информация (как правило, юмористического характера), создаваемая при электронной коммуникации и спонтанно распространяющаяся в виртуальном пространстве. Значительную часть данных мемов составляют креолизованные тексты с вербальной и графической составляющей, что обусловлено письменным характером общения в сети Интернет; при этом креолизованный текст как таковой становился объектом исследований в отечественной и зарубежной лингвистике с последней четверти XX века. Благодаря большой популярности английского языка и доступности средств массовой коммуникации, интернет-мемы нередко носят интернациональный характер, что не исключает определённой специфики среди представителей различных лингвокультур применительно к определённым темам (политический юмор, игра слов, прецедентные источники). В рамках данной статьи проводится краткий теоретический обзор понятия «креолизованный текст» на основе трудов отечественных и зарубежных исследователей, а также некоторых явлений, нередко наблюдаемых в интернет-мемах (дефразеологизация, эрратография). Рассматриваются некоторые креолизованные интернет-мемы с вербальной и графической составляющей, пользующиеся популярностью среди испаноязычных пользователей.*

***Ключевые слова:** креолизованный текст, интернет-мем, испанский язык, коммуникация в сети Интернет, киберкоммуникация, эрратография, дефразеологизация, игра слов, интертекстуальность, прецедентность.*

С активным распространением средств массовой коммуникации взаимодействие между людьми претерпевает определённые изменения: с одной стороны, упрощается вхождение в контакт на расстоянии, информация становится более доступной; с другой стороны, всё активнее используется визуализация в качестве текстообразующего элемента (так, А.Ю. Зенкова [Зенкова, 2004] отмечает возникновение тенденции к визуальной подаче информации, которое усиливается в современном мире), что способствует возникновению креолизованных текстов.

Одну из первых классификаций креолизованного текста предложил Л. Барден [Bardin, 1975], подразделив их на четыре типа (информационные, иллюстративные, комментирующие и символические) в зависимости от того, какой тип информации содержат вербальный и графический компоненты: денотативный или же коннотативный. Креолизованному тексту присущи основные признаки гомогенного, а именно целостность и связность (что отмечает ещё Е.Е. Анисимова [Анисимова, 2003, с. 17]); но при этом подача информации осуществляется в более простом для восприятия виде, чем вербальный текст. Одновременно наряду с информационной нагрузкой большое значение приобретают прагматическая, экспрессивная и людическая.

Наличие паралингвистических элементов в тексте, призванных придавать информации большую наглядность и упрощать восприятие, предполагает способность адресата корректно и быстро интерпретировать их значение (особенно в случае юмористического текста): в случае межкультурной коммуникации и восприятия креолизованных текстов на иностранном языке, необходимо обладать определёнными экстралингвистическими знаниями, чтобы воспринять их прагматическую нагрузку.

С другой стороны, развитие глобального виртуального пространства и упрощение доступа к информационным ресурсам в том числе способствует интернационализации креолизованных текстов в сети Интернет: так, в современном киберпространстве можно встретить международные шаблоны и некоторые юмористические высказывания, которые воспроизводятся на разных языках носителями разных культур. В данном случае

речь идёт о тех комических текстах, которые не содержат национально-культурную специфику, поскольку основываются на общедоступных реалиях и могут быть восприняты пользователями из разных стран. Примерами тем для подобных международных юмористических текстов могут служить международные культурные и политические события, моменты из культовых фильмов, а также некоторые культурные универсалии, имеющие сходную коннотацию среди представителей разных стран (с другой стороны, глобализация также способствует смене изначальных коннотаций, свойственных отдельно взятой культуре, так что они начинают носить международный характер).

В данном контексте следует упомянуть некоторые международные шаблоны юмористических креолизованных текстов, такие как *Philosoraptor*, *Cyanide and Happiness*, *Someecards* и т.д., представляющие серию изображений с типической графикой и типом юмора. Другая разновидность международных Интернет-мемов включает изображения или фразы из культовых фильмов, а также отдельные набравшие популярность фотографии, что позволяет говорить о прецедентном характере юмора в сети Интернет. Примерами на базе испанского языка могут служить следующие креолизованные тексты: кадр из фильма «Властелин колец» с изображением одного из героев (Боромира)¹ в сопровождении фразы «no simplemente se comparte los oreos con otras personas»²; изображение главного персонажа из фильма «Вилли Вонка и Шоколадная фабрика»³ со следующей подписью: «¿que no tienes vida propia? Que se siente tener que meterse en la de los demás»⁴.

Помимо кадров из фильмов среди испаноязычных пользователей сети Интернет набрали большую популярность изображения из мультипликационных фильмов студии Disney, которые сравнительно мало используются носителями других языков (например, в русском языке использование мультипликационных кадров крайне редко, при этом в большей части случаев изображения берутся из произведений советского кинематографа, а не американского). Популярность подобных мультипликационных фильмов среди взрослой аудитории является характерной для испаноязычного населения, возможно, в связи с ожиданием везения и счастливого случая в жизни, сходных с теми, которые переживают главные герои фильмов Disney. С лингвистической точки зрения подобные тексты редко представляют интерес, темой часто становится ситуация из мультипликационного фильма или транспонирование её в реальную жизнь.

Другим источником прецедентной визуальной составляющей юмористических креолизованных текстов являются фотографии известных политических, общественных и культурных деятелей. Так, пользователи многих стран используют изображения Б. Обамы, А. Меркель, В.В. Путина, Л. Ди Каприо, а среди испаноязычной аудитории популярностью пользуются также изображения современных испанских и латиноамериканских политиков, Папы Римского, а также некоторых исторических личностей (например, Че Гевары).

Ещё один интернациональный макет с названием *What I really do* содержит 6 изображений, размещённых в два ряда; над ними размещена подпись, задающая тему креолизованного текста, а каждое из изображений последовательно сопровождается фразами: «мои друзья/мои родители/окружающие и т.д. думают, я делаю это...» (изображённое на картинке); «я думаю, я делаю это»; «что я делаю на самом деле». Юмористический эффект в данном случае достигается за счёт несовпадения мнений различных людей о роде деятельности героя изображения и, главным образом, за счёт резкого контраста пяти первых изображений с шестым, часто представляющим героя в невыгодном свете. В качестве темы текста часто выбирается какая-либо специальность либо профессия, например, «журналист» (пример взят на базе испанского языка). В данном случае подписи «lo que mis padres piensan que hago»⁵ соответствует изображение военного журналиста в экстремальных условиях, тем самым представляя частое мнение о том, что родители часто очень горды работой своих детей и преувеличивают её важность. Над фразой «lo que mi jefe piensa que hago»⁶ изображён человек, сидящий в социальной сети Facebook, что указывает на отрицательное мнение начальства о подчинённых как о туеядцах. Подписи «lo que mi abuela piensa que hago» соответствует изображение девушки в мини-юбке и глубоком декольте на фоне яркого интерьера, что говорит о консервативности представлений старшего поколения о современных профессиях. Над подписью «lo que la sociedad piensa que hago»⁷ изображён чистильщик обуви за работой, выставляя журналистику как зависимую от власти профессию с точки зрения общественного мнения. Подпись «lo que yo pienso que hago»⁸ сопровождается фотографией человека в наушниках и с микрофоном, вероятно, задействованного на престижном мероприятии. Завершает серию изображений фотография длинной очереди людей, стоящих в бюро трудоустройства, с подписью «lo que hago realmente»⁹, таким образом явно указывая на несовпадение чьих-либо преувеличенных представлений с реальностью.

Частым приёмом для создания комического эффекта служит т.н. дефразеологизация или же двойная актуализация фразеологизма [Nadal, 2012; Попова, 1968, с.115], обозначающая возможность одновременного буквального и метафорического восприятия фразеологических единиц и являющаяся разновидностью языковой игры. На материале испанского языка можно привести следующие примеры: «¿Y tu media naranja? –Me la comí, tenía hambre»¹⁰, «¿Nervioso? –Sí, un poco. ¿Es tu primera vez? – No, ya había estado nervioso antes»¹¹, «¿Si un asesino sale en una serie es un asesino en serie?»¹², «-Entonces, ¿Tú y yo qué somos? - Pronombres»¹³, «Niñas de 11 años que ponen “no soy celosa, sólo cuido lo que es mío”, las entiendo, yo tampoco prestaba mis juguetes»¹⁴, «Si no puedes hacer que tu pareja cambie... ¡Tú cambia! Pero de pareja ;)»¹⁵.

Наряду с международными визуальными шаблонами можно также выделить некоторые, пользующиеся большой популярностью в испаноязычной виртуальной среде. Так, следует отметить мем «Ola k ase»¹⁶, традиционным графическим компонентом которого является фотография головы ламы, смотрящей в кадр; однако впоследствии визуальная и вербальная составляющая стали встречаться по отдельности, пользуясь равной

популярностью. В данном случае мы также встречаем осознанное нарушение норм орфографии, популярное в Интернет-среде и обозначаемое термином «эрратография» или же «антиорфография» – термин, предложенный О.В. Дедовой [Дедова, 2007]. Д. Кристал в книге «язык и интернет» [Crystal, 2003, с. 75] указывает, что сознательное упрощение орфографии является одной из тенденций, связанных с поддержкой современного развития языка, и далее [Crystal, 2003, с. 165] добавляет, что нарушение орфографии часто встречается при виртуальной коммуникации. Подобное явление можно связать с тем, что коммуникация в сети Интернет отображает устное общение в письменной форме, поэтому выбор знаков осуществляется таким образом, чтобы максимально отражать устное произношение и сопровождающие его эмоции и междометия. Среди отечественных исследователей изучению эрратографии посвятил свой труд «Самоучитель олбанского» М. Кронгауз.¹⁷

Другим визуальным шаблоном, пользующимся популярностью в испаноязычном виртуальном сообществе, является изображение игрушечной лягушки в сопровождении следующего вербального макета: «a veces me dan ganas de... y se me pasa»¹⁸, прототипом для данного интернет-мема является Кермит, персонаж музыкальной комедии «Маппеты». В то же время данный герой лёг в основу серии юмористических креолизованных текстов на базе английского языка, однако используемый там юмор носит другие коннотации: так, Кермит изображается пьющим чай и сопровождается подписью «But that's none of my business».

Примерами готовых текстов на базе испанского языка могут служить следующие: «a veces me dan ganas de trabajar, me acuesto un rato y se me pasa»¹⁹, «a veces me dan ganas de enamorarme y luego pienso en el fin de semana y se me pasa»²⁰. В приведённых юмористических высказываниях заметна важность социального общения и отдыха в испанском менталитете.

Праздничное проведение выходных и взаимоотношение полов являются частой темой Интернет-мемов среди испаноязычных пользователей. Можно привести следующие примеры: «no todos los hombres somos iguales, cada uno de nosotros es cabrón a su manera»²¹, «mi novio dice que a veces me adelanto a las cosas... bueno, aunque todavía no es mi novio»²², «-Amor, últimamente siento que estoy gorda, ¿qué tendré? -Razón»²³, «a mí también me gusta la cerveza sin gas... sin gastar un peso»²⁴ (в данном примере юмористический эффект достигается за счёт совпадения первого слога глагола «gastar» – «тратить» и слова «gas» – «газ»), «se vende la cerveza más fría que abrazo de suegra»²⁵, «-Eres mi alergia. -¡Ay, qué lindo! -Lee bien, que de seguro leíste “alegría”»²⁶. В последнем примере возникновению комического эффекта способствует сходное написание слов «alergia» (аллергия) и «alegría» (радость). Зачастую подобные креолизованные тексты предстают без изображения, паралингвистическими элементами в них являются выбор цвета текста и фона, шрифт, смайлы и эмодзи, эмотивное использование знаков препинания и прописи. Также нередко подобные мемы на базе испанского языка сопровождаются подписью «¡ajaaja» внизу, дополнительно указывающей на юмористический характер высказывания. С одной стороны, с информационной точки зрения подобная подпись является излишней, поскольку для адресата не составит трудностей адекватно воспринять текст, с другой стороны возможно, что наличие подобной подписи берёт свои истоки в юмористических сериалах, которые сопровождаются закадровым смехом после каждой шутки. Также, вероятно, данная подпись указывает на отношение самого автора к написанному тексту.

Таким образом, юмористические креолизованные тексты в сети Интернет обладают рядом характерных особенностей, связанных с их прагматической направленностью (целью подобных текстов будет являться достижение успешного воздействия на адресата). Подобными особенностями будут являться выбор актуальной темы, пользующейся популярностью среди целевой аудитории и носителей конкретной культуры, использование приёмов языковой игры и интертекстуальность, которая легко может быть понята читателем. Важной является подборка паралингвистических средств, которые, в зависимости от конкретного текста, могут нести коннотативную либо денотативную нагрузку (выбор шрифта, цвета, знаков препинания, смайлов и эмодзи и изображения).

Из приведённых примеров видно, что использование многих шаблонов носит интернациональный характер; однако можно выделить некоторые мемы, свойственные именно испаноязычным пользователям сети Интернет.

Что касается выбора темы, то он часто обусловлен политическими событиями, а также такими традиционными для представителей различных культур темами, как взаимоотношение полов, транспонирование «чуда», происходящего в мультипликационных фильмах, на собственную повседневность, а также молодёжным отдыхом как неотъемлемой частью жизни для испанской ментальности.

Примечания

¹ Подобный шаблон изначально носит английское название «One doesn't simply» (в русскоязычной традиции «нельзя так просто взять и»), соответствующее фразе данного героя в изображённом моменте фильма.

² Нельзя так просто взять и поделиться орео с другими.

³ Традиционно использование данного шаблона предполагается в случае, когда отправитель с иронией или недоверием относится к полученной от адресата информации.

⁴ У тебя нет личной жизни? И как это, когда приходится влезать в чужие?

⁵ Родители думают, что я делаю...

⁶ Мой шеф думает, что я делаю...

⁷ Общество думает, что я делаю...

⁸ Я думаю, что я делаю...

⁹ Что я на самом деле делаю.

¹⁰ А твоя вторая половинка? (досл. «половинка апельсина») – Я её съел, я был голоден.

¹¹ Ты волнуешься? – Да, немного. – Это твой первый раз? – Нет, я уже волновался раньше.

¹² Если убийца появляется в сериале, это серийный убийца?

¹³ В таком случае, что такое ты и я? – Местоимения.

¹⁴ Я понимаю 11-летних девочек, которые пишут «я не ревнивая, я всего лишь охраняю своё», я тоже никогда никому не давала своих игрушек!»

¹⁵ Если ты не можешь заставить своего партнёра поменять себя, поменяй ты, но партнёра!

¹⁶ Искажённая форма «Hola, ¿qué hace?» «Привет, что делаешь?»

¹⁷ Следует отметить, что т.н. «олбанский» является феноменом, характеризующим коммуникацию среди русскоязычных пользователей сети Интернет и набравшим популярность в начале 2000х годов.

¹⁸ Иногда мне хочется ... и у меня это проходит.

¹⁹ Иногда мне хочется работать; я ложусь ненадолго, и у меня это проходит.

²⁰ Иногда мне хочется влюбиться, а потом я думаю о выходных, и у меня это проходит.

²¹ Не все мужчины одинаковы, каждый из нас – козёл по-своему.

²² Мой жених говорит, что я иногда опережаю события. Ну, хотя он пока не мой жених.

²³ Дорогой, в последнее время я чувствую, что я потолстела. Что тогда я? – Права.

²⁴ Мне также нравится пиво без газа... не потратив ни копейки.

²⁵ Продаётся пиво холоднее, чем объятия свекрови.

²⁶ Ты моя аллергия! – Как прекрасно! – Прочитай хорошо, я уверен, что ты прочитала как «радость» (досл.)

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Анисимова, Е.Е. Лингвистика текста и межкультурная коммуникация (на материале креолизованных текстов). Учеб. пособие для студ. фак. иностр. яз. вузов / Е.Е. Анисимова. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 128 с.
2. Ворошилова, М.Б. Креолизованный текст: аспекты изучения / М.Б. Ворошилова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 75-80.
3. Дедова, О.В. Антиорфография в Рунете / О.В. Дедова // Русский язык: Исторические судьбы и современность: III Международный конгресс исследователей русского языка (тезисы). – М., 2007
4. Зенкова, А.Ю. Визуальная метафора в социально- политическом дискурсе: методологический аспект / А.Ю. Зенкова // Многообразие политического дискурса. Екатеринбург. – 2004. – С. 39-54.
5. Попова, Л.В. О дефразеологизации устойчивых сочетаний / Л.В. Попова // Проблема устойчивости и вариативности фразеологических единиц. – Вып. 1. – Тула, 1968. – С. 115-120.
6. Щурина, Ю.В. Комические креолизованные тексты в Интернет-коммуникации / Ю.В. Щурина // Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2010. – № 57. – С. 82-86.
7. Crystal, D. Language and the Internet / D. Crystal // Cambridge University Press, 2003. – x, 272 p.
8. Nadal, L.L. Principios de culturología y fraseología españolas: Creatividad y Variación En Las Unidades Fraseológicas / L.L. Nadal // Studien Zur Romanischen Sprachwissenschaft Und Interkulturel. – 2012.

Материал поступил в редакцию 17.01.17.

PERCEPTION OF SPANISH MENTALITY THROUGH THE PRISM OF HUMOROUS INTERNET MEMES

L.S. Gutorenko, Postgraduate Student Majoring in 10.02.20
(Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics)
Faculty of Foreign Languages and Area Studies,
Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. *The research objective is the review of creolized Internet memes with verbal and graphic components in Spanish. The meme concept was for the first time formulated in 1976 by Clinton Richard Dawkins for designation of ideas which are transmitted by means of imitation and which use human mind as "carrier". This concept has been a little changed in comparison with the initial meaning and went viral in result of emergence and distribution of cybercommunication. Now the Internet meme is understood as the information (as a rule of comic character) created at electronic communication and spontaneously extending in virtual space. Considerable part of these memes is the creolized texts with verbal and graphic components that is caused by the written Internet communication; at the same time, creolized text as such became an object of researches in Russian and foreign linguistics from the last quarter of the 20th century. Thanks to great popularity of English and media availability, Internet memes not infrequently have international character that doesn't exclude certain specifics among representatives of various linguocultures in relation to certain topics (political humour, word-play, precedent sources). Within this article the short theoretical review of the concept "creolized text" based on works of Russian and foreign researchers, and also some phenomena, quite often observable in Internet memes (dephraseologization, erratography) is carried out. Some creolized Internet memes with verbal and graphic components, which are popular among Spanish-speaking users, are considered.*

Keywords: *creolized text, Internet meme, Spanish, Internet communication, cybercommunication, erratography, dephraseologization, word-play, intertextuality, precedence.*

УДК 81'26 + 81'0

К ВОПРОСУ КОГНИТИВНО-СЕМАНТИЧЕСКОЙ ПРИРОДЫ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ КОНЦЕПТОВ

Г.И. Исина¹, Г.А. Советова²¹ доктор филологических наук, профессор, ² магистрант¹ Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова,² Центрально-Казахстанская Академия (Караганда), Казахстан

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию особенностей когнитивной семантики эмоциональных концептов в различных лингвокультурных общностях. Концепты в сознании человека возникают в результате деятельности, опытного постижения мира, социализации. Исследование концептуализации сферы эмоций на материале различных языков, на наш взгляд, способствует проникновению в тайны когнитивной деятельности человека, более углубленному пониманию сути языковой картины мира.*

***Ключевые слова:** эмоциональный концепт, когнитивная семантика, этническое сознание, картина мира.*

Существующий в коллективном сознании любого этноса национальный миропорядок немислим без разветвленной системы оценок всего сущего. Именно оценивание на эмоциональном и ценностном уровнях завершает процесс отражения обыденным человеческим сознанием мира, окончательно превращая его из объективного в мир отраженный. Данный подход позволяет определить особенности функциональных репрезентаций действительности в разных языковых сообществах.

Как известно, существуют так называемые базовые эмоции, свойственные всем людям, независимо от расы, вероисповедания, культуры, возраста и прочих характеристик. Большинство исследователей относят эмоции радости и страха к категории базовых. Это одни из фундаментальных человеческих эмоций, которые характеризуются широким спектром внешних проявлений.

Эмоция радости в русской и английской картинах мира зачастую выражается физически. Например, ‘her eyes sparkled with joy’; ‘a look of pleasure’; «радость светится в глазах». В английском языке проявление радости, восторга вербализуется посредством таких лексем, как: cheer, laugh, merry, joy, lively, pleased. Сравните: as cheerful as a lark – «веселый, жизнерадостный»; as merry as a grig – «весел как сверчок»; as jolly as a sandboy – «в нем жизнь бьет ключом»; as lively as a cricket – «веселый, жизнерадостный»; as high as a kite – «на седьмом небе»; as pleased as a dog with two tails – «очень довольный, в восторге». Как мы видим, чувство радости может проявляться во взгляде, голосе, мимике, жестах, действиях.

Анализ вербальных средств, репрезентирующих концепты «fear – страх», показывает, что в английской и русской языковых картинах мира в целом преобладают общие черты в их описании. В обеих лингвокультурах страх переживается как незащищенность, неуверенность, чувство опасности и надвигающегося несчастья. Например: ‘fear has a hundred eyes’, ‘fear sees danger everywhere’, «у страха глаза велики» и т.д.

К физическим проявлениям страха можно отнести эмоциональные реакции, вербально отраженные в следующих выражениях: «сердце заколотилось», «побледнеть от страха», «трепетать от страха». Ср. в англ. яз.: ‘to make one’s hair stand on end’, ‘to shake in one’s boots’. Страх способен буквально парализовать человека, привести его к оцепенению. Страх порой ассоциируется со смертью. Ср.: ‘to frighten someone to death’, «умирать от страха», «под страхом смерти». Внешние симптомы многих эмоций сходны с симптомами различных биологических ощущений. Ср.: ‘to grow cold with fear’, «леденеть от страха», «кровь в жилах стынет».

Как показывает анализ, наблюдаются и различные формы проявления национально-культурной специфики. В русской языковой картине мира присутствует такой признак, как корреляция страха с душой. Напр.: «душа ушла в пятки», «душа не на месте». И это не удивительно, поскольку концепт «душа» является одним из ключевых культурных концептов, вбирающим в себя одновременно свойства материального и идеального, интеллектуального и эмоционального.

Европейская картина мира характеризуется многообразием мистического нереального мира, которое может быть объяснено только при помощи воображения, рисующего образные концепты, или мифологемы. Напр.: to be afraid of smth. as the devil is of incense; like going to hell and back; the fear of God’; to put the fear of God into/in; like the wrath of God; to look as if one had seen a ghost. Мифологемы являются содержательной единицей английского языкового сознания. Являясь продуктом коллективного бессознательного, они хранятся в национальной памяти, а их эволюция в национальной культуре отражает специфику их преломления в определенной языковой среде.

К категории специфических эмоций относится несомненно эмоция печали, грусти, относящаяся к негативным переживаниям. Эмоция печали имеет свои универсальные активаторы. Переживание печали включает в себя комплекс чувств, и эти чувства обычно сопровождаются конкретными образами, мыслями, воспоминаниями.

Как показывает анализ, в русской и английской языковых картинах мира наблюдаются как определенные сходства, так и отличия в репрезентации концептов «печаль – sadness».

В сопоставляемых языках печаль имеет физическое проявление: «тоска в глазах», «на лице отразилась печаль». Ср. в англ. яз.: “His face is seamed with sorrow”, “His face expressed sorrow”, “Tears of anguish filled her eyes”, “There was a note of sorrow in voice”. Эмоция «печаль» представлена как «боль в сердце», «душевная боль». Ср.: тоска сжимает, давит, теснит сердце, душу, грудь; “He is sick at heart”, “He feels depressed”. Душа и сердце являются вместилищем эмоций.

Пожалуй, самую глубокую печаль у нас вызывает смерть. Интересным считаем, что и в русской и английской картинах мира встречается репрезентация «печали как смерти». Сравните: «предсмертная тоска», «смертельная тоска», «от тоски умереть»; в англ. яз. ‘mortal agony’, ‘death throes’, ‘to die of grief’. В обоих языках наблюдается также градация эмоции «печаль»: шумная радость – тихая грусть, печаль; глубокая печаль; great, enormous, extreme, bitter grief, anguish, woe; to feel a deep sadness.

Эмоция печали ассоциируется также с тяжелым грузом, ношей: «грусть-тоска тяжелая», «с тяжелым чувством уныния», «тяжело на сердце»; “His heart is heavy”. Подобное чувство тяжести повсеместно: «мы ощущаем тяжесть в лице, в груди, в конечностях, это ощущение разливается по всему телу, словно вся тяжесть мира взвалена на наши плечи» [1].

Важным культурологическим фактом является и цветовая характеристика печали, свойственная русской картине мира: тоска зелёная; темное уныние. Не менее релевантны причины этой эмоции в русском языке: грусть о доме, о родных; тоска по родине. Присутствие данной семантической группы свидетельствует о наличии такой особенности русского менталитета, как национальная гордость и любовь к родине.

Как мы можем судить по примерам, вербализованные эмоциональные концепты в картине мира рассматриваются как этнокультурно обусловленные смысловые ментальные образования. В концептуальном сознании носителей языка формируется устойчивый образ базовых эмоций, принятый в том или ином этнокультурном обществе. Различия в вербализации эмоций, обнаруживаемые при сопоставлении английской и русской языковых картин мира, свидетельствуют о том, что главенствующими при формировании лингвистических категорий являются не перцептивно-физиологические факторы, а факторы работы коллективного сознания по категоризации чувственно воспринятой информации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Изард, К.Э. Психология эмоций / К.Э. Изард. – СПб: Питер, 2009. – 464 с.
2. Исина, Г.И. Когнитивная лингвистика / К.И. Исина. – Караганда, 2014. – 208с.

Материал поступил в редакцию 27.02.17.

ON THE COGNITIVE AND SEMANTIC NATURE OF EMOTIONAL CONCEPTS

G.I. Issina¹, G.A. Sovetova²

¹ Doctor of Philological Sciences, Professor, ² Master's Degree Student

¹ E.A. Buketov Karaganda State University,

² Central Kazakhstan Academy (Karaganda), Kazakhstan

Abstract. This article deals with the peculiarities of cognitive semantics of emotional concepts in various linguocultural communities. The concepts in human consciousness result from activity, empirical comprehending the world, socialization. The research of the emotions sphere conceptualization based on the material of various languages, in our opinion, promotes thorough insight into secrets of cognitive activity of the person, better understanding of an essence of linguistic world view.

Keywords: emotional concept, cognitive semantics, ethnic awareness, worldview.

УДК 8

ОБУЧЕНИЕ ИНТОНАЦИИ КАК НЕВЕРБАЛЬНОМУ РЕЧЕВОМУ СРЕДСТВУ

С.В. Киржанова, старший преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся филологического факультета
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Россия

Аннотация. Статья посвящена проблеме обучения интонированию иностранцев с помощью системы интонационных конструкций (ИК), разработанной Е.А. Брызгуновой. Область эмоционально-модальных реализаций ИК на данный момент остается мало разработанной. В центре внимания способы обучения интонационно-речевым навыкам выражения эмоционально-модальных и эмоционально-стилистических значений и оттенков. Предлагаются образцы учебного материала для учащихся среднего и продвинутого уровней.

Ключевые слова: интонационная конструкция, эмоционально-модальные значения, интенция, косвенные речевые акты, речевые тактики.

На филологическом факультете МГУ в обучении иностранцев русской интонации принята система интонационных конструкций, разработанная Е.А. Брызгуновой и ее последователями. Под интонационной конструкцией (ИК) понимается «комплекс просодических компонентов, которые при определенном их соотношении способны различать смысловые значения высказываний как с одинаковым лексико-грамматическим составом, так и высказывания с различным звуковым составом словоформ» [Русская Грамматика, 1982]. Методика обучения нейтральным реализациям ИК в практике РКИ (русского как иностранного) разработана достаточно широко и основательно [Одинцова, 2011; Короткова, 2006; Бархударова, Панков, 2015]. Нейтральные ИК участвуют в формировании смысла высказывания, отражая его общую коммуникативную целеустановку (повествование, вопрос, волеизъявление, восклицание). Однако исследователями и практиками также выявлены некоторые закономерности употребления нейтральных ИК в контекстах определенной стилистической, эмоциональной и субъективно-модальной окраски. Например, ИК-6 придает оттенок торжественности текстам информационно-публицистического стиля, а ИК-7 – оттенок сожаления или пренебрежения говорящего к полученной информации. ИК-4 отличается наиболее широким диапазоном оттенков. В не учебной, живой речи, насыщенной эмоциями и субъективными смысловыми оттенками, происходит расширение диапазона количественных изменений просодических компонентов, организующих ИК, поэтому реализации ИК оказываются разной степени выраженности и даже частотны случаи совмещения признаков двух типов ИК [Брызгунова, 1984]. Поэтому обучение интонированию с помощью ИК требует, с одной стороны, тщательного анализа того, как взаимодействует интонация со всеми составляющими звучащего текста, и, с другой стороны, анализа собственно ИК, то есть выявления тех просодических компонентов ИК, которые актуальны для оформления определенного смысла. В статье представлено несколько упражнений, демонстрирующих метод анализа и способы закрепления акустических обликов эмоционально-модальных реализаций ИК.

Монолог. Участие ИК в передаче эмоционального состояния говорящего.

Слуховое представление, которое стоит за аббревиатурой ИК-такое-то, формируется у учащихся не скоро. Задание 1 демонстрирует один из вариантов закрепления акустического образа без опоры на лексико-грамматическую структуру. В эпизоде из телесериала «Школа» (2010 г., режиссер Валерия Гай Германика) доминирующей ИК является ИК-6, которая вместе с лексикой (тоска, зима и др.), с повторяющимися близкими структурно-синтаксическими конструкциями передают атмосферу скуки и грусти.

Задание 1. А. Произнесите синтагмы с ИК-1, 3, 6 без слов, по ритмической схеме (_ _ - пунктирное подчеркивание обозначает медленный темп).

Та-та-та-та-та¹-та-та, / та-та-та-та-та¹-та-та-та

Та-та-та-та-та³-та-та, / та-та-та-та-та-та³-та-та

Та-та-та-та-та⁶-та-а, / та-та-та-та-та⁶-та-та-а

Б. Слушайте и повторяйте синтагмы в медленном темпе с ИК-1, 3, 6. С какой ИК сочетание медленного темпа ярче и выразительнее передает атмосферу грусти и скуки?

В школе ничего не происхо¹дит, / как будто все впаи в зимнюю спя¹чку.

Никто не влюбля³ется, / не приходят но¹венькие.

Никто не влюбля⁶ется, / не приходят но⁶венькие...

Хочется читать Ка⁶фку/ и медити¹ровать.

Задание 2. Слушайте и делайте интонационную транскрипцию. Скажите, какой тип ИК преобладает? Почему? Определите жанр речевого фрагмента.

Начало третьей четверти – это тоска. А за окном зима. Позади самые любимые праздники. Впереди самая длинная четверть. В школе ничего не происходит, как будто все впаи в зимнюю спячку. Никто не влюбляется, не приходят новенькие... Стихи пишутся грустные. Хочется читать Кафку и медитировать.

Задание 3. Прочитайте фрагмент с другим лексическим составом. Изменится ли интонация, темп, уровень высоты тона? Сделайте интонационную транскрипцию. Прочитайте.

Начало каникул – это счастье! За окном лето. Позади самые трудные экзамены. Впереди самый длинный отдых. В школе какое-то движение, шум, суета, как будто все на вокзале и поезд вот-вот должен отправиться. Никто не ворчит, не жалуется... Стихи пишутся радостные. Хочется читать Хармса и валять дурака.

Монолог. Интонационное варьирование как часть тактического хода в стратегии убеждения.

Во фрагменте из интервью с историком, руководителем Европейского института демократии и сотрудничества в Париже Н.А. Нарочницкой звучит одно и то же словосочетание с разной огласовкой.

Задание. А. Слушайте и повторяйте речевые отрезки, выражающие разные интенции.

(а) *Нужно призна²ть* – интонация категорического утверждения: это есть, потому что должно быть.

(б) ... прежде всего *нужно призна¹ть*,/ что... – интонация нейтрального сообщения: есть это.

(в) *Надо призна⁴ть*, //... – интонация наставления: вы думаете так, а я, как понимающий больше, объясняю так.

(г) *Надо призна⁷ть*, //... – разговорно-фамильярная интонация, говорящая, что других аргументов нет и что ничего особенного в этом решении нет. Вербальным эквивалентом является фраза «Подумаешь! Это жизнь!» в сопровождении с определенными жестами: разведение рук, легкое поднятие бровей и/или плеч и кивок головой в сторону.

Задание. А. Соотнесите ИК с расщипфровкой интенции, восстановите последовательность.

( ) ИК-__ Вы не хотите, а это факт, и вы должны это признать.

( ) ИК-__ Вы должны признать! Признайте!

( ) ИК-__ Все знают, поэтому вы должны это признать.

( ) ИК-__ Подумаешь вы не хотите! Это уже все знают.

Б. Прослушайте фрагмент, дополните интонационную транскрипцию.

...никакой стабильности не¹т./ Но нужна ответственность!/ Нужно признать (**жестко, строго**),/ что есть не то²лько мои нацистересы,/ но есть интересы партне²ра. И након³ц/ американца прежде всего нужно признать (**спокойно и мягко**),/ что не вы²шел у них однополярный мир./ Надо признать (**непринуждённо, небрежно**),/ что Россия остае³т: и будет! системообразующим элементом: в системе международных отношений.

Задание. Прочитайте по заданной шкале ИК. Обратите внимание на возможное совмещение двух типов ИК (высокий уровень, движение тона в предцентре и центре по типу ИК, обозначенной нижней цифрой, в постцентре движение тона близко интонации, обозначенной верхней цифрой).

1) ИК-2→ИК-1→ИК-4→ИК-7

2) ИК-2→ИК-1³→ИК-4⁷

Надо отдать! → Надо отдать, потому что он просит. → Надо отдать.

Диалог. Экспликация с помощью ИК вербально невыраженных эмоционально-модальных интенций в высказываниях с омонимичным лексико-грамматическим составом.

В звучащем фрагменте из фильма «Я шагаю по Москве» (1963 г., Г. Данелия) каждая из представленных ИК в своих нейтральных употреблениях может реализовать вопросительно-побудительные интенции, но специфика просодических параметров, организующих эти ИК, также способствует передаче эмоционально-модальных оттенков.

Задание. Подпишите ремарки к выделенным репликам (с испугом; с непониманием; с недовольством; с пониманием (догадкой), но с нежеланием).

— Товарищ!

— **Чего²?** (_____)

— У меня к вам большая просьба.

— **Чего³?** (_____)

— Вы не могли бы прокатиться со мной на этом самолете?

— **Чего⁴?** (_____)

— Понимаете, я хочу, чтобы один человек приревновал меня.

— **Чего⁶?** (_____)

— Чего, чего. Хотите три рубля дам?

— Пять.

— Только три пятнадцать. Потом.

Задание. А. Соотнесите ремарки с ИК. Б. Произнесите короткие фразы с требуемой интонацией.

ИК-6 _____ (Что? Как? Зачем?)

ИК-3 _____ (Какой? Откуда?) и т. д.

В. Замените «Чего?» другим вопросительным словом, (А) сохранив очередность реплик и (Б) не сохраняя очередность.

Когда²? Когда³? Когда⁴? Когда⁶?

Кто²? Кто³? Кто⁴? Кто⁶?

Г. Предложите свой интонационный диктант. Высказывания желательно сопровождать мимикой и жестами, соответствующими интонации.

Диалог. ИК как сигнал скрытой интенции.

Фрагмент из сериала «Как я стал русским» (2015 г. Сезон 1. Серия 4. К. Статский) демонстрирует возможности ИК-4 быть сигналом скрытой интенции. Исследователи относят РА «Извинение» к экспрессивам [Трофимова, 2008]. Формированию этого смысла способствует нейтральная, типичная ИК-2. Но в данном эпизоде ИК-4 с интонационным центром на просторечной лексеме *извиняюсь* участвует в оформлении готовой специализированной конструкции разговорной речи «(Ну⁶) если это.../ то извините», «(Ну⁶) если это.../ то я извиняюсь», что вкпе создает РА «Экспрессивная оценка», а не РА «Извинение».

Задание. Слушайте и повторяйте нейтральное произнесение ИК-2 при выражении извинения.

Извини²-те! О²-й,/ прости²-те! Извини²-те меня, пожалуйста! Прости²,/ я неча²-янно!

Задание. Слушайте и повторяйте нейтральное произнесение ИК-3 при привлечении внимания.

Извини³-те,/ где² здесь метро? Ой, прости³-те,/ это Университе³-т?

Задание. Прослушайте и определите реплики-извинения.

Извини². Я извиня⁴-юсь,/ это что²? Извини³-те,/ переда³-йте, пожалуйста! Ну, извини². Извини⁷-те!/ Вот еще! Ой,/ извиня⁷-юсь. Это не сы²-р,; я⁴ извиняюсь,/ а мы²-ло! Ну, извини² меня./Ну, я не пра¹-в.

Задание. Просмотрите видеофрагмент. А. Определите, к какому ближе типу ИК звучит интонация выделенной фразы. Опишите позу, жесты и мимику говорящего.

— Вот/ коллеги пришли на новоселье.

— Ну если это новоселье,/ то я извиняюсь.

— За что?

Б. Герой не извиняется? Определите, что хотел сказать герой фильма. Предложите свои реплики.

Заключение

Таким образом, работа с живыми звучащими текстами способствует расширению запаса слуховых впечатлений, накоплению специфических слуховых представлений и развитию аудитивно-слуховых навыков у иностранных учащихся. При этом, на наш взгляд, ИК в практике РКИ выступают в качестве эксплицитного смысловоразличающего и сигнализирующего средства для выражения как нейтральных, так и эмоционально-модальных и стилистических смыслов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бархударова, Е. Л. По-русски — с хорошим произношением: Практический курс русской звучащей речи / Е. Л. Бархударова, Ф. И. Панков. — 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык. Курсы, 2015.
2. Брызгунова, Е. А. Смысловое взаимодействие предложений / Е. А. Брызгунова. — Сб. «Синтаксис текста» под ред. Г.А. Золотовой. — М., 1979.
3. Брызгунова, Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи / Е.А. Брызгунова. — М., Изд. Моск. ун-та, 1984.
4. Короткова, О. Н. Корректировочный курс русской фонетики и интонации: Для говорящих на китайском языке / О. Н. Короткова. — СПб.: Златоуст, 2006.
5. Одинцова, И. В. Звуки. Ритмика. Интонация: учеб. пособие. 4 изд. / И. В. Одинцова. — М.: Флинта: Наука, 2011.
6. Русская грамматика. Том I. — 1982.
7. Трофимова, Н. А. Экспрессивные речевые акты в диалогическом дискурсе. Семантический, прагматический, грамматический анализ: Монография / Н. А. Трофимова. — СПб.: Изд-во ВВМ, 2008.
8. Формановская, Н. И. Русский речевой этикет: Лингвистический и методический аспекты. Изд. 4-е. / Н. И. Формановская. — М.: Издательство ЛКИ, 2008.
9. Черемисина-Ениколопова, Н. В. Законы и правила русской интонации: Учеб. Пособие / Н. В. Черемисина-Ениколопова. — М.: Флинта: Наука, 1999.

Материал поступил в редакцию 28.02.17.

INTONATION TRAINING AS NON-VERBAL SPEECH MEANS

S.V. Kirzhanova, Senior Lecturer of Department of Russian Language for Foreigners of Faculty of Philology Lomonosov Moscow State University, Russia

Abstract. *The article deals with the intonation training for foreigners by E.A. Bryzgunova's system of intonation constructions. The field of emotionally-modal implementations of intonation constructions at the moment is underdeveloped. The methods of teaching intonation and speech skills of emotional expression and emotional-modal stylistic meanings and nuances are considered. The samples of educational material for students of intermediate and advanced levels are suggested.*

Keywords: *intonation structure, emotional and modal values, intention, indirect speech acts, speech tactics.*

УДК 81-11

ЭЛИМИНАЦИЯ ИНТЕНЦИОНАЛЬНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ СУБЪЕКТНОЙ ЦЕПОЧКИ В ГАЗЕТНОМ НАРРАТИВЕ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ЭКСТРАЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ

А.И. Милостивая, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода
Северо-Кавказский федеральный университет (Ставрополь), Россия

***Аннотация.** Целью данной статьи является исследование лингвистических и экстралингвистических маркеров, которые сигнализируют об элиминировании интенциональных элементов в цепочке продуцентов газетного нарратива. В результате анализа эмпирического материала делается вывод о том, что в сериальных или однократных нарративах возможно элиминирование интенций «заказчика» информации, редактора, журналиста и источника информации. Кроме того, в полинарративных текстах довольно часто элиминируются маркеры позиции журналиста.*

***Ключевые слова:** газетный нарратив, интенция, субъектная цепочка, «заказчик» информации, редактор, журналист, источник информации.*

Данная статья посвящена изучению социокультурно детерминированной элиминации интенций различных участников газетного нарратива, адресант которого манифестируется в большинстве случаев как цепочка коммуникантов: «заказчик» информации – редактор – журналист – источник информации – журналист – редактор. Вначале рассмотрим различные трактовки базового для нашей статьи термина «интенция». Итак, интенция как коммуникативное намерение вербального речевого действия традиционно соотносится с целеустановкой последнего и позволяет «либо сообщить информацию, либо ее запросить, либо побудить к совершению чего-то, либо еще каким-то образом воздействовать на адресата» [4, с. 75]. При этом допускается, что интенция говорящего может косвенно репрезентироваться в рамках пропозициональной структуры высказывания, к примеру, «ситуативное сообщение: *Я вернусь в пять часов* способно передавать дополнительное интенциональное содержание как обещание, утешение больной матери или угрозу нерадивому сыну проверять уроки» [Там же].

В скрытой прагмалингвистике подчеркивается, что интенциональное целеполагание носит неосознанный характер, а выбор средств для достижения цели речевого высказывания происходит автоматически, неосознанно и скрыто [3, с. 33]. Таким образом, в рамках данного подхода отрицается возможность существования эксплицитно выраженных интенциональных суждений в структуре и ткани речевого акта, что нам представляется необоснованным, т.к. косвенный речевой акт с неявной интенциональностью манифестируется лишь как частный случай, наряду с эксплицитным иллокутивным значением.

Д.В. Колесова выделяет две характеристики текстовой интенции, которые релевантны с позиции нашего исследования. Во-первых, это взаимосвязь интенции с коммуникативной ситуацией, с социокультурной средой осуществления речевого акта любого типа, в том числе и исследуемого нами газетного нарратива. Во-вторых, интенция в тексте иерархична, т.е. существует доминирующая коммуникативная макроинтенция, а повествовательные внутренние коммуникативные программы задаются микроинтенциями, которые варьируются в зависимости от жанра и типа текста [2, с. 29]. Далее в данном исследовании мы будем рассматривать макроинтенцию, если использовать данную терминологию, которая характеризует целеустановку нарратива в газете как единого целого.

В современных исследованиях отмечается, что интенция «включает в себя когнитивную и коммуникативную составляющую» [1, с. 49]. При этом когнитивный аспект интенции связан с тем, что «интенциональность – «рабочее состояние» здорового сознания, это непрерывный когнитивный процесс конструирования личности» [1, с. 51]. В коммуникативном плане интенция – это «направленность сознания адресанта на достижение замысленной им цели, ради которой он вступает в коммуникацию (а не отказывается от нее)» [Там же]. Тем самым интенция является универсалией коммуникации, в том числе и в рассматриваемом нами газетном нарративе.

Говоря о локализации интенции в газетном нарративе отметим, что она может быть распределена различным образом по различным компонентам цепочки его продуцентов: «заказчик» информации – редактор – журналист – источник информации – журналист – редактор, причем налицо детерминация этого процесса социокультурной средой производства и потребления медийного контента.

В данной статье будут показаны возможные случаи элиминации интенций звеньев коммуникативной цепочки отправителя газетного нарратива, а также систематизированы лингвистические экстралингвистические маркеры подобного процесса. В указанном ракурсе интересны будут следующие позиции:

- элиминация «заказчика» информации;
- элиминация роли редактора;
- элиминация присутствия журналиста;
- элиминация источника информации.

Элиминация социальной позиции «заказчика» подачи информации и редактора, как правило, происходит в случае, когда текст газетной статьи эквивалентен целому нарративу. Наши наблюдения над текстами показали, что наиболее часто подобная повествовательная форма манифестируется в различных жанрах, помещенных в раздел «Фельетон», а также в комментариях экспертов в рамках определенной тематики или эссе. К примеру, в газетной статье, являющейся эквивалентом нарратива, под заголовком “Ungleichheit und die soziale Marktwirtschaft” (Неравенство и социальная рыночная экономика) [7] автором является президент немецкого института экономических исследований М. Фрацшер. В данном случае тематика статьи относится к сфере его профессиональной компетенции, поэтому очевидно, что здесь представлена позиция личностного субъекта повествования, которая в данном случае не маркирована паралингвистически, а на лингвистическом уровне определенный нами тип субъектной позиции повествователя, возможный лишь при элиминации социальной позиции «заказчика» подачи информации и редактора из цепочки нарративных производителей, маркирован при помощи подписи с указанием должности автора статьи (Marcel Fratzscher, der Präsident des Deutschen Instituts für Wirtschaftsforschung – Марсель Фрацшер, президент немецкого института экономических исследований), что помещает ее в фокус читательского внимания. Кроме того, в некоторых текстовых пассажах эксплицитно показано, что редакция газеты дистанцируется от слов повествователя, переданных в форме прямой или косвенной речи:

Die F.A.Z. liegt falsch mit der Behauptung, dass die Ungleichheit der verfügbaren Einkommen, also nach Steuern und Transfers, „im internationalen Vergleich relativ klein bleibt“ [7]. – Газета «Франкфуртер Альгемайне» не согласна с утверждением о том, что неравенство доходов после уплаты налогов и сборов «по сравнению с другими странами остается незначительным».

Die F.A.Z. kontert mit dem Argument, der Staat gleiche das doch aus und verteile sehr viel mehr als andere Länder über Steuern und Transferleistungen um [7]. – Газета «Франкфуртер Альгемайне» не согласна с аргументом, что государство пытается выровнять неравенство доходов и более интенсивно, чем другие страны, перераспределяет средства через систему налогов и сборов.

В последнем случае высказывание в форме косвенной речи, источником которого является субъект повествования, снабжено в электронной версии газеты гиперссылкой, отсылающей на сайт института, где работает данный эксперт, что еще более закрепляет в сознании реципиента связь высказанной точки зрения с личностным мнением эксперта.

Элиминирование редактирования возможно также в жанре эссе, который существует также по большей части в форме одноклассового нарратива в разделе «Фельетон». Например, в статье “Bei Gott, was haben wir getan?” (Видит Бог, что мы сотворили?) [8] повествуется об открытии выставки живописи эпохи барокко в Мангейме. Автором здесь является редактор раздела «Фельетон» Т. Шпекелсен. Таким образом, позиции редактора и журналиста в данном случае совпадают, при этом эксплицируется позиция коллективного субъекта с использованием комбинации высказываний от первого и третьего лица, т.е. редакции, сотрудником которой является автор статьи. На паралингвистическом уровне об этом сигнализирует помещение материала в раздел «Фельетон», ограниченный свертыванием от других нарративов с совокупностью компонентов цепочки акторов: «заказчик» информации – редактор – журналист – источник информации – журналист – редактор.

В газетной статье, включающей несколько микронарративов о различных событиях, как правило, в силу краткости сообщений имеет место элиминирование журналистских оценок, а события освещены непосредственно со слов источника информации, в большинстве случаев крупного информационного агентства. Это часто выносится в заголовок статьи при одновременном маркировании автора с помощью короткого знака-номинанта информационного агентства (например, статья “Dra-Nachrichtenüberblick Politik” (Обзор политических новостей агентства ДПА) [6]). Что касается паралингвистических маркеров присутствия различных продуцентов речи из описанной выше цепочки, то данные тексты в большинстве случаев локализованы в разделах «Политика» и «Экономика», что свидетельствует о наличии в них редакторского вмешательства, в том числе и в форме селекции из множества других материалов, предлагаемых информационными агентствами, но не попавшими на страницы того или иного периодического издания вследствие нерелевантности для его читателей (с позиции редакции газеты).

В многотекстовых нарративах, предстающих на страницах СМИ в виде сериальной секвенции о социально-актуальных событиях, чаще всего повествователь манифестируется как социальный субъект, эксплицирующий доминантные ценности социума. Однако возможны исключения, когда в жанре читательских писем или комментариев в блогах предстает точка зрения личностного повествователя, т.е. автора их текста. Такие фрагменты нарратива лингвистически маркированы названием рубрики, к примеру, «Комментарии», «Письма читателей» и т.д. Кроме того, обычно называется полное имя их автора и город, откуда он родом (в отличие от новостей с их авторскими знаками для номинации журналиста или информационного агентства).

Кроме того, журналистская позиция отсутствует в жанре ведущего комментария (Leitglosse), часто входящего в состав сериальной медийной нарративной секвенции. Например, в газете «Франкфуртер Альгемайне» заголовок статей данного жанра маркирован готическим шрифтом, а сам текст располагается традиционно вверху слева газетной полосы разделов «Политика» и «Экономика». Ежедневно редакция газеты на особом совещании определяет, какую тему следует избрать для ведущего комментария, что свидетельствует, на наш взгляд, об экспликации в его рамках позиции коллективного повествовательного субъекта и определенной ограничивает свободу творческой индивидуальности журналиста, избирающего лишь языковые средства, а не обсуждаемые и идеи и ракурс их представления в статье. Так, статья “Schade” (Жаль) [5] составлена именно в рассматриваемом жанре и входит в состав многотекстового нарратива о выборах бундесканцлера. На лингвистическом уровне коллективная позиция повествовательного субъекта

маркирована преобладанием высказываний в третьем лице единственного числа и отдельными конструкциями в форме первого лица множественного числа, а также короткими экспрессивными предложениями:

Das hängt vor allem davon ab, wie im September in Berlin gewählt wird. Wir müssen also noch warten. Mindestens ein ganzes Sommerloch lang. Schade [5]. – Прежде всего, это зависит от того, каким будет исход выборов в сентябре. То есть мы должны ждать. По меньшей мере, все лето. Жаль.

Еще одной лингвистической чертой текстов этого жанра является большое количество конструкций в конъюнктиве, которые автор избирает из этических соображений, стремясь быть политкорректным:

Und die Grünen? Sie hätten ein Problem. Denn sie wüssten nicht, ob auch sie mit einem Kanzlerkandidaten in die Schlacht ziehen sollten [5]. – А зеленые? У них есть одна проблема. Т.к. они не знают, должны ли они выставить собственного кандидата в борьбе за пост канцлера (В русском переводе данное значение не маркировано. – А.М.).

Элиминирование из цепочки продуцентов источника информации происходит чаще всего в жанрах очерка, репортажа и сообщения соборов. Это имеет место в силу того, что данные жанры основываются на непосредственном наблюдении журналистом описываемых событий. На лингвистическом уровне данный факт эксплицирован с помощью отсутствия маркеров источника информации, отличного от повествующего журналиста. В плане паралингвистики для очерка характерно помещение в неотредактируемый раздел «Фельетон», а также фотоприложения. В репортаже, например, в газете «Франкфуртер Альгемайне», имеется заголовок маркированный курсивом и статья помещена слева (в колонке «Мнения») на третьей странице, у материалов соборов особых паралингвистических маркеров рассматриваемого параметра не выявлено.

Подведем итог: Анализ газетных нарративов показал, что возможны элиминации интенций компонентов цепочки продуцентов материалов СМИ, что маркировано как лингвистически, так и паралингвистически (в качественной прессе). Элиминирование позиции «заказчика» информации и редактора осуществляется при этом в жанрах комментария и эссе из раздела «Фельетон» в сериальных или одноклассовых нарративах; журналист как оформляющая структура и ткань текста инстанция элиминирован полностью в читательских письмах в редакцию и в комментариях к статьям в блогах в пространстве сериальных или одноклассовых нарративов, а также в хронике, состоящей из нескольких микронарративов о различных событиях; без источника информации обычно публикуются в СМИ нарративы в жанрах эссе (чаще одноклассовые нарративы), репортажей и сообщений соборов (чаще сериальные нарративы).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Клушина, Н. И. Медиастилистика в антропоцентрической парадигме: новые методы и подходы / Н. И. Клушина // Развитие русскоязычного медиапространства: коммуникационные и этические проблемы. Материалы научно-практической конференции (26–27 апреля 2013 г.). – М.: Издательство АПК и ППРО, 2013. – С. 48–55.
2. Колесова, Д. В. Интенция как базовая категория текстовой деятельности / Д. В. Колесова // Мир русского слова. – 2009. – № 3. – С. 28–31.
3. Матвеева, Г. Г. Основы прагмалингвистики / Г. Г. Матвеева, А. В. Ленец, Е. И. Петрова. – М.: Флинта: Наука, 2013. – 232 с.
4. Формановская, Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – М.: Икар, 2007. – 478 с.
5. Alterbockum, J. Schade / J. Alterbockum // Frankfurter Allgemeine 10.07.2011. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/politik/glosse-politik-schade-11955.html>
6. Dpa-Nachrichtenüberblick Politik // Frankfurter Rundschau 27.04.2015. – Режим доступа: <http://www.fr-online.de/newsticker/dpa-nachrichtenueberblick-politik,26577320,30525340.html>
7. Fratzscher, M. Ungleichheit und die soziale Marktwirtschaft / M. Fratzscher // Frankfurter Allgemeine 29.09.2016. – Режим доступа: <http://www.faz.net/aktuell/wirtschaft/arm-und-reich/standpunkt-soziale-marktwirtschaft-im-sinne-erhards-14457853.html>
8. Spreckelsen, T. Bei Gott, was haben wir getan? / T. Spreckelsen // Frankfurter Allgemeine 13.09.2016. – Режим доступа: http://www.faz.net/aktuell/feuilleton/kunst/barock-ausstellung-bei-gott-was-haben-wir-getan-14432449.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2

Материал поступил в редакцию 09.02.17.

ELIMINATION OF INTENSIONAL ELEMENTS OF SUBJECT CHAIN IN NEWSPAPER NARRATIVE: LINGUISTIC AND EXTRALINGUISTIC MARKERS

A.I. Milostivaya, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of Department for Practice and Theory of Translation
North-Caucasus Federal University (Stavropol), Russia

Abstract. The purpose of this article is research of linguistic and extralinguistic markers which signalize about elimination of the intensional elements in producers' chain of newspaper narrative. As a result of the analysis of empirical material the conclusion is drawn that in serial or one-text narrative the intensions elimination of "customer" of information, editor, journalist and information source is possible. Besides, in poly-narrative texts the markers of the journalist's attitude are quite often eliminated.

Keywords: newspaper narrative, intension, subject chain, "customer" of information, editor, journalist, information source.

УДК 80

О РАЗНОВИДНОСТЯХ ДВУЯЗЫЧИЯ

А.К. Нурсейтова, кандидат педагогических наук, доцент
Костанайский государственный университет имени А. Байтурсынова, Казахстан

Аннотация. В современных условиях глобализации экономики и интеграции различных сторон жизни владение двумя и более языками рассматривается как обретение преимущества, и это не вызывает ни у кого сомнения. В статье рассматриваются различные версии о сущности и разновидностях двуязычия как социолингвистического явления. На основе анализа лингвистической литературы делается попытка классификации видов двуязычия с разных точек зрения, что послужит теоретической основой для разработки ключевых проблем формирования многоязычной и, следовательно, поликультурной личности.

Ключевые слова: двуязычие, язык, литература.

Типология двуязычия – один из спорных вопросов билингвистической теории. Терминологическая неупорядоченность, противоречивость здесь большая. Одним и тем же термином некоторые авторы называют одни тип двуязычия, другие авторы – иной. Так, термины *полное* и *частичное двуязычие* у Ю.Д. Дешериева обозначают разную степень распространённости двуязычия среди того или иного населения, а у Ф.П. Филина – разный уровень владения говорящим (говорящими) двумя языками.

Статус социо-лингво-этно-психологического термина двуязычие получило в СССР лишь в 60-е годы. Не случайно поэтому изучение билингвизма в широком смысле привело к появлению таких самостоятельных научных направлений, как социолингвистика, психоллингвистика, этнолингвистика, которые в совокупности представляют собой комплексный подход к изучению двуязычия. И вместе с тем каждое из этих научных направлений (дисциплин) имеет свой определённый объект исследования, свои задачи и цели. Этим, очевидно, объясняется неоднозначность подхода разных учёных к определению двуязычия.

У. Вайнрайх двуязычием называет «практику попеременного пользования двумя языками, а лиц, её осуществляющих, двуязычными» [4]. Это вполне исчерпывающее на первый взгляд определение довольно долго господствовало в теории языковых контактов. Но по мере накопления фактов, изучения языковой действительности, функционирования языков оно было существенно дополнено советскими учёными-лингвистами, социологами, этнографами, психологами, педагогами, многие из которых считают, что двуязычными могут быть не только отдельные лица, но и отдельные социальные общности.

Среди советских лингвистов существует разный подход к определению двуязычия. Так, например, Ю.Д. Дешериев считает, что «двуязычие. предполагает знание в совершенстве как исконного, родного, так и второго языка» [5]. Видный социолингвист В.А. Аврорин считает, что «под подлинным двуязычием с научной точки зрения... следует понимать одинаково свободное активное владение двумя и более языками» [1]. Казанский профессор Э.М. Ахунзянов, творчески развивая теорию двуязычия, предлагает «истинным двуязычием считать такое, которое предполагает равную или приближающуюся к равной степень владения и употребления как в речи, так и в мыслительном процессе двух языков, регулярно взаимодействующих друг с другом в важнейших сферах общественной деятельности» [2]. Чувашский профессор М.М. Михайлов, много и плодотворно работающий в области теории и практики билингвизма, пишет, что «под двуязычием мы понимаем способность отдельного индивидуума, или народа в целом, или его части общаться (добиваться взаимопонимания) на двух языках» [6]. Л.Л. Аюпова считает, что «необходимо различать по меньшей мере две разновидности двуязычия – гетерогенное и гомогенное. Гетерогенное двуязычие представляет собой использование определённым этносоциумом в повседневной жизни двух (и более) генетически разных средств общения (языков или диалектов). Это определение характеризует активное, контактное двуязычие, которое можно назвать билингвизмом с широкими социальными функциями, отражающими двусторонний процесс этноязыкового контактирования» [3].

Относительно владения близкородственными (например, казахским и татарским, русским и белорусским) и неродственными языками (русским и казахским или башкирским и немецким) в условиях республики, очевидно, нужно внести определённое дополнение к определению сущности двуязычия. Использование в повседневной жизни двух близкородственных языков можно назвать гомогенным двуязычием. Гетерогенное и гомогенное двуязычие могут перекрещиваться, особенно в таком многонациональном регионе, как Казахстан.

Поэтому в настоящее время специалисты предлагают различать билингвизм и диглоссию. Под билингвизмом, по-видимому, следует понимать владение двумя разными языками или диалектами, независимо от того, являются они генетически родственными или нет. Под диглоссией понимается в отличие от билингвизма относительно устойчивое языковое состояние, когда в дополнение к диалектам языка существуют генетические родственные языковые образования или стили, обслуживающие литературу. Укажем также и на другое определение термина диглоссия, данное А. Фергусоном: «Термин диглоссия призван обозначать употребление в одном и том же языковом коллективе наряду со стандартным, общепотребительным вариантом языка (общенациональным

или региональным) также отличного от него, более строго нормированного варианта, служащего языком литературы и усваиваемого лишь в школе. Примеры диглоссии – «египетский» арабский и арабский классический, швейцарский немецкий и литературный немецкий и т.п.» [7].

Таким образом, в лингвистической литературе существует множество различных версий о сущности и разновидностях билингвизма как социолингвистического явления. В процессе социального взаимодействия народов, их языкового контакта, являющегося основой билингвизма, создаётся конкретная личность, усваивающая социальные нормы, ценности, характеризующие данное общество и его представителей. Безусловно, двуязычие и тем более многоязычие предоставляет человеку более широкие возможности получения информации, делает интенсивным культурное общение, расширяет его возможности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аврорин, В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка / В.А. Аврорин. – Л., 1975. – С. 140.
2. Ахунзянов, Э.М. Двуязычие и лексико-семантическая интерференция / Э.М. Ахунзянов. – Казань, 2008. – С. 36.
3. Аюпова, Л.Л. Вопросы социолингвистики: типы двуязычия в Башкирии / Л.Л. Аюпова. – Изд-во Уральского университета, 1988. – С. 8.
4. Вайнрайх, У. Языковые контакты / У. Вайнрайх. – Киев, 1979. – С. 22.
5. Дешериев, Ю.Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в советском обществе / Ю.Д. Дешериев. – М., 1986. – С. 325.
6. Михайлов, М.М. Двуязычие и вопросы сопоставительной лингвистики / М.М. Михайлов. – Чебоксары, 2005. – С. 5.
7. Фергусон, А. Двуязычие и диглоссия / А. Фергусон. – М., 2006. – С. 7.

Материал поступил в редакцию 27.02.17.

ON THE BILINGUALISM TYPES

A.K. Nurseitova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
Kostanay State University named after A. Baitursynov, Kazakhstan

***Abstract.** In the age of globalization of economy and integration of various aspects of life, mastery of two and more languages is considered as advantage finding, and it is undoubtedly. In this article, various opinion about nature and types of bilingualism as sociolinguistic phenomenon are considered. Based on the analysis of linguistic literature the attempt of classification of bilingualism types from the different points of view is made that will form a theoretical basis for development of key issues of formation of multilingual and, therefore, multicultural personality.*

***Keywords:** bilingualism, language, literature.*

УДК 81-26

СИНТАКСИЧЕСКОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «РЕЛИГИОЗНОСТЬ» В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ Н.С. ЛЕСКОВА

Ф.Н. Сулейманова, кандидат филологических наук
Дагестанский государственный педагогический университет (Махачкала), Россия

***Аннотация.** В настоящей статье, основанной на анализе художественных текстов русского писателя XIX века Н.С. Лескова, внимание акцентировано на таком качестве личности как религиозность, прослежено проявление ее в языке на синтаксическом уровне. Отмечены синтаксические конструкции, фигуры (деепричастные и сравнительные обороты, антиципация, перифраз и др.), используемые автором для раскрытия своего творческого замысла.*

***Ключевые слова:** глагол, инверсия, иносказание, народный синтаксис, предложение, уточняющая конструкция, бог, религиозность, священное писание, художественное произведение.*

Одна из важных характеристик творчества Н.С. Лескова, отмечаемая всеми исследователями стиля писателя, – это религиозность. Как следовало ожидать, данное качество проявляется на всех языковых уровнях, и, по нашему мнению, наиболее четко оно просматривается именно на синтаксическом уровне. Лесковский синтаксис весьма любопытен и оригинален. В некоторых предложениях автор достигает усиления повтором одних и тех же лексем [5, с. 99]: *Он Христа в его же церкви да его же кровью затопит!* («На краю света»). Произведения мастера наполнены отрывками из священных писаний: ... *и есть в том тайна господня творения, разделяющая мужской пол и женский, а человеку нечего над тем ... умствовать, ибо недаром мудрейший (царь Соломон) глаголет в Екклесиасте: «Не мудрися излишне, да некогда изумишися»* («Заячий ремиз»); нередки и высказывания по-церковнославянски, например, в «Повести о богоугодном дровоколе»: *Авво, господа ради помолися о нас, да пошлет нам господь свою милость и да будет сегодня дождь на земле* и др.

Будучи человеком насквозь русским и от корней своих религиозным, Н.С. Лесков, естественно, прекрасно владел народной речью, знал устное народное творчество. Из русского фольклора он черпал не только устойчивые выражения, но и строил аналогичные предложения, пользуясь подобными конструкциями, писатель наполняет их религиозным содержанием. Так, на вопрос *ты чей?* исцелившийся от страшного недуга Фотей отвечает рифмой: *Я ничей, а божий, обшит рабьей кожей, а живу под рогожей* (Несмертельный Голован). Необычные сравнительные обороты, частые в народном синтаксисе и священных писаниях, также составляют особый колорит идиостиля автора: *Дядя встал и сверкнул глазами, ... в это же время между ним и лакеем встал ...* (специально нанятый) *Рябыка: левой рукой, как-то одним щипком, как цыпленка, он отшивырнул слугу, а правую посадил на место дядю* («Чертогон»); *Это все потомство отца Захарии, которого бог благословил яко Иакова, а жену его умножил яко Рахиль* («Соборяне») – по ветхозаветным преданиям у родоначальника израильского народа Иакова (Израиля) было 12 сыновей, в том числе от второй жены Рахили – двое.

В сложном предложении у Николая Семеновича можно обнаружить односоставные предложения с глаголом I лица единственного числа в роли главного члена, причем в этом же суждении могут быть представлены и одновременные глаголы: *Вижу, из ресторана много прислуги высыпало ..., и все перед дядю ... в три погубели гнутся, а он из коляски не шевелится и велел позвать хозяина* («Чертогон»); популярны безличные конструкции, где различные «формы самых разных глаголов, по-народному выразительных и ясных», выступают главными членами предложения [3, с. 48]: *Она с сердец то выругает Григорья «сопатым», то в дверь пуньки рукой, ..., стукнет, – а все нет того, чего ей ждётся* («Житие одной бабы») и др.

К синтаксическим особенностям стиля писателя с религиозной точки зрения относится и то, каким образом им изображаются церковнослужители. Он использует конструкцию с функцией характеристики: уточняющий компонент определяет уточняемое по признакам возраста, пола, физического и эмоционального состояния и проч., т.е. характеризует не зависящие от субъективного восприятия рассказчика качества определяемого. При этом между частями конструкции устанавливаются смысловые отношения идентичности [1, с. 16]: *Нас было семь человек, восьмой наш хозяин, тогда уже ... престарелый архиепископ, больной и немощный* («На краю света»). Любопытно и поведение полкового батюшки, человека доброго и принимавшего участие во всех полковых интересах, но все выразившего всегда без слов... («Интересные мужчины») – только неясно, насколько возможно молча принимать участие в чем-либо; *А и страшно, и словно благодать какая в душе* («Пигмей») – чиновник помог иностранцу избежать телесного наказания, потому что тот был невиновен.

В текстах Н. Лескова также широко представлены конструкции с антиципацией, где местоимение выступает в роли уточняемого (подлежащего), а следующее за ним несогласованное определение выполняет функцию уточняющего члена предложения: *Он ли, который сам создал ухо, ... он ли задремлет, он ли уснет, он ли не сделает, что просит голос стольких растроганных душ...* («Интересные мужчины») – как видим, сочетание слов «он ли» повторяется четыре раза, чем достигается эффект усиления. В следующих обращениях прямо

о боге не говорится (используется перифраз), хотя по смыслу суждения это становится ясным: *Незримый, живущий за пределами нашего взора! ... я отдам мою жизнь за друзей, но мой дух я возвращу тебе чистым!* («Аскалонский злодей») – писатель будто хочет напомнить о том, что мы все – создания божьи, и «Он» слышит нас в тяжелые минуты; *Но ты (читатель) ... обдумай – с кем ты выбираешь быть: с законниками ли разноглагольного закона (ворами и грешниками) или с тем, который дал тебе «глаголы вечной жизни»...* («Под Рождество обидели») – право выбора есть у каждого.

У автора часты иносказания, инверсия: *Ведь у нас «борьба наша не с плотию ..., а с тьмою века, – с духами злобы, живущими на земле»* – с людьми, творящими несправедливость («Томление духа»); некоторые предложения осложнены церковнославянскими деепричастными оборотами: *И все это в простоте и смирении – бога почитаючи и не огорчая мир ...* («Отборное зерно») – нажив богатство, лоцман все еще помнит о боге.

Таково, на наш взгляд, синтаксическое оформление понятия «религиозность» в художественных произведениях Н.С. Лескова, но следует отметить, что представленный материал далеко не полностью отражает всего своеобразия синтаксиса писателя и всей неоднозначности религиозности данного автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ахмедханова, М.Д. Уточняющие конструкции, их типы и стилистические функции в прозе Н.С. Лескова. Дисс. канд. филол. наук / М.Д. Ахмедханова. – Махачкала, 1998.
2. Лесков, Н.С. Сочинения. В трех томах / Н.С. Лесков / Сост. В. Туниманов. – М.: Худ. лит-ра. 1988.
3. Майорова, О.Е. Особенности стиля рассказов-воспоминаний Н.С. Лескова / О.Е. Майорова // Русская речь. – 1981. – №1. – С. 48.
4. Махмудова, С. Отражение мировоззрения писателя в его идиостиле / С. Махмудова. – Материалы Всероссийского конкурса «Учитель будущего», Махачкала, 2016.
5. Сулейманова, Ф.Н., Геллер, Э.С. Языковые формы «неоднозначной» религиозности Н.С. Лескова / Ф.Н. Сулейманова, Э.С. Геллер // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. – 2009. – № 1. – С. 96-100.

Материал поступил в редакцию 08.02.17.

SYNTACTIC STYLE OF RELIGIOSITY NOTION IN THE LITERARY TEXTS BY N.S. LESKOV

F.N. Suleymanova, Candidate of Philological Sciences
Dagestan State Pedagogical University (Makhachkala), Russia

Abstract. *In this article based on the analysis of literary texts by N.S. Leskov, the Russian writer of the 19th century, the attention is focused on such personality characteristic as devoutness; its manifestation in language at the syntactic level is considered. The syntactic constructions, figures (verbal adverb phrases and comparative expressions, anticipation, periphrasis etc.) used by the author for disclosure of own creative concept are noted.*

Keywords: *verb, inverted order of words, allusion, national syntax, sentence, specifying construction, god, devoutness, sacred writing, fiction.*

УДК 80

ТЕНДЕНЦИЯ ОСВОЕНИЯ ЗАИМСТВОВАННОЙ ЛЕКСИКИ ПО ЭКОНОМИКЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

У Яньшань, магистрант
Санкт-Петербургский государственный университет, Россия

***Аннотация.** Массовые заимствования приводят к обогащению русского языка словами, отражающими новые реалии. Хотя русский язык по уровню заимствования относится к языкам с умеренной открытостью, однако заимствование остается спорным вопросом в языке-реципиенте. Безусловно, в настоящее время заимствованная лексика, отражающая реалии и понятия экономической жизни стран, в подавляющих случаях переходит в русский лексический запас. В статье на фоне современных русских СМИ рассмотрены особенности семантики и функционирования заимствованной лексики в области экономики.*

***Ключевые слова:** заимствование, экономика, изменчивость, динамичность, подвижность, эквивалентность, безэквивалентность, язык СМИ.*

Нет ни одного языка, в котором не было бы заимствований, поэтому неудивительно, что в настоящее время в русском языке наблюдается тенденция – активно появляется заимствованная лексика, обозначающая новые предметы, новые объекты действительности.

Безусловно, заимствованное слово, как средство пополнения русского лексического запаса, – это уже неизбежное явление в лексике языка-реципиента. Однако на сегодняшний день сосуществуют полярные точки зрения на заимствование. Отметим, что на протяжении всей истории русского языка в осмыслении заимствований сталкивались крайние точки зрения: с одной стороны, полное признание абсолютной необходимости заимствований для функционирования языка и, с другой стороны, отрицание этого процесса, рассматриваемого как угрозу для уникальности русского языка. Впоследствии от них нужно очистить русский язык.

Хотя заимствование – это спорный вопрос в русском языке, однако, отметим, что активно проникают слова из английского языка в XX в. и в XXI в. Англицизмы и американизмы в настоящее время значительно преобладают в количественном отношении над другими неологизмами (иноязычными словами). Как известно, распространение глобализации по всему миру оказало сильное влияние на разные области. Особенно в России в 90-е годы начался переход от административно-командной экономики к рыночным отношениям. Новые рыночные отношения требуют от России новых элементов в разных областях. Впоследствии слово, как лексическое отражение этого перехода, заимствуемое из английского языка, по определённому принципу словообразования, постепенно проникает в различные сферы человеческой деятельности – от политики до развлечений и быта. Безусловно, эти заимствованные слова не всегда из английского языка, а, например, из французского, японского и т.п. Однако следует обратить внимание на то, что заимствованная лексика, отражающая реалии и понятия экономической жизни стран, в подавляющих случаях переходят в русский лексический запас.

Отметим, заимствованному слову присущи такие качества, как изменчивость, динамичность и подвижность. Вместе с этим, эти качества интенсивно проявляются в особенности семантики заимствования на тему экономики. И особенно заметны переходные явления, происходящие в сфере новой заимствованной лексики. Например, тендер: лексема пришла из английского языка (*tender*). Слово «тендер» означает: 1) особой конструкции вагон, прицепляемый непосредственно к паровозу; предназначен для запасов воды и топлива, а также смазочных, обтирочных материалов и инструментов; 2) небольшая одномачтовая парусная спортивная яхта с косыми парусами; плоскодонное моторное судно (катерного типа) для внутриводных перевозок [4]. Следует отметить, что, хотя в словаре были зафиксированы вышеуказанные значения, но на самом деле, в современной русской прессе часто употребляют слово «тендер» в области экономики. Например: «По материалам дела, во время ремонта теплосетей коммерсанты, выигравшие городской тендер, использовали бывшие в употреблении или забракованные трубы, но счета выставлялись как за новый металлопрокат» [2]. Итак, можно предположить, что в настоящее время «тендер» в современных русских СМИ часто употребляется в области экономики в значении «конкурентная форма отбора предложений на поставку товаров, оказание услуг или выполнение работ по заранее объявленным в документации условиям в оговоренные сроки на принципах состязательности, справедливости и эффективности».

С течением времени заимствованное слово отталкивается от своих эквивалентов, и развивает новые оттенки значения. И безэквивалентность помогает заимствованию закрепиться в системе русского языка. Итак, заимствование освобождается от избыточности и обладает необходимостью для номинации нового явления. Наконец, подобно тому, как закрепляется в сознании носителей языка новое, уточнённое понятие, закрепляется в системе заимствующего языка иноязычное слово, получая своё, строго индивидуальное значение [3]. Например, заимствованные слова на тему экономики: бестселлер, бизнес, бизнесмен, босс, менеджер, менеджмент, траст, промоутер, мерчандайзинг, дефолт и пр.

Большое значение для функционирования заимствованной лексики в области экономики имеют его синтагматические, т.е. сочетаемостные, связи. В современных русских СМИ строго очерчена или, наоборот, расширена семантика заимствования экономических терминов. Например, маркетинг. Эта заимствованная лексема пришла из английского языка (marketing). В русском языке имеется эквивалент – рынок. Но в определённой экономической ситуации в современной русской прессе используют только слово «маркетинг», и не трудно заметить, что слово «маркетинг» часто употребляется вместе с названием фирмы.

Заимствованное слово «траст»: это слово пришло из английского языка (trust). В русском языке имеется эквивалент – договор. Однако, отметим, что в современной русской прессе, особенно в области экономики (банк), можно часто увидеть словосочетание – «слепой траст». «Митт Ромни, который был кандидатом в президенты США на выборах 2012 года, например, говорил, что в случае победы переведет все свои активы в «слепой траст» [1]. И «слепой траст» означает вид траста, доверительного управления активами. Бенефициар слепого траста не может определять его инвестиционную политику, получать какую-либо информацию об инвестициях, кроме отчета о прибыли или убытках один раз в год. Управляющий не может быть аффилирован с бенефициаром, в том числе вести с ним совместный бизнес. Передача активов в слепой траст – обычная практика у чиновников развитых стран Запада.

Заимствуемое слово неизбежно занимает то или иное место в стилистической палитре русского языка, получает статус определённого стилистического (в широком смысле) средства: осмысливается как книжное слово, термин, профессионализм, бытовизм и т.п.

Именно в новом, переносном значении заимствованное слово оказалось коммуникативно индивидуальным и актуальным. Кроме того, с помощью динамичности семантики экономическое заимствование стало закрепляться в центре русского языка вместо русских эквивалентов, т.е. с периферии лексической системы к центру. На русской почве процесс пополнения лексики на тему экономики за счёт иноязычных средств обладает интернациональным характером. Поэтому адаптация такой лексики – это уже видная тенденция в русской лексике языка-реципиента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. “РИА Новоти” 09.11.2016 “Капитал-шоу: как устроена бизнес-империя Дональда Трампа”.
2. “РИА Новости” 16.11.2016 “Фигуранты "трубного дела" в Петербурге получили условные сроки и штрафы”.
3. Маринова, Е.В. Иноязычная лексика современного русского языка / Е.В. Маринова. – С. 70.
4. Новый словарь иностранных слов. – 2008. – 638 с.

Материал поступил в редакцию 07.03.17.

TENDENCY OF ASSIMILATION OF BORROWED ECONOMY LEXIS IN MODERN RUSSIAN

Wu Yanshan, Master's Degree Student
Saint Petersburg State University, Russia

Abstract. Mass borrowings lead to enrichment of the Russian language with words reflecting new realities. Though Russian according to the borrowing level relates to languages with moderate openness, however borrowing remains a controversial issue in language-recipient. Certainly, the borrowed lexis reflecting realities and concepts of economic life of the countries now overwhelmingly passes into the Russian vocabulary. In this article against the modern Russian media features of semantics and functioning of the borrowed lexis in the economy field are considered.

Keywords: borrowing, economy, variability, dynamism, mobility, equivalence, nonequivalence, media language.

УДК 81-2

ПЕЧОРСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ НА ФОНЕ ОБЩЕРУССКИХ: КОНСТРУКТИВНЫЕ ОТЛИЧИЯ

И.С. Урманчеева, кандидат филологических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина», Россия

***Аннотация.** Статья посвящена анализу разного рода конструктивных отличий общерусских фразеологизмов и устойчивых оборотов говоров Низовой Печоры идентичной семантики и образности. Высказываются предположения об имплицитном и эксплицитном способах образования фразеологических единиц.*

***Ключевые слова:** фразеологическая вариантность, говоры Низовой Печоры, имплицитность и эксплицитность фразеологизмов.*

Фразеологизмы отдельных говоров выступают в качестве вариантов общенародных устойчивых оборотов. При этом между диалектным и общерусским фразеологизмами наблюдается фонетическая, словообразовательная, морфологическая, лексическая, семантическая и конструктивная вариантность [7].

Конструктивные отличия могут включать как собственно структурные, синтаксические несоответствия (соотношение личных и безличных, действительных и страдательных конструкций), так и разного рода отличия в полноте компонентного состава (наличие / отсутствие частицы *не*, союзов, предлогов, полнозначных слов-компонентов и даже целых частей фразеологизмов) [см. 3, с. 180-181].

Рассмотрим фразеологизмы, которые соотносятся друг с другом как полная и сокращенная разновидности. По наблюдениям ученых, чаще всего эллипсису подвергается вторая часть фразеологизма. В таких фразеологических единицах первая часть заключает образ пословицы, а вторая – расшифровку образа. Фразеологизм сохраняет более экспрессивную и образную часть, а расшифровка образа постепенно становится излишней [5, с. 118]. Однако сокращения могут быть частичными, касаться первой части фразеологизма. Почти во всех случаях сокращение фразеологизма сопровождается также изменением его структуры [9, с. 113]. Обычно полная и сокращенная разновидности устойчивого оборота соотносятся как пословица и поговорка или как пословица и собственно фразеологизм (идиома). Именно так понимал поговорку В.И. Даль, отмечая, что «это одна первая половина пословицы» [2, с. 13-14].

Хорошо известна консервирующая роль диалектов в сохранении утраченных литературным языком лингвистических фактов. В говорах Низовой Печоры сохранились фразеологические единицы (часто – пословицы), которые в литературном языке известны только в сокращенном варианте. Вполне вероятно, однако, процесс не сокращения (импликации), а наращивания (экспликации) фразеологизма в результате окказионально-диалектного речевого употребления. В статье подобные примеры рассмотрены недифференцированно, без установления первоначального облика устойчивого оборота, если это не представляется возможным. Сделать вывод о первичности-вторичности полного / сокращенного варианта фразеологизма возможно только при диахроническом и синхронном сопоставлении всего корпуса общерусских устойчивых выражений с фразеологизмами, сохранившимися на той или иной территории. Делать такие выводы при сравнении общерусских фразеологизмов с оборотами одного говора (даже не узколокальными) неправомерно. По мнению В.М. Мокиенко, примеры диахронического анализа показывают, что недооценка эксплицитности особенно характерна для анализа пословиц и фразеологических единиц. Частичность фразеологизма не всегда может пониматься как результат имплицитирования пословицы. Фразеологическая единица в пословице нередко является устойчивым структурным и семантическим стержнем, на который «нанализывается» переменный контекст [5, с. 151].

В статье рассмотрим разные варианты соотношения полноструктурных (печорских) и неполноструктурных (общерусских) фразеологических единиц.

1. Как известно, пословица характеризуется художественной оформленностью (ритмичностью, параллелизмом частей, использованием звуковых повторов, в том числе рифмы) [4, с. 327]. Народная речь часто прибегает к такой фигуре, как **рифмовка**, особенно в разного рода устойчивых оборотах и малых фольклорных жанрах. Многие анализируемые фразеологические единицы говоров Низовой Печоры построены по этому принципу и тем отличаются от фразеологизмов литературного языка. Рифмованных фразеологических единиц, варьируемых с общерусскими неполноструктурными вариантами, в говорах Низовой Печоры довольно много

(что бог послал, то и на стол настлал; тянуть ляжку, пока не выроют ямку; с лёгким паром, с тяжёлым угаром; где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь и др.). Их подробному анализу посвящена другая статья автора. Здесь рассмотрим лишь один пример.

В порядке. Вторая часть печорской поговорки *всё в порядке: носки и пятки* [8, I, с. 149] не вносит в поговорку дополнительного смысла, помогающего понять ее содержание. Шутливое дополнение служит для эвфонической организации фразы благодаря паронимии – сближению слов по созвучию – и рифмовке (*порядке – пятки*). Паронимия здесь используется как прием балагурства, служа неисчерпаемым источником звуко-смысловой игры слов [6, с. 539].

2. Помимо ритмико-рифменных фразеологических единиц, в говорах Низовой Печоры употребляются такие устойчивые полноструктурные обороты, при построении которых не применялась рифмовка, но использовались другие приемы, придающие определенный ритм пословично-поговорочным выражениям: лексико-синтаксический параллелизм, антитеза, градация и другие. Подобных фразеологических единиц также немало в говорах Низовой Печоры (*на сердитых воду возят, на горячих хлеб пекут; сам не свой, половина дьявола; хозяин – барин, хочет – живёт, хочет – подавится* и др.), поэтому подробному их анализу тоже посвящена отдельная статья.

Что от козла молока. В говорах Низовой Печоры фразеологическая единица расширяется конструктивно идентичным, построенным по принципу лексико-синтаксического параллелизма продолжением: *что от козла молока, что от ястреба мяса* [8, II, с. 394]. Синтаксический параллелизм поддерживается образным: обе части реализуют семантику ничтожности, бесполезности. Почему в параллельных конструкциях употребляются столь разные наименования животных (*козёл* – домашнее животное, *ястреб* – дикая птица, причем не самая распространенная на Севере), – не совсем понятно.

3. При сравнении общерусских фразеологических единиц и устойчивых оборотов говоров Низовой Печоры обнаруживаются такие выражения, которые помимо второй части оборота, отсутствующей в литературном языке, имеют отличия в первой части.

Эти несоответствия, наблюдаемые в совпадающей части фразеологических единиц, проявляются в ином порядке расположения компонентов (*стыда нет в глазах* – *<первое счастье>* [8, II, с. 317] – ср. общерус. *нет стыда в глазах*), морфологических отличиях (*остёр на язык, а к делу не привык* [8, II, с. 145] – ср. общерус. *острый язык*), лексических несоответствиях (*ласковое дитя две матки сосёт, а постылое ни одной не видит* [8, I, с. 377] – ср. общерус. *ласковое теля две матки сосёт*). Первая часть полноструктурного выражения в печорских говорах тоже может быть расширенной за счет глагольного компонента: *во рту каша варится, а в носу мухи чепутся* [8, I, с. 105] (ср. общерус. *каша во рту*); *не найти ни днём с огнём, ни вечером с лучиной* (ср. общерус. *днём с огнём*). Антитегические конструкции печорских пословиц повышают экспрессивность выражения, существенно не меняя смысла.

4. Сопоставляемые общерусские и печорские варианты фразеологических единиц не всегда отличаются самостоятельными синтаксическими конструкциями, которые особым образом организуют устойчивое выражение благодаря антитезе, градации, синтаксическому параллелизму, рифме. Полный (диалектный) и краткий (литературный) варианты фразеологической единицы иногда отличаются лишь отдельными компонентами, которые дополняют оборот. С точки зрения первичности-вторичности полной и краткой версий эти обороты могут быть различны. Во-первых, может наблюдаться «сжатие» фразеологической единицы, ее сокращение. «В процессе утраты компонентов фразеологизма происходит все большее затемнение его внутренней формы, утрачиваются последние «намёки» на первоначальную мотивировку» [5, с. 120]. Во-вторых, может происходить обратный процесс «развертывания» контекста. «Вклинивание» является средством повышения экспрессивности фразеологизмов при сохранении общего фразеологического значения [5, с. 149].

Как с гуся вода. В говорах Низовой Печоры сохранилась пословица *как с гуся вода* *небывалые слова* [8, I, с. 330], которую нельзя назвать узколокальной. По мнению ряда ученых, фразеологизм возник в результате эллипсиса этой пословицы или других фольклорных формул, например заклинания, произносимого знахаркой над больным: *с гуся вода, а с нашего мальчика – худоба*. Более древний характер краткого варианта позволяет другим исследователям отказаться от версии о редукции фольклорных формул и предположить обратное развитие фразеологического образа: от простого, естественного и конкретного образа гуся, с которого легко скатывается вода (из-за особой жировой смазки оперенья) к более сложным ассоциациям, то есть развертыванию образа и включению его в знахарские формулы, пословицы и поговорки [см. библиографию в I, с. 172-173].

Хлебнуть горя. В говорах Низовой Печоры встречается развернутый вариант *хлебнуть горя <без края и лиха>* [8, II, с. 363], не зафиксированный словарями пословиц и поговорок. Факультативный компонент *без края* развивает гастрономическую метафору *горя*, уподобленного горькому питью. Синонимичный компонент *лиха*, имеющий архаичный оттенок, повышает экспрессивность фраземы.

Ноги в руки. В говорах Низовой Печоры этот общерусский фразеологизм выступает в качестве факультативного элемента печорского оборота *<ноги в руки и> дуй не стой* [8, II, с. 123], благодаря императивной форме глагола имеющего синтаксически завершённый вид.

Не дай бог. Экспрессивность фразеологизма в говорах Низовой Печоры повышается компонентом, ограничивающим его адресную направленность: *не дай бог никому крещеному* [8, II, с. 81]. Благодаря дополнительному компоненту проясняется внутренняя форма фразеологизма, в котором компонент *бог* явно занимает позицию обращения: просьба адресована именно христианскому Богу, способному помочь тому, кто в него верит.

5. Далее рассмотрим такие конструктивные варианты, которые соотносятся не как полная и краткая версии, а как выражения, совпадающие по количеству частей, но отличающиеся качеством (компонентным составом, грамматическими особенностями, порядком слов) второй части.

В говорах Низовой Печоры встречаются пословицы, которые отличаются от общеизвестных выражений менее гармоничной организацией, не основанной на ритме и рифме – ключевых гармонизирующих послловицу приемах, выполняющих мнемоническую функцию. Например, *любовь не картошка – не рассадишь по грядкам* [8, I, с. 390] (ср. *любовь не картошка <не выбросишь в окошко>*); *любишь кататься – саночки волочи* [8, I, с. 390] (ср. *любишь кататься, люби и саночки возить*); *не сделай добра – и врага не наживёшь* [8, II, с. 96] (ср. *не делай людям добро, не получишь от них зла*). Ритмико-рифмические особенности пословицы могут сохраниться при трансформации второй части: *взялся за гуж, так будь дюж / взялся за гуж, не говори, что дюж* [8, I, с. 131] (ср. общерус. *взялся за гуж, не говори, что не дюж*).

С точки зрения распространенности анализируемых оборотов можно отметить такие, которые встречаются и на других территориях, что подтверждается лексикографически (*ни кола, ни двора, ни милого живота; ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса*), и обороты, не представленные в паремиологических словарях, что может быть свидетельством локальной ограниченности выражения (*что бог послал, то и на стол настлал; где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь; язык без кости, мелет напрости*). Процесс эллипсизации (импликации) народного выражения во многих случаях считается практически доказанным, в других случаях могло происходить расширение, наращение конструкции (экспликация).

Как отмечает В.М. Мокиенко, «при решении вопроса об имплицитном или эксплицитном способе образования фразеологических единиц необходимо принимать во внимание широту распространения оборота или фразеологической модели» [5, с. 153], то есть локальную неограниченность и периферийность. Тем не менее осторожно предположим, что и некоторые конструктивные особенности того или иного оборота в совокупности его диалектных вариантов помогают разобраться в этом вопросе. Рассмотрим признаки, которые косвенно могут свидетельствовать о сокращении фразеологической единицы или, напротив, о ее развертывании. Во всех случаях в качестве примеров приводим только фразеологические единицы, зафиксированные на территории распространения печорских говоров.

1. Имплицитный способ образования (сокращение, усечение):

- синтаксическая неполнота краткого варианта конструкции, заключающаяся в том, что первая часть представляет собой придаточное предложение, смысл которого становится полностью понятным лишь на фоне полноструктурного варианта (*что бог послал, то и на стол настлал; кто во что горазд, тот тем и промышляет*);

- идиоматичность первой части, обладающей непрозрачной внутренней формой, утратившей образность, которая восстанавливается только при рассмотрении полноструктурной версии (*губа не дура, язык не лопата – знают, что горько, что сладко; чудеса в решете: дыр много, а выскочить некуда; сам не свой, половина дьявола*).

2. Эксплицитный способ образования (наращение):

- широкая варьируемость второй части, невозможность вычленить основной вариант продолжения фразеологической единицы (*не по Сеньке шапка, не по Фоме колпак* (ср. непечорские варианты *по Сеньке и шапка, по Ярмолке колпак; по Сеньке и шапка, по Ерёме кафтан; по Сеньке шапка, по Ерёмке колпак, а по Ивашке – и рубашки; по Сеньке шапка, по Ермошке колпак (кафтан); по Сеньке шапка, по Малашке шлык*); *с лица воду не пить, а ума не купить (нам с лица не воду пить, и с корявой можно жить; с лица воду не пить, можно и с рябою жить; с лица не воду пить, можно с некрасивой жить; с лица не воду пить, а с человеком жить; с лица воду не пить, а разума не купишь; с лица не воду пить, умела бы пироги печь*);

- непротиворечивость семантики двух частей: вторая часть лишь дополняет, поясняет первую, не вносит ничего нового или является равноценной ей по семантике (*ни рыба ни мясо, ни кафтан ни ряса; что от козла молока, что от ястреба мяса; где сядешь, там и слезешь, никуда не уедешь; в голове вертится, а на язык не попадает*);

- комичность семантики присоединяемой части, ее явная нацеленность на каламбурный, игровой эффект (*покойной ночи, спать до полночи, а с полночи кирпичи ворочать; говорят, что кур доят, коров на яйца сажают; на сердитых воду возят, на горячих хлеб пекут; ни тпру, ни ну, ни кукареку*).

Еще раз подчеркнем, что перечисленные признаки могут служить лишь косвенными доказательствами в пользу имплицитного (сокращения) или эксплицитного (расширения) фразеологической единицы. Окончательные выводы можно делать только в результате учета совокупности данных, детального изучения варьируемости выражения в диахроническом и синхронном срезе, ареальной закреплённости. Приведенные признаки импликации / экспликации могут относиться к одной фразеологической единице одновременно, тогда трудно отдать предпочтение одному критерию. Например, фразеологизм *кто во что горазд* представляет собой придаточную часть сложноподчиненного предложения, что является признаком редукции пословицы *кто во что горазд, тот тем и промышляет*. Однако варьирование второй части свидетельствует в пользу наращивания поговорки (экспликации): *кто во что горазд, тот в то и икает; кто во что горазд, тот в то и трубит*.

Необходимость сравнения полных и кратких вариантов фразеологических единиц, функционирующих на разных территориях, не вызывает сомнений. Подобное сопоставление позволяет уточнять историко-этимологические выводы, описывать художественные и образные особенности фразеологических единиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бирих, А.К. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. – М.: Астрель: АСТ: Хранитель, 2007.
2. Даль, В.И. Пословицы русского народа Изд. 3. В 2-х т. / В.И. Даль. – М.: Художественная литература, 1984.
3. Жуков, В.П. Русская фразеология / В.П. Жуков, А.В. Жуков. – М.: Высшая школа, 2006.
4. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010.
5. Мокиенко, В.М. Славянская фразеология / В.М. Мокиенко. – М.: Высшая школа, 1989.
6. Москвин, В.П. Выразительные средства современной русской речи. Тропы и фигуры. Терминологический словарь / В.П. Москвин. – Ростов н/Д.: Феникс, 2007.
7. Урманчеева, И.С. Печорские фразеологизмы на фоне общерусских инвариантов / И.С. Урманчеева // Язык и культура (Новосибирск). – 2014. – № 14. – С. 7-12.
8. Фразеологический словарь русских говоров Нижней Печоры: в 2-х томах / Составитель Н.А. Ставшина. – СПб.: Наука, 2008.
9. Шанский, Н.М. Фразеология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Высшая школа, 1985.

Материал поступил в редакцию 08.02.17.

**PECHORA PHRASEOLOGICAL UNITS COMPARED
WITH THE ALL-RUSSIAN ONES: THE FEATURES OF CONSTRUCTION**

I.S. Urmanceyeva, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Russia

***Abstract.** This article deals with the analysis of various constructive differences between common Russian phraseological units and language chunks of dialects of lower reaches of Pechora with identical semantics and figurativeness. The presumptions about an implicit and explicit ways of formation of phraseological units are given.*

***Keywords:** phraseological variability, dialects of lower reaches of Pechora, implicitness and explicitness of phraseological units.*

Languages of Peoples of the Russian Federation

Языки народов Российской Федерации

УДК 811.554

ТУНГУССКИЕ АНТРОПОНИМЫ В ЯЗЫКЕ ТУНДРОВЫХ ЮКАГИРОВ**С.Н. Курилова**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (Якутск), Россия

***Аннотация.** Данная статья представляет собой один из результатов работы по впервые проводимой в юкагиrowедении аккумуляции иноязычного ономастического материала в языке и культуре тундровых юкагиrow, проживающих на нижней Колыме в Якутии. Языки тунгусов и юкагиrow дополняли друг друга и находились во взаимодействии, что обеспечило их успешное культурное развитие. Под влиянием тунгусских языков пополнился лексический и фонемный состав юкагиrowского языка. Не стали исключением и антропонимические процессы. Статья посвящена описанию и анализу имен собственных, заимствованных тундровыми юкагирами из эвенкийского и эвенского языков. Представлены этимологические и интеграционные особенности выявленных антропонимов.*

***Ключевые слова:** юкагиrowский язык, тундровые юкагиры, тунгусские языки, антропоним, этимология, классификация, ассимиляция, аффикс, вариативность.*

Антропонимическая система тундровых юкагиrow не являлась объектом научного изучения в юкагиrowедении. Многие имена позабыты и утеряны, особенно после проведенной в свое время христианизации народов Севера. По предположениям некоторых исследователей у юкагиrow, возможно, существовала двухкомпонентная антропонимическая система, реконструируемая на основе родовых названий (напр., *Худодил*) и личных имен-прозвищ (напр., *Пураама*) [7: 42-43]. По словам юкагиrowского исследователя и писателя Н.Н. Курилова, ребенок получал два имени – собственно имя и прозвище. Имя давалось после рождения ребенка, и он носил его всю жизнь. Имя, как правило, отражало его психологические или физиологические особенности, поэтому информацию о ребенке собирали, начиная с его первых проявлений в утробе матери и заканчивая его появлением на свет (напр., *Лохнии* ‘выпиравший в животе матери’, *Пэтэкуу* ‘ощущаемый в утробе’, *Аадьэй* ‘останавливающаяся (т.е. долго рождавшаяся)’). В некоторых случаях юкагиры придавали именам надантропонимическое значение, и тогда имена выступали своего рода оберегами от злых духов, сглаза, болезней и неудач. Так, красивого ребенка назовут *Пөмдии* ‘Замарашка’ или *Муомуу* ‘Страшенький’, а долгожданного или любимого – *Ньяарчуу* ‘Плохиш’. Вторым именем выступало прозвище, имеющее в основе корень первого, настоящего имени (напр., имя *Пөмдии* ‘кругленькое (личико)’, прозвище *Пөmdirкаа* ‘нечто кругленькое, а не лицо’). Однако, при этом Курилов отмечает, что в дореволюционное время прозвища давались соответственно чертам характера, физиологическим особенностям или родом деятельности человека, а не от имени [5: 120-121]. Например, *Ладышина* ‘Не спешащая’, *Көндиз* ‘Маленький человечек’, *Айшнаа* ‘Стрелок’.

С началом примерно в XII в. прогрессивного взаимодействия юкагиrow с тунгусскими племенами, мигрировавшими из южных районов Прибайкалья и Забайкалья, активизировались процессы заимствования языкового материала, что коснулось и ономастического пространства. Один из сегментов антропонимии в языке тундровых юкагиrow представлен чуть более двадцати личными именами, заимствованными, преимущественно, из эвенского и реже эвенкийского языков, что говорит о более позднем характере заимствования онимов после формирования эвенов (ламутов) как этноса.

Все выявленные личные имена восходят к собственно антропонимам языка-источника. Однако отдельную группу в существующей тематической классификации заимствований юкагиrowского языка составляют производные антропонимы, ставшие достоянием юкагиrowского языка, будучи именами нарицательными в языке-источнике. Так, от эвенских имен существительных и прилагательных образованы такие юкагиrowские имена как:

эв. аллаих. бэйкэйэ ‘человечище’ [3: 91], эв. берез. бэйкээ ‘большой человек’ [9: 67] от эв. бэй(ы) ‘человек’ > юк. м. *Бэйкэйээ*;

эв. аллаих. чупун’а ‘остроконечный’ [3: 135], эв. берез. чубуня, чупуня ‘торчащий, выступающий, остроконечный; остроносый’ [9: 334] > юк. м., ж. *Чупуньяа*;

эв. хабана ‘безрогий (о старом олене)’ [9: 277] > юк. м. *Хабана*;

эв. кабата ‘плешивый, лысый’ [6: 169], эв. аллаих. кабата [3: 103], эв. берез. кабата ‘плешивый, лысый; комолый, безрогий’ [7: 134] > юк. м. *Хабатаа*.

Тунгусские антропонимы, перешедшие в юкагирский антропонимический сегмент, восходят к нарицательным именам языка-источника. Это могут быть названия животных, как например:

эвк. качикаан ‘щенок; почка, пучок вербы, тальника’ [8: 280], эв. качикан ‘щенок’ [6: 170], эв. аллаих. ж. Качикан от качикан ‘щенок’ [4: 75, 3: 61, 70, 71, 103], эв. берез. качикан ‘щенок; детеныш’ [7: 140] > юк. м. *Качика(а)н*;

эвк. хингэрэкээн, сингэрэкээн ‘мышь; крыса’ [8: 507, 557], эв. хингыркэн ‘ушастая мышь’ [6: 192], эв. аллаих. м. Хингыркэн ‘Мышонок’ от хингыркэн, хингэркэн ‘мышь’ [4: 75, 3: 61, 128], эв. берез. хингэркэн ‘ушастая мышь’ [9: 294] > юк. м. *Хингэркэн*;

эв. ээнкэчэн ‘теленек дикого оленя (до года)’ от ээнкэн ‘теленек домашнего оленя (до шести месяцев)’ [6: 201], эв. н.-кол. м. Энкэчээн [12], аллаих. ээнкэчэн ‘теленек до одного года (дикий олень)’ [3: 138], эв. берез. энкэчэн ‘оленок дикого оленя до года’ [9: 345] > юк. м. *Энкэчэ(э)н*.

Заемствованные юкагирским языком тунгусские антропонимы в языке-источнике могут соотноситься с человеком, частями его тела или особенных черт:

эв. бэй(ы) ‘человек’ [6: 155], эв. аллаих. бэйкэйэ ‘человечище’ [3: 91], эв. берез. бэйкэе ‘большой человек’ от эв. бэй ‘человек’ [9: 67] + эв. эмот. -кэе > юк. м. *Бэйкээ* [11: 56, 5: 99, 136];

эвк. п.-тунг. хеччаан, хеекчаан ‘висок’ [8: 549, 551], эв. аллаих. ж. Хиачин от хиачин ‘щека’ [4: 75, 3: 70, 128], эв. берез. хечэн ‘щека, скула; морщины’ [9: 287] > юк. м., ж. *Хечэн*;

эв. ж. Хээбдэр ‘С бородавкой’ от эв. аллаих. хээбдэр ‘родимое пятно, родинка’ [4: 75, 3: 70, 134], эв. берез. хээбдээр, кэлдэр ‘родинка, родимое пятно’ [9: 158, 316] > юк. м. *Хээбдэр*;

эв. н.-кол. этикэн ‘старик’ [12], эв. этикэн ‘старик; муж’ [6: 200], эв. берез. этикэн ‘старик; муж, хозяин; инос. медведь’ [9: 349] + тунг. умен.-ласк. -чээн. > юк. м. *Этикэчээн*;

Один тунгусский антропоним происходит от названия металла.

эвк. уч.-з. ж. Мэнукчээн ‘Мэнукчэн’ от мэнун ‘золото, серебро’ [8: 387] + тунг. умен.-ласк. -чээн > юк. м. *Мэнукчээн*;

Основой тунгусских онимов в языке-источнике могут выступать имена числительные.

эвк. умукээн ‘один, одна, одно’, эмукэн ‘один’, эмуккээн ‘одинок; одинокий; один-единственек’ [8: 681, 770-771], эв. өмыккэн ‘одинокый’ от өмын ‘один’ [6: 183], эв. н.-кол. м., ж. Умуккэн ‘Одинокий’ от умун ‘один’ [12], эв. аллаих. умэккэн ‘в одиночку’ от умэн ‘один’ [3: 35] > юк. м. *Умуккэ(э)н*;

Результатом межкатегориального перехода являются также разнообразные деадъективные тунгусские личные имена.

эв. н.-кол. ж. Бади от бади ‘ранний’ [12], эв. бадьи ‘ранний’ [6: 151], эв. аллаих. бадьич ‘рано утром’ [3: 89], эв. берез. бади ‘ранний’ [9: 50] > юк. ж. *Бадьи* [5: 136];

эв. н.-кол. м., ж. Кутльэчэн ‘Малюсенький’ от кутльэн ‘маленький (по размеру, возрасту, высоте)’ [12], эв. аллаих. кутлэн, көтлэн ‘маленький’ [3: 105] + тунг. умен.-ласк. -чэн > юк. м., ж. *Кутльэчэн*;

эв. н.-кол. м., ж. Хутавкан от хутаня ‘красный’ [12] от эв. хуланья ‘красный’ [6: 52, 193], эв. аллаих. хутанья ‘красный’ [3: 132], эв. берез. хутаня ‘сверкающий, блестящий’ [9: 314] + тунг. умен.-ласк. -кан > юк. ж. *Хутавкан*;

эв. н.-кол. м., ж. Хунтэчэн от хунтэ ‘другой, иной, чужой’, эв. аллаих., берез. хуунтэ, хөнтэ, хөөнтэ ‘другой, иной; чужой, неизвестный; отличие, различие, разница’ [3: 130, 9: 304] + тунг. умен.-ласк. -чэн > юк. ж. *Хунтэчэн*;

эвк. уч.-з., урм. эгдыгэндее ‘огромный, очень больших размеров’ [8: 755], эв. н.-кол. м., ж. Эгдэндэаа ‘Большущий’ от эгдэн ‘большой’ [12], эв. эгдэн ‘большой’ [6: 199], эв. аллаих. эгдэн ‘большой’ [3: 136], эв. берез. эгденде ‘огромный, массивный, громадный’ [9: 340] > юк. м. *Эгдэндэ(э)*.

В юкагирских контекстах в редких случаях, но обнаруживаются мифоперсонимы из эвенского фольклора – *Буйундэ* из сказки «Умчегин и Буюндя», записанной Х.И. Дуткиным в 1977 г. в Аллаиховском районе Якутии, и *Умчээгэн*, являющийся персонажем эвенских сказок и древних эпических сказаний [1: 663, см. также 10].

эв. буйун ‘дикий олень’ [6: 153]; эв. аллаих. м. Буйундэ от буйун ‘дикий олень’ [3: 90]; эв. оймак. Буйундээ ‘Дикий’ (кличка оленя) от буйун ‘дикий олень’ [2: 71]; эв. берез. м. Буюндэ ‘Буюндя’ от буюн ‘дикий олень; дикий’ (также кличка оленя) [9: 65-66] > юк. м., ж. *Буйундэ(э)*;

эв. Омчэни [6: 48], эв. аллаих. м. Умчээгэн, Умчэни, Омчэни [3: 117] от умэн. өмэн ‘один’ > юк. м. *Умчээгэн*.

По гендерной соотнесенности из тунгусских языков в ономастическое поле тундровых юкагиров попали как мужские, так и женские имена, а также имена, годные для называния лиц обоего пола. Часть тунгусских личных имен сохранили свой гендерный статус – мужскими именами, как и у тунгусов, юкагирами нарекаются мальчики (эв. аллаих. м. Хингыркэн > юк. м. *Хингэркэн*, эв. н.-кол. м. Энкэчээн > юк. м. *Энкэчээн*, эв. аллаих. м. Умчээгэн > юк. м. *Умчээгэн*, эв. н.-кол. м. Этикэчэн > юк. м. *Этикэчээн*), женскими – девочки (эв. н.-кол. ж. Бади > юк. ж. *Бадьи*), обоеполыми – и мальчики, и девочки (эв. н.-кол. м., ж. Кутльэчэн > юк. м., ж. *Кутльэчэн*). Однако с некоторыми тунгусизмами произошла смена гендерной принадлежности в юкагирской культуре. В этом отношении отмечены следующие преобразования:

а) переход тунгусских женских имен в разряд мужских, напр.: эв. аллаих. ж. Качикан > юк. м. *Качикан*, эвк. уч.-з. м. Мэнукчээн > юк. м. *Мэнукчээн* ‘Мэнгучен’, эв. аллаих. ж. Хээбдэр > юк. м. *Хээбдэр*;

б) переход тунгусских мужских или женских имен в разряд обоеполовых, напр: эв. аллаих. м. Буйундэ, эв. берез. м. Буюнъде > юк. м., ж. *Буйундэ*; эв. аллаих. ж. Гиачин > юк. м., ж. *Хечэн*;

в) дифференциация обоеполовых тунгусских имен на мужские или женские, напр.: эв. н.-кол. м., ж. Умуккэн > юк. м. *Умуккэн*, эв. н.-кол. м., ж. Эгдэндэбаа > юк. м. *Эгдэндэбаа*, эв. н.-кол. м., ж. Хунтэчэн > юк. ж. *Хунтэчэн*, эв. н.-кол. м., ж. Хутавкан > юк. ж. *Сутавкан*.

Часть тунгусских имен в языке-источнике могут переходить в зоонимический сегмент в функции кличек домашних животных. Так, эвенские онимы оймьяк. Буйундээ 'Дикий', оймьяк. Өмчэгэ 'Одиночка', н.-кол. Эгдэндэбаа 'Большущий' употребляются как по отношению к людям, так и оленям. Однако в ономастической системе юкагирского языка подобный переход антропонима в зоонимы не находит отражения.

Другой особенностью заимствованных из тунгусских языков антропонимов является их разнообразная формальная вариативность. Так, одному ониму-источнику могут быть характерны более одного фонетико-графического варианта в языке-реципиенте:

– два варианта: *Качикан* ~ *Качикаан*, *Умчээгэн* ~ *Умчээгин*, *Хээвдээр* ~ *Һэбдэр*, *Энкэчэн* ~ *Энкэчээн*;

– три варианта: *Бэйкээ* ~ *Бэйкэйээ* ~ *Бэкку*, *Кутличаан* ~ *Кутльичаан* ~ *Кутльэчэн*, *Умуккаан* ~ *Умуккэн* ~ *Умуккээн*, *Хечэн* ~ *Хечан* ~ *Һечан*;

– пять вариантов: *Эгдэндэбаа* ~ *Эгдэндэбэ* ~ *Эгдэндэбээ* ~ *Эгдээндэбэ* ~ *Эгдэендэбээ*.

Такая вариативность свидетельствует о достаточной фонетико-графической адаптации тунгусских антропонимов в юкагирском языке. Мы можем выделить следующие особенности:

1. Фонетико-графическая адаптация в системе вокализма

а) субституция гласных:

– замещение *e*

e > э: тунг. Бэйкэе > юк. *Бэйкээ*.

– замещение *u*

u > а: тунг. Гиачин > юк. *Хечан*; *u* > э: тунг. Гиачин > юк. *Хечэн*; *u* > ии: тунг. Бади > юк. *Бадьши*.

– замещение э

э > е: тунг. Эгдэндэ > юк. *Эгдэендэбээ*; э > и: тунг. Кутльэчэн > юк. *Кутльичаан*, тунг. Умчээгэн > юк. *Умчээгин*; э > аа: тунг. Кутльэчэн > юк. *Кутльичаан*; э > ээ: тунг. Бэйкэе > юк. *Бээкку*, *Бэйкэйээ*, тунг. Һээбдэр > юк. *Хээвдээр*, тунг. Умэккэн > юк. *Умуккээн*, тунг. Эгдэндэ > тунг. *Эгдээндэбэ*, тунг. Энкэчэн > юк. *Энкэчээн*.

– замещение я

я > э: тунг. Эгдэндэ > юк. *Эгдэендэбэ*.

б) субституция долгих гласных:

– замещение *aa*

aa > а: тунг. кабата > юк. *Хабатаа*, тунг. хабага > юк. *Хабангаа*.

– замещение ээ

ээ > аа: тунг. Умукээн > юк. *Умуккаан*; ээ > э: тунг. Һээбдэр > юк. *Һэбдэр*, тунг. Энкэчэн > юк. *Энкэчээн*, тунг. Эрбэткэн > юк. *Эрбэткэн*.

в) субституция дифтонгов:

ia > е: тунг. Гиачин > юк. *Хечэн*.

г) упрощение гласных:

эе > у: тунг. Бэйкэе > юк. *Бээкку*.

2. Фонетико-графическая адаптация в системе консонантизма

а) субституция согласных:

– замещение *b*

b > в: тунг. Һээбдэр > юк. *Хээвдээр*.

– замещение *d*

d > дь: тунг. бади > юк. *Бадьши*, тунг. Эгдэндэ > юк. *Эгдэендэбэ*.

– замещение *k*

k > кк: тунг. Умукээн > юк. *Умуккээн*; *k* > х: тунг. кабата > юк. *Хабатаа*; *k* > кк: тунг. Бэйкэе > юк. *Бээкку*.

– замещение *h*

h > х: тунг. Гиачин > юк. *Хечэн*, тунг. Хунтэчэн > юк. *Хунтэчэн*, тунг. Һээбдэр > юк. *Хээвдээр*; *h* > с: тунг. Хутавкан > юк. *Сутавкан*.

б) субституция палатализованности согласных непалатализованностью

нь > н: тунг. чупуња > юк. *Чупунаа*.

в) усечение согласных в инлауте:

й > 0: тунг. Бэйкэе > юк. *Бээкку*; *к* > 0: тунг. Мэнукчээн > юк. *Мэнучээн*; *н* > 0: тунг. этикэн > юк. *Этикэчээн*.

Имена собственные являются активными элементами грамматической системы в юкагирском языке. Антропонимы тунгусского происхождения принимают показатели множественного числа (*Умчээгиннэньэн* 'с родными Умчегина'), притяжательности (*Хечанльэ* 'то, принадлежащее Хечану'), падежа (*Кутльэчэнбанэ* вин. 'Кутличэна'), увеличительности (*Энкэчэнтээ* 'Большой Энкэчэн').

Вместе с антропонимами в язык тундровых юкагиров перешли тунгусские, главным образом эвенские аффиксы ласкательности и уменьшительности (-ка(а)н ~ -кэ(э)н, -ча(а)н ~ -чэ(э)н) и эмотивности (-кэе). Часть из них проникли в язык-реципиент вместе с онимом (напр., эв. бэйкэйэ 'человечище' < от эв. бэй(ы) 'человек' + эв. эмот. -кэе > юк. *Бэйкээ ~ Бэйкэйээ ~ Бээкку*), другие – уже с подачи самих носителей (напр., эв. этикэн 'старик; муж' + тунг. умен.-ласк. -чээн. > юк. *Этикэчээн*).

Таким образом, в этимологическом плане выявленные тунгусские онимы в культуре юкагиров тундры функционируют в качестве антропонимов, имеющих происхождение от нарицательных слов языка-источника. Исключение составляет незначительное число онимов, ставших антропонимами уже на почве юкагирского языка от заимствованных эвенских имен существительных и прилагательных. В гендерном плане в юкагирскую культуру проникли как мужские, так и женские имена, однако в отличие от тунгусских культур антропонимы не употребляются в качестве кличек домашних животных. Тунгусизмам характерна формальная вариативность и подчинение фонетическим и грамматическим нормам юкагирского языка.

Сокращения

Аллаих. – аллаиховский говор эвенского языка, берез. – березовский говор эвенского языка, вин. – винительный падеж, ж. – женское имя, м. – мужское имя, н.-кол. – нижеколымский диалект юкагирского языка, оймяк. – оймяконский говор эвенского языка, п.-тунг. – подкаменно-тунгусский диалект, тотем. – тотемное слово, тунг. – тунгусские языки, умен.-ласк. – уменьшительно-ласкательный аффикс, урм. – урмийский говор бурейско-урмийско-амгунского диалекта эвенкийского языка, уч.-з. – учурско-зейский диалект эвенкийского языка, эв. – эвенский язык, эвк. – эвенкийский язык, эмот. – эмотивный аффикс, юк. – язык тундровых юкагиров.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белолобская, В.Г. Космогонические мотивы в фольклоре эвенов / В.Г. Белолобская // Журнал Сибирского Федерального университета. Гуманитарные науки. – Т.6, №5. – 2013. – С. 660-663.
2. Данилова, А.А. Заметки о кличках оленей у эвенов / А.А. Данилова // Вопросы языка и фольклора народностей Севера: сб. научн. тр. – Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. – С. 70-74.
3. Дуткин, Х.И. Аллаиховский говор эвенов Якутии / Х.И. Дуткин. – СПб.: Наука, 1995. – 144 с.
4. Дуткин, Х.И. О личных именах эвенов Аллаиховского района ЯАССР / Х.И. Дуткин // Вопросы языка и фольклора народностей Севера: сб. научн. тр. – Якутск: Якутский филиал СО АН СССР, 1980. – С. 75-76.
5. Курилов, Н.Н. Тидаанэ титэ моннунни (Раньше так говорили): пословицы, загадки, образные выражения, сравнения / Н.Н. Курилов. – Якутск: Дани Алмас, 2007. – 152 с.
6. Лебедев, В.Д. Язык эвенов Якутии / В.Д. Лебедев. – Л.: Наука, 1978. – 207 с.
7. Скорик, П.Я. Антропонимические процессы у малых народностей Севера / П.Я. Скорик // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 39-52.
8. Эвенкийско-русский словарь / сост. А.Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука, 2004. – 798 с.
9. Эвенско-русский словарь / сост. В.А. Роббек, М.Е. Роббек. – Новосибирск: Наука, 2005. – 256 с.
10. Эмчэгэн – эвэнди нымкан / зап. Х.И. Дуткин // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. – Якутск: Якут. филиал СО АН СССР, 1980. – С. 103-117.
11. Юкагирско-русский словарь / сост. Г.Н. Курилов. – Новосибирск: Наука, 2001. – 608 с.
12. Полевые материалы, 2015. Информант У.П. Курилова.

Материал поступил в редакцию 27.02.17.

TUNGUS ANTHROPONYMS IN THE TUNDRA YUKAGHIR LANGUAGE

S.N. Kurilova, Candidate of Philological sciences, Senior Researcher

Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North of the Siberian branch of the RAS (Yakutsk),
Russia

Abstract. *This article represents one of the results of the in the first time carried out in Yukaghir studies accumulation of foreign-language onomastic material in language and culture of the Tundra Yukaghirs living in the lower Kolyma in Yakutia. Languages of Tunguses and Yukaghirs complemented one another and were in interaction that has provided their successful cultural development. Under the influence of the Tungus languages the lexical and phonemic structure of the Yukaghir language was replenished. Also anthroponymic processes were no exception. This article aimed at description and analysis of the proper nouns adopted by Tundra Yukaghirs from the Evenki and Even languages. Etymological and integration features of the revealed anthroponyms are presented.*

Keywords: *Yukaghir language, Tundra Yukaghirs, Tungus languages, anthroponym, etymology, classification, assimilation, affix, variability.*

УДК 81

**ЭККЛЕЗИОНИМЫ ОБЪЕКТОВ ПСКОВСКОЙ ШКОЛЫ
АРХИТЕКТУРЫ. РУССКО-НЕМЕЦКИЙ ГЛОССАРИЙ**
В.Я. Волкова¹, Л.А. Лекарева², И.И. Храпченкова³
^{1, 2} старший преподаватель, ³ кандидат филологических наук, доцент
Псковский государственный университет (ПсковГУ), Россия

***Аннотация.** Псков в Средние века создал свою школу архитектуры. Это более пятидесяти церквей, монастырей и часовен только в границах города. Названия церквей с топонимической атрибутикой составляют глоссарий. Большая часть глоссария – это псковизмы, имеющие местные топонимические маркеры. Глоссарий идентифицирует названия церквей, служит основой для дальнейшего использования в туристической литературе на немецком языке.*

***Ключевые слова:** псковская школа архитектуры, псковизмы, русские реалии на немецком языке.*

Псковская область и город Псков всегда представляли особый интерес для научных работников-исследователей в области археологии, истории, культуры, иконописи, фольклора. Вспоминая Псков, С.В. Ямщиков подчеркивает связь псковской архитектуры с историческим развитием города, выделяет особое своеобразие архитектуры псковских церквей. «Классические памятники псковской архитектуры занимают самостоятельное место в истории средневекового зодчества. Архитектурный облик любой постройки старого Пскова проникнут особым интимным настроением. Псковские мастера умели строить прочно и одновременно красиво и несложно» [Ямщиков, с. 16].

Объекты историко-культурного наследия города являются привлекательными и для туристов. Развитие туристического кластера в регионе связано, в том числе, и с тем, что Псков стал участником Ганзейского союза Нового времени. Хотя город и не входил в состав средневековой Ганзы, он поддерживал тесные торговые отношения с союзом. Ганзейский Союз сегодня объединяет 181 город из 16 стран мира и активно поддерживает развитие торговли и туризма. В 2019 Псков станет вторым российским городом, принимающим гостей Международной Ганзы в России.

Псковский регион выделяется своей яркой историко-культурной самобытностью, особым характером ландшафта и лингвистическим разнообразием. В терминах эколингвистики мы можем говорить о «культурной зоне» Псковского региона [Белозерова, с. 160]. Культурная зона характеризуется и особенностями словарного состава, который фиксирует и сохраняет для новых поколений национально-языковые, культурно-исторические, общественно-бытовые и духовные черты народа, проживавшего и проживающего на данной территории. Изучая рукописи XIV века Щепкин В.Н. ввел в своих работах термин «псковизмы» [Щепкин В.Н., с. 183]. «Псковизмы» вызывают лингвистический интерес сразу в нескольких аспектах: многое лексические единицы сохранили в своем составе значения, этимологию которых трудно проследить современному человеку, а составление туристических проспектов, карт маршрутов требует употребление названных единиц, тем более, что их значения зачастую проясняют и определенные исторические события или особенности быта региона. Во-вторых, развитие международного туризма предполагает включение/перенос значения «псковизмы» в иноязычную культуру.

В статье рассматриваются лингвистические особенности только одного пласта лексического состава «псковизмов»: названия псковских монастырей, церквей, часовен.

В русской ономастической системе представлены различные классификации наименований. И.В. Бугаева рассматривает систему агонимов, в которую включает словосочетания, служащие для именования лиц или объектов, на которых почивает благодать Божия или святость через чин прославления или освящения (доступ в интернете *Бугаева И.В. www.portal-slovo.ru/philology/37388.php*). По ее мнению, в эту группу входят названия названия церковных праздников, название храмов и монастырей, наименование икон, которые составляют ономастическое пространство, объединенное значением святости. Один из видов агонимов – экклезионимы, которые она подразделяет на отдельные разряды в зависимости от того, какой компонент присутствует в названии храма: географический объект, имена святых, название церковных праздников. (Бугаева)

Е.П. Аринина рассматривает экклезионимы как разновидность наименований в русской ономастической системе (Аринина доступ в интернете – *vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2007web52/yaz/2007520803.pdf*).

В представленной статье мы обратимся к экклезионимам, – названиям псковских храмов. Названия псковских храмов имеют свои особенности: православный человек был убежден в том, что храм, церковь свидетельствуют о покровительстве тех святых, в честь которых они построены. Часто употребляются имена святых, особо почитаемых в регионе. Частью наименования становятся также наименования поселений, водоемов или других особенностей ландшафта. Народная терминология, диалектные слова, названия форм рельефа, водоемов, закрепленные в названиях церквей соотносят их с региональной топонимией, сохраняют архаичные черты языка, что в свою очередь, сохраняет этническую культуру региона. Таким образом, можно говорить о том, что экклезионимы-псковизмы представляют собой очень размытый пласт лексических единиц, изучение которого находится еще на начальном этапе.

Во избежание вариативности в переводе православных экклезионимов предпринимается попытка свести в один глоссарий русско-немецкие транслаты.

Исследование производится на основе уже опубликованных на немецком языке ономастических единиц, обозначающих памятники псковской школы архитектуры. Все объекты, о которых пойдет речь ниже, расположены в городе Пскове и на территории Псковского края, практически в средневековых границах и во временных рамках той же самой эпохи XII-XVII веков.

Есть ряд соображений, объясняющих причины постройки большого количества церквей (около пятидесяти) в одном городе. Город с его вечевым правлением формировался по типу Великого Новгорода, средневековой вечевого республики, частью которого Псков являлся до середины XIV века, но обладал широкой автономией. В городе была главная церковь – Троицкий собор, семь кончанских церквей (по числу концов, т.е. районов города), уличанские церкви (по названию ряда улиц) и церкви, поставленные в честь важных для города событий.

Небольшие размеры церквей объяснялись тем, что городские деньги находились не у князя, приглашенного на княжение и получавшего земли «в кормлю», а у городской власти. Деньги могли быть предоставлены в каком-то объеме концам и улицам города, а те уже решали, что надо строить.

Основные финансы уходили на оборонительные сооружения, учитывая порубежное положение города и края, поэтому псковичи бережливо расходовали ресурсы на постройку церквей. Псковская летопись, весьма немногословная, указывает, в каком году была поставлена церковь, как именовалась и сколько рублей пошло на ее строительство.

Являясь важной частью туристического кластера, экклезионимы широко используются в туристическом сопровождении (карты, буклеты, памятные доски и т.д.).

Значительная часть экклезионимов базируется на библейском и теологическом вокабуляре и образует адекватное поле, т.е. имеет эквивалент в немецком языке.

Троицкий собор	die Dreifaltigkeitskathedrale
Собор Иоанна Предтечи	Johann (Johannes) der Vorläufer-Kirche
Церковь Старое Вознесение	Die Christi-Himmelfahrt-Kirche (alt)
Церковь Новое Вознесение	Die Christi-Himmelfahrt-Kirche (neu)
Церковь Жен Мироносиц	Die Myrrhentragenden Frauen-Kirche
Церковь Михаила и Гавриила Архангелов	Erzengel Michael-und-Gabriel-Kirche in Gorodez
Церковь Преполовения Пятидесятницы	Die Kirche zu Ehren der Hälfte des Pfingstfestens
Церковь Иоакима и Анны	Joakim-und-Anna-Kirche
Спасо-Преображенский собор	Die Christi-Verklärungskathedrale (Spas-Verklärungskathedrale)
Церковь Рождества Богородицы	Mariä-Geburt-Kirche
Церковь Нерукотворного Образа	Die nicht menschengemachtes Christbild-Kirche

В связи с тем, что псковская школа архитектуры представлена большим количеством памятников церковного зодчества, имеет место ярко выраженная топонимическая атрибутика местного характера. Топонимы позволяют идентифицировать одни и те же названия церквей, особенно популярных в Псковском крае: Покрова, Успения, Николы. Присутствие антропонимов в библейских текстах и, как следствие, в экклезионимах встречается довольно часто, и подобные словосочетания испытывают давление местного колорита. Неправомерно дефинировать это явление как переход в безэквивалентное поле. Процесс находится на грани двух полей. Сам антропоним имеет библейское происхождение, но в конкретной локальной и временной обстановке моделируется под действием местных орфоэпических и графических правил.

Церковь Покрова Богородицы от Торга	Die Mariä-Schutz-und Fürbitte-Kirche am Markt
Церковь Покрова от Пролома	Die Mariä-Schutz-und Fürbitte-Kirche am Prolom
Церковь Рождества Богородицы от Пролома	Die Mariä-Geburt-Kirche am Prolom
Церковь Николы Явленного от Торга	Die Nikolaus-Kirche am Markt
Церковь Николы от Каменной ограды	Die Nikolauskirche an der Steinmauer
Церковь Николы со Усохи	Die Nikolaus-Kirche am trockenen Platz, die Nikolaus-Kirche an der Ussocha
Церковь Успения с Полонища	Die Mariä Entschlafenskirche in Polonitsche
Церковь Успения с Пароменья	Die Mariä Entschlafenskirche an der Floßbrücke
Церковь Козьмы и Дамиана с Примостья	Kosma-und-Damian-Kirche an der Brücke
Церковь Козьмы и Дамиана с Гремячей горы	Kosma-und-Damian-Kirche am Gremjatschaja Berg
Церковь Михаила и Гавриила Архангелов с Городца	Erzengel Michael-und-Gabriel-Kirche in Gorodez
Церковь Петра и Павла на Брезе	Peter und Pauls Kirche an Brese

Церковь Петра и Павла с Буя	Die Peter und Pauls Kirche am Buj
Церковь Сергия с Залужья	Die Sergej (Sergij)-Kirche an der Wiese
Церковь Ильи-пророка с Мокрого луга	Die Ilija-der Prophet-Kirche an der nassen Wiese
Церковь Георгия со Взвоза	Die Georgij-Kirche an der Auffahrt
Церковь Иоанна Богослова на Мишариной горе	Johann der Theologe-Kirche am Mischarin-Berg
Церковь Алексия, Человека Божьего, с поля	Транслят не сформирован
Церковь Анастасии Узорешительницы в Кузнецах	Anastasija-Römerin-Kirche in Kusnezy
Храм Успенья Пресвятой Богородицы в Бутырках	Die Mariä Entschlafenskirche in Butyrki
Церковь Иоакима и Анны с Полонища	Joakim-und-Anna-Kirche in Polonitsche
Церковь Богоявления с Запсковья	Epiphanie-Kirche von Sapskowje, Christi-Erscheinungskirche in Sapskowje

Данная группа экклезионимов наиболее интересна. Группа попадает в разряд псковизмов и требует иногда отдельного трактования в большей степени на русском языке, т.к. атрибуты экклезионимов весьма архаичны, носят локальное значение. В немецком языке вышеуказанные лексемы идут через процесс транслитерации и воспринимаются немецким социумом целиком.

Церковь Петра и Павла с Буя	Die Peter und Pauls Kirche am Buj
Церковь Николы со Усохи – «Усоха» – название речки	Die Nikolaus-Kirche am trockenen Platz, die Nikolaus-Kirche an der Ussocha
Снетогорский монастырь	Snetogorskij Kloster

Топонимические маркеры, характерные только для Пскова и позволяющие отнести целый ряд экклезионимов к псковизмам, довольно многочисленны. Некоторые из них имеют диалектные признаки.

Лексико-фонетические особенности имеют следующие экклезионимы-псковизмы:

Кром. Псковский кремль, Кром. Кремль, детинец – так называлась древняя, укрепленная часть древнерусских городов. Термин **кром** упоминается в Псковской летописи под 1393 г. летописи (Заложиша псковичи перси у Крома, стену камени // ПОС., вып.16. – С. 190). *Общерусское сочетание губного с л-эпентетикум (на месте губного с /i/); изменение мягкого /р/ на твёрдый /р/, замена /э/ на /о/.*

Брег (на Брезе). Церковь Петра и Павла на Брезе Сереткина (иначе Сироткина) монастыря (моста А. Невского. Упоминается во II Псковской летописи: «и помощию святых троица побѣди и (немцев) у святою Петра и Павла на брезѣ, овых избиша и оных раниша, а инии метяхуся съ берега в кручу. Лет. II, 1267 г. // ПОС, вып.2. – С.161). Брег – устаревшее. *Как термин является фонетическим диалектизмом: изменение /з/ в /з/ перед гласным переднего ряда.*

Усоха. Церковь Николы со Усохи (со Всоси, на Всоси). Усоха – старое русло высохшей речки Зрачки (Ю. Спегальский). Мена звуков /в/ и /у/ – распространённое явление в говорах, в т.ч. в современных псковских. Мена звука /х/ на /с/ – изучала С.М. Глушкина, которая «сделала важные научные открытия. Одно из них касается фонетически незакономерного звука [ch] на месте звука [s] (ср. хвет 'свет', мяхо 'мясо', подпояхываться 'подпоясываться'), что С.М. Глушкина объясняет неразличением свистящих и шипящих звуков (одним из древнейших явлений псковского диалекта): звуки [s] и [š] смешивались в каком-то общем звуке. Специфика явления в том, что звук [ch] исторически мог появиться или из звука *s, или через звук *š, (Костючук Л.Я. Псковские говоры и их носители). В Псковской области Топонимы *Усох*, *Усоха* существуют и на других территориях страны; в Псковской области – д. Усох в Палкинском районе.

Уток. Церковь Козьмы и Дамиана с Уток. XVI в. **Поморский староверческий храм св. безребников Косьмы и Дамиана со утоки.** Ул. Свердлова, между ул. Калинина и Советской. Засыпана при строительстве бастиона в 1701 г. Вариант наименования, в котором имеется *со утоки*, позволяет предположить, учитывая распространённую в псковских говорах взаимозамену звуков /в/ и /у/, термин *вток*.

Лексико-словообразовательные особенности имеют следующие экклезионимы-псковизмы:

Взвоз. Георгия со Взвоза. 1494 г. *Псковизм.* Церковь находится на высоком берегу реки Великой, с которой по крутой дороге (по подъёму, взвозу) вверх поднимались повозки (зимой). Именно это место отмечается в исторической части Псковского областного словаря: «Георгиевский взвоз (Копаневич). Извоз. Название места в древнем Пскове. Кн.писц. 1 1585-1587 гг. Егорьевский взвоз. и в названии церкви Николы на Взвозе. Лет.1, 1404 г. Георгия Святого о Взвоза. 1677 г. // ПОС, вып.3. – С.151). В Лет. III зафиксированы Взвозские (Возвозские) ворота в древнем Пскове. *Взвоз образовано от взвозит.*

Городец. Церковь Архангелов Михаила и Гавриила с Городца, 1462 г. Городцом в Древней Руси называлось небольшое укрепленное поселение. Е.Н. Морозкина предполагает, что в Пскове на этом месте когда-то был маленький город, обнесённый деревянной стеной. Отличается от слова *городок* суффиксом.

Гремячий. Церковь Космы и Дамиана с Гремячей горы. Гремячая – название улицы и возвышенности. *В нормативных словарях присутствует слово с другим суффиксом: гремячий.*

Залужье. Церковь Сергия с Залужья (Сергия Радонежского). Расположен в Окольном городе. Заросшее травой место. В ПОС имеется запись в современной и исторической части, ХУ1-ХУШ вв. // ПОС, вып.11. – С. 311. В лингвистических словарях не зафиксировано. Вблизи места, на котором стоит эта церковь, находилось

в старину обширное болото, называвшееся «лужищем»; отсюда и произошло «залужье»; оттого и Сергиевские ворота звались ... (Окулич-Казарин Н.Ф. Спутник по древнему Пскову. Псков, 1913; pleskov60.ru/okolnygorod.html).

Запсковье. Церковь Богоявления с Запсковья. Словообразовательная модель за - йе, имеющая значение «расположенный за чем-либо», характерна для топонимического псковского ономастикона, особенно сельского: **Завеличье** (часть Пскова за рекой Великой), Заборовье, Замошье, Заплюсье и др.

Лавица. Церковь Образская с Жабьей Лавицы (Спаса Нерукотворного образа) (Нерукотворного Образа Иисуса Христа с Жабьей Лавицы). 1487 г. Такая точная дата известна, потому что об этом упоминается в летописях, ведь церковь, тогда еще деревянная, была построена во время мора в Пскове: «В лето 6995...того же лета бысть мор во Пскове, да церковь поставиша на Запсковье у Жабьи лавицы во имя Нерукотворенного Образа и совершили одним днем и осветили, месяца августа 26 день однодневная деревянная. Расположена на Запсковье, которое в древности было болотистым. В нормативных словарях термин отсутствует; отмечается *лава* «лавка». В ПОС зафиксировано значение «мостики, перекладыны, кладки, мостики для перехода через речку, сырое место» (ПОС. вып.16. - С.453-455).

Мирожский монастырь. По названию реки Мирожки (народное – Мирожка). Этимология представляется неясной, в некоторых источниках *мирожа* возводится с термином *мережа* – снасть для ловли рыбы. В Пскове существуют топонимы: Мирожская набережная.

Пароменье, Пароменская. Церковь Успения с Парома (с Пароменья, Пароменская. 1521 г. Пароменье не зафиксировано в лингвистических словарях.

Полонище. Церковь Успения с Полонища (Успения Пресвятой Богородицы с Полонища) 1810-1811 гг. Церковь Иоакима и Анны на Полонище. Полонище – территория к югу от стены 1374/75 года, защищенная деревянными укреплениями в 1465 году. Ландшафтный термин в лингвистических словарях не зафиксирован.

Примостье. Церковь Козьмы и Демьяна с Примостья. Долгое время сообщение между основной частью города и Запсковьем поддерживалось через брод. Около него стояла церковь *Богоявления в Бродах*. Со временем через р. Пскову был построен один, а затем и другой мост. Примыкающая к ним местность стала называться Старым и Новым Примостьем. *Примостье отсутствует в нормативных лингвистических словарях.*

Скудельницы. Церковь Жен-Мироносиц со Скудельниц (Мироносицкое кладбище). Завеличье. «В лета 7045-го (1537) поставиша церков деревяную на скудельницах святых Жен Мироносиц.» Место это издревле называлось «скудельницами», т.е. местами погребения умерших во время моровых поветрий. Слово *скудельницы* и однокоренные зафиксированы во многих словарях: *скудельный, скудельня*. В большинстве словарей отмечается значение «место захоронения большого количества умерших во время каких-либо бедствий: эпидемии, военных действий».

Снеготорский монастырь. Образование связано с рыбкой *снеток*, ловля которого характерна для псковичей с давних пор. Снеток этимологически связывают со словом *снеть*.

Стадище. Церковь Воскресения со Стадища (Воскресенский на Звоннице, на "Стадищах, На Запсковье, над Великой рекой). Запсковье. Стадищем называлась местность вокруг этой церкви. Возможно, это место было пастбищем для скота. В словарях не зафиксировано, отмечается только слово *стадо* (Колесова И.О. Средневековый Псков, №2.1 2004).

Лексико-семантические особенности имеют следующие экклезионимы:

Гребля. Церковь св. Николая на Гребле, церковь Кирилла с Гребли; церкви Николы и Кирилла с Греблей. Церкви в Довмонтовом городе, закрыты под военные склады при Петре в начале XVIII в. Гребля (*от гребсти*) – *заполненный водой ров в псковской крепости*. Псковский ландшафтный термин. В словарях отмечается как спортивный термин.

Буй. Церковь Петра и Павла с Буй. В псковских говорах термин буй бытует в нескольких значениях: возвышенное место, место у церкви, кладбище у церкви, церковь упоминается в Книгах писцовых под 1586-1687 гг. (ПОС-2. – С.203-204).

Собственно-лексические особенности имеет экклезионим:

Любятово. Церковь Николы в Любятово (Любятовская). XVI-XVIII. Не отмечено в словарях.

Лексико-грамматические особенности имеет один экклезионим:

Броды. Церковь Богоявления Господня в Бродах (с Бродов) (Богоявленская) (Богоявления с Броды) (Богоявление господне с Запсковья). 1444 г. Броды были очень важным местом: до возведения моста через Пскову здесь была переправа. Долгое время сообщение между основной частью города и Запсковьем поддерживалось через брод. Около него стояла церковь Богоявления в Бродах (Спегальский Ю.П. Памятники зодчества в Пскове).

Итак, псковизмы дефинируются по атрибутике двух направлений: топонимической локальной принадлежности и антропонимической. Например, слова Кром, Гремячая башня, пролом (в крепостной стене после войны со Стефаном Баторием), Усоха, Запсковье, Любятово, Мирожский, Снеготорский и Крыпецкий монастыри; архаизмы, если они не имеют повторов в других землях: стадище, буй, полонище относятся к топонимической локальной принадлежности.

Антропонимическая атрибутика церквей связана с именами, как библейскими, так и местными.

Имена местных святых, числом более пятидесяти, образуют отдельную группу, входящую также в ряд псковизмов.

Церковь святого Довмонта-Тимофея	Die Kirche des heiligen Dowmont Timofej
Елеазаровский монастырь	Eleasarowski Kloster
Никандровская пустынь	Nikandrowskajy pustyn (Kloster)
Церковь Варлаама Хутынского	Die Warlaam Chutynskij-Kirche

Варлаам Хутынский – новгородско-псковский святой XII века, имя которого не имеет общерусского хождения, как, например, имена княгини Ольги и Александра Невского.

Ольгинская часовня	Olginskaja Kapelle
Храм Александра Невского	Alexander Newski-Tempel

Церковь Климента с большой долей вероятности является псковизмом, т.к. маловероятно, что где-то еще на Руси церковь может быть посвящена папе Римскому.

Таким образом, при ограниченной мотивировочной базе в речевой практике возникает множество экклезионимов с разнообразными идентифицирующими компонентами. Посредством названия места человек осваивает свое пространство, поэтому, как пишет М.В. Голомидова, «топонимическое именование происходит в свете осознания бытийных ценностей». Таким образом, в топонимических названиях пространство отражено субъективно, так, как его воспринимает и ощущает реципиент. Подобное антропоцентричное восприятие именуемого и находит свое отражение в структуре экклезионимов.

Как следствие, идентифицирующие компоненты в составе экклезионима могут содержать следующие сведения об объекте номинации:

1. Качественная характеристика:

2. Характеристика пространственного положения:

3. Адресная информация. Данная информация может быть предельно конкретной или достаточно неопределенной. Зависит это от типа топонима, входящего в состав экклезионима: названия города, села, улицы, стана, водного объекта и т.д.

Транслаты, представленные в данной статье, служат первичным глоссарием и будут использоваться авторами в дальнейших лингвистических наблюдениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аринина, Е.П. Экклезионимы как разновидность наименований в русской ономастической системе / Е.П. Аринина. – Режим доступа. – vestnik-samgu.samsu.ru/gum/2007web52/yaz/2007520803.pdf.
2. Белозерова Н.Н. Эколингвистика: В поисках методов исследования: монография / Н.Н. Белозерова, Н.В. Лабунец. – Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. – 256 с.
3. Бугаева, И.В. Обозначения святости в ономастическом пространстве русского языка / И.В. Бугаева. – Режим доступа – www.portal-slovo.ru/philology/37388.php.
4. Курчанова, Н. PSKOW lädt ein. ПСКОВ приглашает / Н. Курчанова, Н. Назарова. – Псков, 2009.
5. Щепкин, В.Н. Учебник русской палеографии / В.Н. Щепкин. – М.: Наука, 1968. – 225 с.
6. Ямщиков, С.В. О древнем Пскове: История. Искусство. Археология. Новые исследования: Сб. статей / Сост. С.В. Ямщиков. – М.: Изобраз. искусство, 1988. – 320 с. ил.

Материал поступил в редакцию 16.02.17.

ECCLESIONYMS OF THE ARCHITECTURAL OBJECTS OF THE SCHOOL OF PSKOV. THE RUSSIAN-GERMAN GLOSSARY

V.Ya. Volkova¹, L.A. Lekareva², I.I. Hrapchenkova³

^{1, 2} Senior Teacher, ³ Candidate of Philology, Associate Professor
Pskov State University (PSU), Russia

Abstract. Pskov architecture school was created in the Middle Ages. These are more than fifty churches, monasteries and chapels in Pskov only. The names of churches with toponymic attributes make up the glossary. The major part of the glossary comprises the pskovisms having local toponymic markers. The glossary identifies the names of churches, forms the basis for further usage in the tourist literature, written in German.

Keywords: Pskov school of architecture, pskovism, the Russian realia in the German language.

UDC 8

COGNITIVE-PRAGMATIC MODEL OF POLITICAL DISCOURSE

Yu.I. Plakhotnaya, Candidate of Philological Sciences,
Associate Professor of the Department of the English Language
Saint-Petersburg University of Humanities and Social Sciences, Russia

Abstract. *Modelling in linguistics is an effective method of investigating complicated objects such as communication. Creating a model gives us a clear understanding of the functioning mechanisms of an object and its structure. We base our model on the existing schemes, but add some extra elements, which can be found in the real process of communication. Building cognitive-pragmatic model presupposes taking into account personal and cognitive aspects of the participants.*

Keywords: *political discourse, speech influence, coding, decoding.*

In the modern science, modelling is considered as the method of investigating processes or systems of objects by building and learning their models, which can be used to create new objects. In the linguistic science, this method is used for studying such complex hierarchical systems as the language or communication. Models of communication reflect its structural elements and their interconnections. If we consider communication as the process occurring between two or more participants in the particular situation, it is possible to speak about discourse. That is why we regard communication and discourse as the interconnected notions. We understand the discourse as an act of communication that happens in a particular situation and consists of the chain of dialogical unities joined by the definite theme. Thus, we perceive discourse not only as a text but also as a process, forming the current situation. The model helps us understand the mechanisms of communication as a whole and political communication in particular. Having created the model, we investigate political discourse in the situation of televised debates.

The model of discourse represents the scheme describing the process of influence directed from a sender to a receiver. According to P.B. Parshin, the speech influence is the use of the language with the aim of making messages to affect the mind and behaviour of an addressee [2, p. 19]. A participant of the discourse is influenced not only by another actor but also by the environment.

We have based our model on the schemes of communication created by H. Lasswel, D. Braddok, K. Shannon, W. Wiver and M. Defler. Our model consists of the following elements: 1) an addresser, 2) a coding device, 3) a message, 4) a decoding system, 5) an addressee, and we have added two more elements: 6) speech influence and 7) an action. This scheme can be considered as the cognitive-pragmatic model as it takes into account cognitive and pragmatic peculiarities of communicators, who understand or misunderstand each other.

Understanding, according to A.A. Brudnyi, is implemented in the situation, when a recipient gains knowledge about the world and applied it to his / her action. In the result of understanding, knowledge becomes a part of the inner world of a person and influences the regulation of his / her action [1, p. 35]. Mutual understanding of communicators and functioning of the discourse depend on the cognitive processes of coding (generating) and decoding (understanding) in which all the cognitive functions (such as perception, attention, imagination, memory, thinking, speech) are used. Coding and decoding processes represent complicated operations, frequently repeated during the communication. While communicating the participants of the discourse transfer their thoughts coded in speech utterances, so that they change their partner's concept systems or cognitive models of the world. The success of decoding (understanding) a message depends on its good and correct coding.

The model of political debates presents itself the structure, consisting of two or more one-level antagonistic systems: "Person 1", from one side, and, from the other one, "Person 2", who influence each other in the process of communication. The model of political discourse has two fields: 1) the inside field in which the debates occur between opponents who are each other's addressees and 2) the outside field, in which there are non-direct addressees in the audience, which consists from potential voters, adversaries or neutral listeners. The participants of the discourse have their communicative roles of the Speaker and the Listener, and constantly exchange their speech acts and roles. This varies from the roles of non-direct participants who are only listeners.

Therefore political discourse is an informational process between the participants with lingvo-pragmatic parameters of their speech which depicts not only their personal characteristics (traits of character, emotions), but also their cognitive processes [3, p. 43]. Participants create around themselves two fields: cognitive and pragmatic. The cognitive field is made by a person who activates such processes as visual and audial perceptions, attention, representation in the mind, memory, thinking, which serve for transmitting, receiving, accumulation, storing and processing of information. Speech is considered the means of actualizing all these functions and is not only activity in the political discourse, but also the instrument of fighting for the power. The thinking process is realized in the speech through the cognitive phenomena, such as mental representations, concepts, frames, sceneries, which are supposed to be the instruments of thinking, and also come into the cognitive field of the participant.

All the mentioned processes take part in the coding and decoding of speech utterances, which are repeatedly transmitted by the participants to each other during the communication. We can presuppose that while being coded or decoded, the information has to pass several stages on its way to the receiver, so the amount of it decreases when it reaches his / her mind. The “losses of information” can tell us about the problems of decoding of an utterance, or incorrect coding of an utterance by the producer, about the differences between the cognitive pictures of the world and the levels of the speakers’ speech skills and some other problems. Besides that, in the process of perception of a speech utterance the concept system of an addressee changes, this can lead to the modification of the quality and quantity of the received information. [3, p. 42]. The problems of coding and decoding in the political discourse influence the mutual understanding of the participants who sometimes do not understand each other at all.

Each participant creates around himself the pragmatic field, which is formed by some parameters: intentions, aims, tasks, motives, attitudes, strategy and tactics of the forthcoming discussion. The preliminary phase of the discourse is planning his / her speech activity by each participant, prediction and analyses of the communicative situation. In the pre-election debates, for example, each candidate has to count the approximate number of supporters, adversaries and potential voters not only of his / her own but also of his / her opponent’s ones. It is also necessary to take into account the system of viewpoints of addressees and forecast the effect of speech influence on their mind.

Political discourse is created with the purpose of affecting the concepts systems of individuals and urging them to the particular actions. During the political discourse, opponents exchange their messages influencing not only each other but also the audience, implementing their strategies and tactics. [3, p. 43].

The important component of the cognitive-pragmatic model is an action as the result of speech influence. Some actions occur in the inner field of the discourse between the participants, who change their behaviour, tactics, views and plans. The actions as the result of speech influence on the potential voters can be seen during the elections.

The presented model of the discourse can be applied to different types of media discourse, which has the form of debates where the opponents and the audience influence each other directly or non-directly.

REFERENCES

1. Брудный, А.А. Психологическая герменевтика / А.А. Брудный. – М. : Лабиринт, 1998.
2. Паршин, П.Б. Теоретические перевороты и методологический мятеж в лингвистике XX века / П.Б. Паршин // Вопросы языкознания. – 1996. – № 2. – С. 19-42.
3. Плахотная, Ю.И. Когнитивно-прагматическая модель политического диалогического дискурса / Ю.И. Плахотная // Магия ИННО: новые технологии в языковой подготовке специалистов-международников: материалы научно-практической конференции (Москва 4-5 октября 2013). / отв. ред. Д.А. Крячков. – Моск. гос. ин-т. междунар. отношений (ун-т) МИД России – М. МГИМО – Университет, 2013. – Т.2. – С. 39-44.

Материал поступил в редакцию 02.03.17.

КОГНИТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Ю.И. Плахотная, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка
Санкт-петербургский гуманитарный университет профсоюзов, Россия

***Аннотация.** Моделирование в лингвистике является эффективным методом исследования сложных объектов, таких как коммуникация. Создание модели дает явное понимание о механизмах функционирования объекта и его структуре. Мы основываем построение нашей модели на уже существующих схемах, но добавляем некоторые дополнительные элементы, которые можно обнаружить в реальном процессе коммуникации. Построение когнитивно-прагматической модели предполагает учет личностных и когнитивных особенностей участников коммуникации.*

***Ключевые слова:** политический дискурс, речевое воздействие, кодирование, декодирование.*

УДК 811.111.81'37

ПРОТОТИПНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ НОМИНАТИВНОГО ПРОСТРАНСТВА МИКРОКОНЦЕПТОСФЕРЫ *TERRORISM*

И.В. Фатьянова, кандидат филологических наук, доцент
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет», г. Донецк

***Аннотация.** В исследовании сделана попытка смоделировать концептуальную структуру микроконцептосферы *TERRORISM* в терминах фреймовой семантики. Используя семантический анализ лексемы *terrorism* и других единиц номинативного пространства *terrorism*, была установлена номенклатура фрагментов, их значений, заполняющих слоты фрейма концепта *TERRORISM* на разных уровнях генерализации. Детализированная структура концепта позволила выявить концептуальные основы организации субстантивного лексико-семантического поля *terrorism*, установить сочетаемость единиц для его обозначения и их взаимосвязей в рамках лексико-семантической системы английского языка. В работе исследованы лингвокогнитивные, семантические, ономазиологические, структурные и стилистические особенности номинативных единиц, вербализующих микроконцептосферу *TERRORISM* в современном англо-американском политическом дискурсе. Номинативное пространство микроконцептосферы *TERRORISM*, сформированное по принципу полевой организации лексики, представляет собой один из обширных фрагментов современной англо-американской картины мира, отличаясь своей целостностью и структурированностью. Выделение ядерной и периферийной зон базового концепта *TERRORISM* проанализированной микроконцептосферы отражает сложную ядерно-периферийную конфигурацию знаний о феномене «терроризм», представленную в виде качественно-референциальной модели семантической структуры концепта *TERRORISM*. Данная модель выступает матрицей построения семантики номинаций терроризма. Между конституентами рассматриваемого пространства выявлены гиперо-гипонимические отношения как разновидность действующей в его границах синонимии. Выделение основных доминант *terrorism*, *violence*, *war* и *lawlessness* в синонимических рядах номинативного пространства *terrorism* позволяет говорить о комплексной природе микроконцептосферы *TERRORISM*, структурированной концептами *TERRORISM* (ТЕРРОРИЗМ), *VIOLENCE* (НАСИЛИЕ), *WAR* (ВОЙНА), *LAWLESSNESS* (БЕЗЗАКОНИЕ). В работе также осуществлена тематическая парцелляция номинативного пространства *terrorism*, основу которой составляют выделенные синонимические ряды. Среди реконструированных парцелл выделены следующие: ФЕНОМЕН ТЕРРОРИЗМА, АГЕНС, ПАЦИЕНС, ВИДЫ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ, БЛОК РЕАКЦИИ (ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ТЕРРОРИЗМУ).*

***Ключевые слова:** концепт, микроконцептосфера, прототип, номинативное пространство, лексико-семантическое поле, лексико-семантический вариант, семантическая структура концепта.*

Традиционное ономазиологическое исследование номинаций микроконцептосферы *TERRORISM* позволяет констатировать, какие именно номинативные средства выбирает англоязычное сообщество для обозначения в языке опыта, связанного с интерпретацией феномена «терроризм». Однако такая констатация не может удовлетворить требования современной лингвистики, поскольку вопрос стоит о выявлении устройства детализированной структуры вербализованного концепта как отражения фрагмента мира, увиденного глазами языковой личности [5, с. 123; 6, с. 153].

Материалом исследования послужили 637 номинативных единиц, именующих *TERRORISM*, отобранные из 46 лексикографических источников; 25000 фрагментов англо-американского политического дискурса уровня высказывания, содержащие различные языковые единицы (988 слов, 500 свободных словосочетаний, 225 фразеологических словосочетаний со связанным значением одного из компонентов), представляющих микроконцептосферу *TERRORISM* в современном англо-американском политическом дискурсе.

Когнитивно-ориентированное ономазиологическое исследование языковых средств репрезентации микроконцептосферы *TERRORISM*, сущность которого направлена на объективацию знаний той концептуальной структуры, которая находит отражение в семантической структуре номинативных единиц, необходимо выступает двунаправленной процедурой. С одной стороны, выполняется семасиологический анализ выделенного фрагмента лексикона с целью выявления структуры вербализованного им концепта. С другой – модель структуры концепта используется как инструмент объяснения явлений и преобразований, имеющих в семантике исследуемого корпуса его репрезентантов [4, с. 9-11; 8, с. 109-110].

Итак, в ономазиологически направленном лингвокогнитивном исследовании средств языковой экспликации микроконцептосферы *TERRORISM*, мы пользуемся сложной комбинацией методик исследования концептуально-семантической структуры номинативной единицы, в общем виде трактуемой как концептуальный анализ. В частности, моделирование информативной структуры базового концепта *TERRORISM* выполняется в терминах фреймовой семантики [1]. Ему предшествует семантический анализ лексемы *terrorism* как наиболее обобщенного обозначения концептуализированного англоязычным сообществом явления «терроризм»,

для того, чтобы выявить специфику наполнения вершинных узлов моделируемой фреймовой структуры. Используя семантический анализ (СА) других единиц номинативного пространства *terrorism*, имеем целью установить номенклатуру фрагментов, их значение, заполняющих слоты фрейма на разных уровнях генерализации. Детализированная структура концепта TERRORISM позволяет выявить концептуальные основы организации частичных лексико-семантических полей (ЛСП) *terrorism*, механизмов вторичного наименования концепта, установление сочетаемости единиц для его обозначения и их взаимосвязей в рамках лексико-семантической системы английского языка.

Отправной точкой для построения номинативного пространства, представленного развернутым ЛСП *terrorism* английского языка, служат субстантивные номинации терроризма во главе с существительным *terrorism*. Выбор для анализа структуры ЛСП *terrorism* субстантивно выраженных номинаций терроризма естественно обусловлен их категориальным статусом, поскольку они коррелируют с «предметами» абстрактного мира [2].

Для определения ЛСП *terrorism* привлекаются методы анализа словарных дефиниций, компонентного анализа, в частности сетевого моделирования как одного из его разновидностей. Метод анализа словарных дефиниций используется для определения объема интенционала изучаемых слов, в котором реализуется базовый концепт категории – концепт TERRORISM. Он нацелен на распределение единиц по соответствующим понятийным парцеллам. Применение метода компонентного анализа [9, с. 230-231] позволило выявить семантическую структуру единиц для обозначения концепта TERRORISM, объяснить их значение, выделить в них общие компоненты, на основе которых слова объединяются в ЛСП *terrorism*, а также видовые семы, что необходимо для сопоставления значений внутри синонимического ряда (СР).

Введение в исследование сетевого метода как одного из вариантов СА обусловлено тем, что именно он дает исчерпывающую возможность для выявления и изучения конститuentов ЛСП *terrorism* с учетом их системных свойств и структурных отношений. Семантическая сетка фиксирует совокупность лексических значений и каждое значение отдельно, представляет структуру внутренней формы семантики единиц, а также все непосредственные и опосредованные связи между значениями, иерархию элементов системы [9, с. 528].

Сетевое моделирование использует приемы компонентного анализа. Для представления системы семантических связей и семантической структуры лексемы используется граф, который является способом изображения указанных связей [9, с. 103-104]. Вершины графа как определенной конфигурации семантической сетки значений лексемы соответствуют значениям непосредственных и опосредованных семантических составляющих (НСС и ОСС). Его ребра наглядно воспроизводят семантические связи между значениями. Значение одного слова является непосредственным или производным от значения другой единицы. Это графически отображается в виде стрелки, которая соединяет семантический компонент и семантический дериват, содержащийся в составе семантической структуры производной единицы.

Создание семантической сетки начинается с расчленения словарной дефиниции на непосредственные составляющие. В составе каждого такого компонента выделяются фрагменты с номинативным значением, которые при выделении на каждом последующем этапе выступают как НСС обнаруженного ранее номинативного фрагмента и ОСС определенного слова. В процессе бинарного членения номинативных единиц наиболее частотными отношениями является инклюзивные. Благодаря им осуществляется переход от одного уровня к другому в системе иерархии понятий [9, с. 528-530]. Процедура анализа заканчивается на том уровне семантических составляющих, где была обнаружена центральная единица – идентификатор поля, то есть лексема *terrorism* (простой семантический компонент, который не подлежит значимому для нашего исследования разложению), или если определение представляет собой тавтологический круг.

Так, анализируя дефиницию лексико-семантического варианта (ЛСВ 2) лексемы *terrorism* – *the act of transgressing, evildoing* [11] выделяем три семантические составляющие – *act* и *transgressing, evildoing*. Они выступают НСС в семантическом корне этого ЛСВ, которое соответственно является их семантическим компонентом. Эти составляющие представляют собой вершины, с которых начинается моделирование всего графа. Каждую вершину можно разложить на последующие НСС, которые выступают в качестве ОСС относительно основной вершины сетки – *terrorism*.

Выполненный путем сетевого моделирования СА дефиниций показал, что значение ЛСВ 2 *terrorism* содержит три НСС первого уровня *act* и *transgressing, evildoing*; два ОСС второго уровня *transgressing, evildoing*; два ОСС третьего уровня *violation of a law or a duty or moral principle* и *calculated use of violence (or the threat of violence) against civilians in order to attain goals that are political or religious or ideological in nature*; четыре ОСС четвертого уровня; два ОСС пятого уровня *act* и *terrorism*.

Установление наличия семы *terrorism* в структуре значения единицы является основанием для отнесения последней в ЛСП *terrorism*. Причем уровень СА, на котором был обнаружен компонент *terrorism* в структуре значения слова, отражает, как правило, ту семантическую зону (ядро или одну из областей периферии), где находит свое место отдельная единица поля: чем больше в семантике лексемы дифференциальных признаков уточняют более общую, по сравнению с ними, сему *terrorism*, тем дальше от ядра семантического поля удаляется определенная лексема. Семантический анализ номинаций феномена терроризма позволяет выделить такие радиальные слои ЛСП *terrorism*: ядро, переходную зону, ближнюю и дальнюю периферию и маргинальный слой.

Каждая из указанных зон содержит единицы различной части речной принадлежности. При этом, контекст номинативного пространства *terrorism* образуется существительными, ведь именно они обозначают центральный участок ККМ. Такие части речи, как прилагательное, наречие, глагол, связанные словообразовательными отношениями с поправкой на лексико-грамматическую категорию, уточняют признаки каждого слоя субстантивного поля [3, с. 20] за счет категориально присущих им дополнительных семантических компонентов. Итак, развернутое ЛСП *terrorism* образуется путем аппликации части речных полей, которые, имея единую ядерно-периферийную структуру, наполняют ее категориально различными элементами. Поскольку организация поля задается существительными, проиллюстрируем на их примере прототипное строение ЛСП *terrorism*.

Принадлежность единицы к определенной зоне ЛСП обуславливается количеством признаков, закрепленных в ее семантической структуре; граница между зонами является нечеткой и размытой. Специфика ядра определяется именем ЛСП, которое является словом-идентификатором поля. В современном английском языке единицы поля *terrorism* группируются вокруг лексемы *terrorism*, которая выступает главным представителем их интегрального прототипного значения и составляет ядро ЛСП. Вместе с существительным *terrorism* в ядерную зону входит глагол *terrorize – to frighten people by threatening them or by using violence* (ср.: пугать людей, угрожая им, или используя насилие) [14, с. 1482] и прилагательное *terroristic – of or relating to terrorism* (ср.: относящийся или связанный с терроризмом) [11], которые выступают архилексемами соответствующего глагольного и прилагательного ЛСП *terrorism*.

Переходная зона находится между центром и периферией. Эта зона представлена второстепенными средствами выражения категории *terrorism*. Ее конституируют те лексемы, в ЛСВ которых содержатся все основные семантические признаки поля и один или два дифференциальные признаки; единицы являются обязательными для поля и выполняют функцию ЛСП наиболее однозначно. Именные выражения явления *terrorism* номинируют его непосредственно через базовый концепт, поскольку они позволяют передать содержание исследуемого концепта как целостного феномена в совокупности всех его проявлений и аспектов. Такими выступают четыре лексические единицы: *terror* (ЛСВ 3), *terrorization* (ЛСВ 2), *reign of terror, violence* (ЛСВ 1), толкование которых выстраивается вокруг архилексемы *terrorism*, например, *terrorization* (ЛСВ 2) – *an act of terrorism* [11].

К ближней периферии ЛСП *terrorism* входят номинативные единицы, характеризующиеся явным отклонением от семантики ядра и переходной зоны, то есть за счет привлечения 3-4 дифференциальных сем к прототипному набору основных признаков или наличию 1-2 дифференциальных сем при отсутствии нескольких прототипных, напр.: *insurrection – a situation in which a large group of people try to take a political control of their own country with violence* (ср.: ситуация, в которой большая группа людей, пытается получить политический контроль над своей собственной страной посредством насилия) [14, с. 706].

Соответствующие лексемы характеризуются меньшей по сравнению с ядром и переходной зоной частотностью употребления, стилистической нейтральностью, отсутствием ограничений в использовании [7, с. 126].

Дальняя периферийная зона состоит из единиц, которые теряют ряд базовых признаков, оставляя лишь одну из них в качестве родовой, однако приобретая другие 3-4 семантических компонента. Такие номинации имеют низкую частоту употребления, выделяются своей многозначностью [7, с. 126]. Среди ряда многозначных единиц выделяются те, чьи ЛСВ, которые эксплицируют *terrorism*, не являются основными в их смысловой структуре. К дальней периферии относим, например, *revolution – an attempt, by a large number of people, to change the government of a country, especially by violent action* (ЛСВ 1) (ср.: попытка большого количества людей изменить правительство страны с помощью насильственных действий); *a great change in conditions, ways of working, beliefs, etc. that affects large numbers of people* (ЛСВ 2) (ср.: существенные изменения в условиях, способах труда, убеждениях и т.д., касающиеся значительного числа людей) [14, с. 1142]. Периферия концепта, которая приводит к построению периферии ЛСП-репрезентанта, формируется разнообразием образно-оценочных коннотаций, своеобразными коллективно-индивидуальными результатами мыслительной деятельности определенного социума [9, с. 417]. Итак, в группу лексем периферии, в отличие от предыдущих, также вошли слова со стилистическими и экспрессивно-эмоциональными ограничениями, включая фразеологические номинативные единицы, например: *imbroglio (formal) – a complicated situation that causes confusion or embarrassment, especially one that is political* (ср.: сложная ситуация, которая вызывает конфуз или смущение, особенно та, которая является политической) [14, с. 676]; *mob rule – a situation in which a mob has control, rather than people in authority* (ср.: ситуация, в которой толпа имеет больший контроль, чем люди, наделенные властью) [14, с. 853].

Маргинальный слой периферии пересекается с периферией других полей вследствие аппликации определенных частей различных концептуальных сфер – фактор, который обуславливает наличие межполевых связей в семантическом пространстве языка. В этой зоне расположены элементы, в которых родовой признак поля *violence* и видовая сема *terrorism* относятся к периферии их смысловой структуры, характеризуя новый денотат. К этому слою ЛСП относим единицы с низкой частотой употребления, ограниченной сферой применения: архаизмы или те, что отличаются стилистическими и эмоционально-оценочными семами [7, с. 126], напр.: *mayhem – confusion and fear, usually caused by violent behavior or by some sudden shocking event* (ср.: растерянность и страх, как правило, вызванные агрессивным поведением или каким-то внезапным шокирующим событием) [14, с. 826]; *vandalism – the crime of destroying something, especially public property, deliberately and for no*

good reason (ср.: преступление в виде уничтожения чего-то, особенно государственной собственности, намеренно и без всяких на то причин) [14, с. 1494].

Компонентный анализ номинаций феномена «терроризм» позволил установить набор дифференциальных семантических элементов, которые, прибавляясь к архисеме, формируют значения всех существительных для обозначения данного явления. Среди них выделяем семы, что указывают на

1) «характеристику применения насилия»:

а) вид преступления против общественной безопасности, представляющий опасность для всех окружающих и для общественного порядка вообще, напр.: *blackmail* (ЛСВ 2) – *the act of putting pressure on a person or a group to do something they do not want to do, for example by making threats or by making them feel guilty* (ср.: давление на лицо или группу для того, чтобы заставить их что-то сделать, чего они не желают делать, например, путем угроз или принуждением их чувствовать себя виновными) [14, с. 122];

б) убийство для достижения определенных политических, религиозных, социальных или идеологических целей, напр.: *assassination* – *the act of murdering an important person* (ср.: убийство важного человека) [12, с. 74];

в) характер проявления боевых или военных действий, напр.: *fight* (ЛСВ 5) – *a battle, especially for a particular place or position* (ср.: бой, особенно ради конкретного места или должности) [14, с. 494].

2) «характеристика политического устройства / ситуации / власти»:

а) вид политического режима, напр.: *despotism* – *the rule of a despot* (ср.: правление деспота) [14, с. 360]; *tyranny* (ЛСВ 1) – *unfair or cruel use of power or authority* (ср.: несправедливое или жестокое использование силы или власти) [14, с. 1459];

б) политика запугивания, напр.: *terrorization* – *the calculated use of violence against civilians in order to attain goals that are political or religious or ideological in nature; that is done through intimidation or coercion or instilling fear* (ср.: преднамеренное использование насилия против гражданского населения для достижения целей, которые носят политический, религиозный или идеологический характер с помощью запугивания или принуждения) [11]; *reign of terror* – *a period during which there is a lot of violence and many people are killed by the ruler or people in power* (ср.: период, в течение которого проводятся насильственные действия и многие погибают по приказу правителя или людей у власти) [14, с. 1116];

в) характеристика международных отношений, напр.: *entanglement* (ЛСВ 1) – *a difficult or complicated relationship with another person or country* (ср.: тяжелые и сложные отношения с другим человеком или страной) [14, с. 439];

3) «характеристика социального положения / беспорядка»:

а) вид протеста, напр.: *agitation* (ЛСВ 2) – *public protest in order to achieve political change* (ср.: общественный протест с целью достижения политических изменений) [14, с. 26];

б) характеристика социально-политической ситуации, напр.: *chaos* – *a state of complete confusion and disorder* (ср.: состояние полной растерянности и расстройтва) [14, с. 207]; *convulsion* (ЛСВ 2) – *a sudden important change that happens to a country or an organization* (ср.: внезапное важное изменение, которое происходит со страной или организацией) [14, с. 288].

Итак, семантические признаки номинаций феномена терроризма ЛСП *terrorism* конкретизируют содержание компонентов: «характеристика применения насилия», который реализуется в виде таких параметров, как «вид преступления против общественной безопасности», «убийство ради достижения определенных политических, религиозных, социальных или идеологических целей» и «характер проявления боевых или военных действий», «характеристика политического устройства / ситуации / власти», которая актуализируется через семы «вид политического режима», «политика запугивания», «характеристика международных отношений», «характеристика социального беспорядка» находит свое выражение в таких семах, как «вид протеста», «характеристика социально-политической ситуации».

Чем меньше количество сем входит в семантическую структуру лексемы, тем она является более абстрактной и располагается ближе к ядру. Этот факт объясняется тем, что дифференциальные признаки сужают область референции лексемы: чем их больше, тем меньше оказывается семантическое пространство, которое покрывается единицей. Вот почему каждый СР ЛСП *terrorism*, объединяя единицы, равноудален от ядра, «пронизывает» все слои его радиальной структуры.

Сказанное проиллюстрируем на примере СР с доминантой *violence* (ЛСВ 1). СР составляют 54 единицы, которые локализируются в четырех слоях ЛСП *terrorism*. СД входит в переходную зону ЛСП как номинация разновидности феномена терроризма, демонстрирует архисему *terrorism*, уже на втором уровне графа своего толкования: *violence* – *violent behavior that is intended to hurt or kill somebody* [14, с. 1503].

Переходную зону также составляют лексические единицы (ЛЕ) *terror* (ЛСВ 3), *terrorization* (ЛСВ 2), *reign of terror* (количество 3 единицы).

Единицы СР *assassination*, *atrocities*, *assault* (ЛСВ 2), *insurgency*, *insurrection*, *blackmail* (ЛСВ 2), *sabotage*, *homicide*, *cruelty* (ЛСВ 1), *ferocity*, *force* (ЛСВ 1), *power* (ЛСВ 1), *manslaughter*, *massacre*, *rampage*, *war* (ЛСВ 2), *warfare* (ЛСВ 2) (количеством 17 единиц) – размещены в зоне ближней периферии, выстраивая свое значение с помощью таких дифференциальных сем, как вид преступления против общественной безопасности, вид протеста, напр.: *sabotage* – *the act of doing deliberate damage to equipment, transport, machines, etc. to prevent an enemy from using them or to protest about something* (ср.: акт совершения умышленного повреждения оборудования,

транспортных средств, машин и т.д., чтобы не дать противникам использовать их или в знак протеста против чего-либо) [14, с. 1172]; убийство для достижения определенных политических, социальных, религиозных или идеологических целей: *massacre* (ЛСВ 1) – *the killing of a large number of people especially in a cruel way* (ср.: убийство большого количества людей, особенно жестоким способом) [14, с. 821] и характер проявления боевых или военных действий, напр.: *atrocities* – *a terrible, cruel and violent act, especially in a war* (ср.: страшные, жестокие и насильственные действия, особенно во время войны) [14, с. 69].

В зону дальней периферии вошли такие составляющие СР, как: *disorder* (ЛСВ 2), *coercion, intimidation, fierceness* (ЛСВ 2), *forcefulness, foul play* (ЛСВ 1), *frenzy, fury* (ЛСВ 1), *mob rule, pressure* (ЛСВ 4), *sadism* (ЛСВ 1), *strength* (ЛСВ 4), *trouble* (ЛСВ 5), *tumult* (ЛСВ 1), *turbulence* (ЛСВ 1), *rebellion* (ЛСВ 1), *revolution* (ЛСВ 1), *riot* (ЛСВ 1) *uproar* (ЛСВ 1) (19 единиц), значения которых привлекает такие дифференциальные семы, как убийство ради достижения определенных политических, религиозных, социальных или идеологических целей, напр.: *foul play* (ЛСВ 1) – *criminal or violent activity that causes somebody's death* (ср.: преступные или насильственные действия, приводящие к смерти кого-либо) [14, с. 532]; характер проявления боевых или военных действий, напр.: *fury* (ЛСВ 1) – *extreme anger that often includes violent behavior* (ср.: крайний гнев, который часто содержит в себе агрессивное поведение) [14, с. 549]; политика запугивания, напр.: *pressure* (ЛСВ 4) – *the act of trying to persuade or to force somebody to do something* (ср.: попытка убедить или заставить кого-то что-то сделать) [14, с. 1041]; вид протеста: *riot* (ЛСВ 1) – *a situation in which a group of people behave in a violent way in a public place, often as a protest* (ср.: ситуация, в которой группа людей ведет себя агрессивно в общественном месте, часто в качестве протеста) [14, с. 1149]; характеристика социально-политической ситуации: *mob rule* – *a situation in which a mob (a large crowd of people, especially one that may become violent or cause trouble) has control, rather than people in authority* (ср.: ситуация, в которой толпа (большая толпа людей, особенно та, которая может стать неуправляемой или вызвать проблемы) имеет больший контроль, чем люди, наделенные властью) [14, с. 853]

К маргинальной периферийной зоне принадлежат ЛЕ *brutality* (ЛСВ 1), *brute force, barbarism* (ЛСВ 1), *brutishness, barbarity, bloodlust, brawl, intensity, mayhem, might, savagery, severity, potency* (ЛСВ 1), *ferocity, ardency* (количество 15 лексем), значения которых содержит такие дифференциальные семы как: «характеристика социального беспорядка» и «характеристика социально-политической ситуации», напр.: *bloodlust* – *a strong desire to kill or be violent* (ср.: сильное желание убить или использовать насилие) [14, с. 128].

Приведенные единицы СР с синонимической доминантой (СД) *violence* составляют его «скелет». При этом среди них выделяются единицы *war* и *lawlessness*, которые сформировали собственные СР в пределах главного, а, следовательно, превратились во вторичные СД. СР с СД *war* объединяет 34 единицы, СР с СД *lawlessness* составляют 95 единиц, количеством расширяя главный СР и так же, как и последний, локализуя свои элементы в разных слоях периферийной зоны ЛСП *terrorism*.

Итак, разнокатегориальность и расслоение семантического наполнения микроконцептосферы *TERRORISM* максимально адекватно актуализируется в современном английском языке единицами развернутого ЛСП *terrorism*. Это ЛСП представляется комплексом взаимосвязанных элементов, которые содержат в своем значении локализованную в различных слоях его ядерно-периферийной структуры сему *terrorism*. Место указанной семы определяет удаленность единицы от ядра ЛСП, а именно принадлежность к переходной зоне, ближней, дальней или маргинальной периферии. С другой стороны, большинство членов ЛСП *terrorism* организуются в СР, распространяются от ядра через периферийные слои, рассекая информационную структуру поля на тематические сектора, которые мы определяем как парцеллы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жаботинская, С.А. Ономазиологические модели в свете современных школ когнитивной лингвистики / С.А. Жаботинская // С любовью к языку. – М. – Воронеж: ИЯ РАН, Воронеж. Гос. ун-т, 2002. – С. 115–123.
2. Красовский, Н.А. Лингвистические методы исследования эмоциональных концептов / Н.А. Красовский // Лингвистические парадигмы: традиции и новации. Мат-лы международного симпозиума молодых ученых «Лингвистическая панорама рубежа веков». – Волгоград: Перемена, 2000. – С. 18–28.
3. Кубрякова, Е.С. Виды пространства и дискурса / Е.С. Кубрякова, О.В. Александрова // Категоризация мира: Пространство и время: Материалы науч. конф. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1997а. – С. 15–26.
4. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, Рос. акад. наук. Ин-т языкознания. – 2004. – 560 с.
5. Левицкий, А.Э. Функциональные изменения в системе номинативных единиц современного английского языка: дис. ... доктора филол. наук : 10.02.04 / Андрей Эдуардович Левицкий. – К., 1999. – 396 с.
6. Манакин, В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К.: Знание, 2004. – 326 с.
7. Попова, З.Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1999. – 30 с.
8. Селиванова, Е.А. Когнитивная ономазиология: [монография] / Елена Александровна Селиванова. – К.: Изд-во украинского фитосоциологического центра, 2000. – 248 с.
9. Селиванова, О.О. Сучасна лінгвістика: термінологічна енциклопедія / О.О. Селиванова. – Полтава: Довкілля-К, 2006. – 716 с.
10. Fillmore, Ch. J. Frame Semantics / Charles J. Fillmore // The Linguistics Society of Korea (ed.) Linguistics in the Morning Calm. – Seoul: Hanshin Publishing Co, 1982. – P. 111–137.

11. Free Dictionary On Line [Электронный ресурс]. – Режим доступа к словарю : <http://www.freedictionary.com/terrorism>
12. Longman Exams Dictionary. – L.: Pearson Education Limited, 2006. – 1831 p.
13. Merriam-Webster Dictionary and Thesaurus [Электронный ресурс]. – Merriam-Webster Mass Market, 1-st ed., 2006. – 1232 p. – Режим доступа к словарю : <http://mw2.merriam-webster.com/dictionary/terrorize> 502
14. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – 6-th edition / Ed. by Sally Wehmeier. – Oxford University Press, 2000. – 1604 p.

Материал поступил в редакцию 28.02.17.

PROTOTYPE MODEL OF NOMINATIVE SPACE OF MICROSPHERE OF TERRORISM CONCEPT

I.V. Fatyanova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor
Donetsk National University, Donetsk

Abstract. *The investigation is an attempt to model the conceptual structure of the TERRORISM concept in terms of frame semantics. Using semantic analysis of the lexeme 'terrorism' and other items of naming space 'terrorism', range of items has been established, that fill the frame slots at different levels of generalization. Detailed structure of the concept allowed to reveal the conceptual foundations of substantive lexical-semantic field of terrorism, to reveal the units' combinations for its designation and their interconnections within the lexical-semantic system of English. The paper analyzes cognitive, semantic, onomasiological, structural and stylistic peculiarities of lexical means verbalizing the microsphere of TERRORISM in modern Anglo-American political discourse. The study determines the principles of lexical-semantic organization (generic-specific relations, core-periphery distinction and thematic stratification) of the nominative space denoting the concept TERRORISM and highlights the cognitive basis of the microsphere of TERRORISM verbal representation. It also works out the qualitative-referential pattern of the concept. Fragments of this pattern find their reflection in the semantics of present-day English designation units. Hyper-hyponymic relations as a type of synonymy are identified between the constituents of the space. The highlighting of the main dominant units of the concept 'terrorism' – violence, war and lawlessness – suggests the complex nature of the micro conceptual sphere TERRORISM, structured by the concepts TERRORISM, VIOLENCE, WAR, LAWLESSNESS. The paper also carried out a thematic parceling of terrorism nominative space, which is based on the selected synonymic rows. Among the reconstructed parcels the following are identified: PHENOMENON OF TERRORISM, AGENTS, PATIENT, TERRORIST ACTIVITIES, RESPONSE (COUNTERTERRORISM).*

Keywords: *concept, microsphere of concepts, prototype, nominative space, lexical-semantic field, lexical-semantic variant, semantic structure of the concept.*

════════════ **Comparative Historical, Typological and Comparative Linguistics** ════════════
 ════════════ **Сравнительно-историческое, типологическое**
и сопоставительное языкознание ════════════

УДК 81

**ИНОЯЗЫЧНОЕ ВЛИЯНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕКЛАМЕ.
 АНАЛИТИКА РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ В ЖУРНАЛАХ “COSMOPOLITAN”,
 “GQ”, “ESQUIRE”, “ALLURE” ПЕРИОДА ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 2016**

А.А. Устич¹, Л.Ю. Григорьева²

¹ студент бакалавриата, ² старший преподаватель

Департамент коммуникаций и медиа Школы Гуманитарных Наук,
 Дальневосточный Федеральный Университет (Владивосток), Россия

***Аннотация.** В статье рассматриваются заимствование и ассимиляция англо-американизмов в коммуникации молодежной аудитории. Заимствованные англо-американизмы и последующие креативные словообразования из них активно используются в конструировании рекламного текста. В статье аргументируются выбор объекта, предмета и метода исследования; приводятся результаты контент-анализа рекламных текстов с использованием: – иностранных слов и фраз; – латиницы и английских аббревиатур; – русифицированных заимствований из иностранного языка.*

***Ключевые слова:** англо-американизмы, заимствование, молодежная аудитория, рекламный текст, лингвистическая глобализация.*

С каждым годом процессы экономической глобализации возрастают, вызывая в научных кругах дискуссии о неизбежной трансформации социально-культурных и политико-идеологических ценностных установок современного общества. Изменения, привносимые глобализацией, проявляются в сфере повседневной жизни как феномен лингвистической глобализации. Не только статус английского как ведущего международного языка, но технологические новации в сфере коммуникаций благоприятствуют заимствованию новых слов, повседневной адаптации их в ином национальном языковом пространстве. Так, например, за последнее десятилетие в Германии жители чаще стали использовать английское слово «Ticket» (русский перевод «билет»), нежели национальное – «Busfahrkarte»; а в СМИ Японии слова с английским корнем всё чаще заменяют японские: «cuto» (от англ. «cute» – милый) – «kawaii»; «gesto» (от англ. «guest» – гость) – «okyakusan» [2, 5]. Лингвистическая глобализация – процесс взаимопроникновения языков в период глобализации с увеличением числа англо-американизмов в языках мира [5]. С одной стороны, в некоторых сферах распространение заимствований объяснимо, ведь они являются стилистической и лексической необходимостью. В политике, компьютерных технологиях, менеджменте, маркетинге, экономике использование американизмов мотивировано тем, что они составляют основную терминологическую базу в данных областях [6, с. 71]. Значительное количество иноязычной лексики, англо-американских заимствований появляется в рекламе в связи со следующими факторами. Во-первых, это обозначено проникновением непосредственно в русский язык неологизмов иностранного происхождения. Такие слова как сайт, интернет, джинсы, чипсы – не являются исконно русскими, но начали появляться в нашем языке с середины XX века, так как для проникающих в нашу повседневную жизнь новых явлений и вещей требовалось наличие наименования, отсутствующего в нашем лексическом запасе. Во-вторых, как было упомянуто выше, это вызвано необходимостью специальной лексики в различных профессиональных сферах общения, которая обслуживает их заимствованной терминологией. Отсюда появление слов: импорт, сайдинг, байт, лизинг и т.п.

В данной работе нас привлекает третий фактор использования иноязычной лексики – заимствования, в частности англицизмы, которые воспринимаются аудиторией как маркер престижности, принадлежности к определённым субкультурам и социальным кругам. Использование англо-американской лексики в рекламе не только подчёркивает интернациональный уровень продаваемого объекта, но и становится своеобразным якорем «внимания» для аудитории.

Необходимо разобраться, в каком виде в рекламных текстах тех или иных товаров и услуг используются иноязычные слова. Так, во всех рекламных текстах можно выделить: 1) частично ассимилированные слова, которые зафиксированы в профессиональных словарях и являются стилистическими или эмотивными маркерами. К таковым относятся слова: бургер, фаст-фуд, стейк, бестселлер, гаджет; 2) следующим блоком заимствований

являются слова, которые не вошли в лексическое ядро русского языка, но приспособились к его нормам и стали регулярно использоваться. К ним относятся такие слова как: постер, месседж, шопинг, перформанс, селфи, лужер и т.д. Как можно заметить, большинство из перечисленных слов принадлежит молодёжному сленгу, и их использование в рекламе товаров для данной категории потребителей продиктовано необходимостью стилистического соответствия направленности текста к аудитории; 3) также в рекламных текстах используются непосредственно иностранные слова, выражения и аббревиатуры. Часто в рекламе, обращённой к молодёжной аудитории, используются слова: lady, online, must have, IT, top [5, с. 94-95].

Помимо иностранных заимствований в рекламных текстах и нейминге широко используются иноязычные вкрапления в виде латиницы. Исследователь И.В. Высоцкая выделяет три вида употребления латинского написания: 1) вкрапление в русские слова иностранных букв. Часто латиница только заменяет русскую, оставляя её звук. Такое явление искажает графический и орфографический облик текста, буква может выделяться другим шрифтом или цветом; 2) замена части русского слова иностранными буквами русского путём междусловного наложения или выявления омонимии и замена её на иностранное слово, имеющее какое-либо дополнительное значение; 3) полная запись русского слова латиницей. Зачастую такая запись пытается имитировать иностранный бренд или же давать отсылку к интернет-порталу данного бренда [3].

Проблема влияния рекламного языка на повседневную практику межличностной коммуникации, или другими словами, влияния коммуникационных технологий на коммуникативные процессы, составляет актуальность данного исследования, а выбор краткого временного периода исследования подчёркивает динамичность изменений в современной языковой практике и формирует методологию для дальнейшего продолжения исследования. В качестве объекта исследования выбран формат креолизованного текста печатной рекламы глянцевого журнала, направленного на потребительскую аудиторию в возрасте от 15 до 34 лет. Предмет исследования – иноязычное влияние на современную печатную российскую рекламу указанной выше аудитории.

Одним из аспектов актуальности исследования рекламного текста является его сконструированный дискурс, оптимизированный лингвистическими, прагматическими средствами для определённой части общества, иначе, «сегмента целевой аудитории». Использование заимствований иностранного языка в рекламе, в первую очередь, отражает и речевую стилистику аудитории.

Демографические и социально-психологические тенденции развития современного общества свидетельствуют о повышенной чувствительности молодёжной аудитории к преобразованиям в обществе, – в общем, и динамичности в формировании новояза и разнообразных заимствований, – в частности. К молодёжи обычно относят население страны в возрасте от 15 до 34 лет. Поскольку данная аудитория рекламного продукта имеет широкий возрастной диапазон, мы можем понять, насколько она гетерогенна и разнородна. В неё входят и подростки, тинэйджеры, и студенты, и представители, ставшие вполне самостоятельными в финансовом отношении. Тем не менее, несмотря на гетерогенность психографических черт молодёжной аудитории, эти потребители товаров и услуг имеют общие черты, которые объединяют её как единую аудиторию воздействия рекламного продукта. Социально-психологические особенности данного круга потребителей таковы, что молодёжь наиболее отзывчива на рекламу [1]. Молодое поколение чаще принимает участие в промо и рекламных акциях, нежели другие возрастные группы, которые зачастую их игнорируют. К тому же в нашей стране молодёжь образует активную потребительскую группу для товаров и услуг. Люди в возрасте от 15 до 34 лет составляют 27,9 % населения России [4] (данные 2015 года), что позволяет ей являться наиболее привлекательной целевой аудиторией для производителей. Следуя из поставленной цели и гипотезе исследования, нами выбраны следующие журналы: «Cosmopolitan», «GQ», «Esquire», «Allure». Из выбранных нами журналов, «Cosmopolitan» и «Allure» имеют преимущественно женскую аудиторию, а «GQ» и «Esquire» – мужскую. Журналы рассматривались в электронном виде (косвенно указывающей на психографические характеристики изучаемой аудитории). Для исследования были выбраны номера журналов, изданных за временной период с октября по декабрь 2016 года.

Приведём краткое описание характеристик журналов (данные с официальных сайтов журналов). «Cosmopolitan»: тираж журнала – 545.000 экземпляров; периодичность выхода – 11 выпусков в год; аудитория: женщины – 82 %, мужчины – 18 %, возраст 16-34 лет – 75 % аудитории. «GQ»: тираж журнала – 65 000 экземпляров; периодичность: 11 выпусков в год; аудитория: мужчины – 65 %, женщины – 35 %, возраст 16-34 лет – 79 % аудитории. «Esquire»: тираж журнала: 70 000 экземпляров, периодичность: 11 раз в год; аудитория: преимущественно мужчины в возрасте 25-35 лет. «Allure»: тираж журнала: 125 000 экземпляров, периодичность: 11 выпусков в год; аудитория: женщины – 84 %, мужчины – 16 %, возраст 18-34 лет – 66 % всей аудитории журнала.

В качестве метода исследования нами выбран метод контент-анализа. Как известно, метод контент-анализа используется в социальных науках более ста лет. Основные процедуры контент-анализа были разработаны американским социологом Г. Лассуэллом. Также вклад в разработку, описание и изложение метода внесли Ч. Осгуд, Ж. Клейзер, А. Моль. Метод контент-анализа должен отвечать трём основным показателям: системность, объективность и формальность, измеримость. Для проведения контент-анализа рекламного продукта выделены следующие единицы подсчёта: а) иностранные слова и фразы в рекламном тексте; б) латиница, английские аббревиатуры; в) русифицированные заимствования из иностранного языка. В анализе содержания не учитывались названия бренда или определённого рекламируемого товара на английском языке. Ниже представлены результаты проведённого исследования, где отмечено количество рекламных текстов с вышеперечисленными единицами в выпусках журналов за три месяца (октябрь, ноябрь, декабрь 2016 года).

Таблица 1

Результат контент-анализа 280 рекламных текстов в журнале «Cosmopolitan»

Единицы подсчёта	12.2016	11.2016	10.2016
Иностранные слова и фразы в рекламном тексте	18	27	19
Латиница, английские аббревиатуры	7	3	4
Русифицированные заимствования из иностранного языка	18	5	11

Таблица 2

Результат контент-анализа 135 рекламных текстов в журнале «GQ»

Единицы подсчёта	12.2016	11.2016	10.2016
Иностранные слова и фразы в рекламном тексте	17	11	21
Латиница, английские аббревиатуры	1	1	2
Русифицированные заимствования из иностранного языка	5	1	4

Таблица 3

Результат контент-анализа 42 рекламных текстов в журнале «Esquire»

Единицы подсчёта	12.2016	11.2016	10.2016
Иностранные слова и фразы в рекламном тексте	9	8	12
Латиница, английские аббревиатуры	2	4	2
Русифицированные заимствования из иностранного языка	5	5	6

Таблица 4

Результат контент-анализа 78 рекламных текстов в журнале «Allure»

Единицы подсчёта	12.2016	11.2016	10.2016
Иностранные слова и фразы в рекламном тексте	12	18	15
Латиница, английские аббревиатуры	4	5	2
Русифицированные заимствования из иностранного языка	6	7	5

В результате проведенного контент-анализа нами определено, что из 535 рекламных текстов в исследованных журналах (возрастной аудитории от 15 до 34 лет), 34,9 % текста содержали иностранные слова и фразы на английском языке.

Достаточное количество анализируемой рекламы содержит текст только на английском. Такие тексты чаще всего сопровождают иконичную рекламу. Также в рекламе молодёжных товаров замечена тенденция использования отдельных иностранных фраз под знаком хэштега. Знак хэштега учитывает и коммуникационный аспект поведения аудитории, и политику клиент-ориентированных брендов. Однако чаще всего в рекламных текстах встречались отдельные иностранные слова, которые дополняли основную информацию. Пример подобного рекламного текста приведен на рисунке 1.

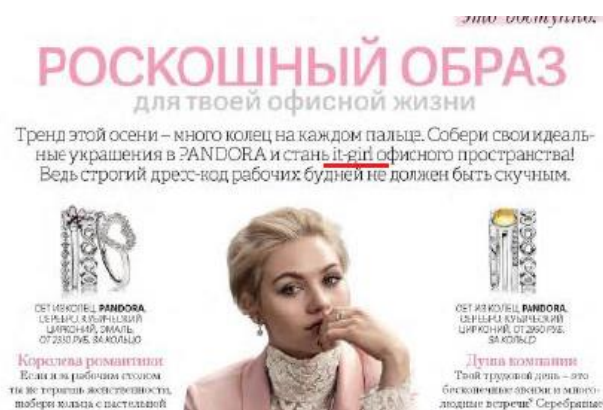

Рисунок 1. Использование отдельных английских слов в русскоязычном рекламном тексте

Из общего объёма обработанной информации в 6,9 % рекламных текстов встретились английские аббревиатуры и слова, записанные на латинице. К таковым относятся распространённые английские сокращения музыкальных стилей – «RNB», «POP», «POP-UP», звукоподражания – «ZOOM-ZOOM», «uhhh...», распространённые аббревиатуры и сокращения – «OMG», «SOS», «SPF», «PRO», «ULTRA». В одном рекламном тексте было выявлено смешение латиницы с кириллицей, так в рекламе Lacoste появилось слово «Shazамь» (от смешения названия популярного приложения для смартфонов с русским глагольным окончанием). Иллюстрация упомянутого рекламного текста приведена на рисунке 2.

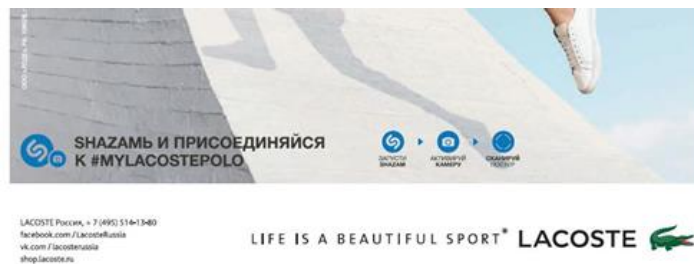

Рисунок 2. Смешение кириллицы и латиницы в рекламном тексте

Также в 78-и рекламных текстах, что составляет 14,5 % от общего объёма, были использованы русифицированные заимствования из иностранного языка. Наиболее часто употребляемые категории: одежда (аутлет, дресс-код, клатч, парка, хайкеры, кожи, дерби), косметические средства (детокс, флюид, филлер, бьюти, хайлайтер), слова общего употребления (шопинг, бренд, мини, хит, дистрибьютор, промокод), электроника (айфон, смартфон, онлайн), еда (стейк, бургер).

Таким образом, в 535 рекламных текстах, исследованных методом контент-анализа в журналах «Cosmopolitan», «GQ», «Esquire» и «Allure» были найдены: 187 текстов, состоящие полностью из английского текста либо содержащие английские фразы или отдельные слова; в 37 были зафиксированы латиница и английские аббревиатуры, а также 78 содержали русифицированную заимствованную лексику английского языка. Рассмотренный материал позволяет сделать вывод о значительности иноязычного влияния на язык современной российской рекламы и повседневной языковой практики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акчурина, Е.М. Молодёжь как целевая аудитория современной рекламной компании / Е.М. Акчурина // Всероссийский журнал научных публикаций, 2011. – №5 (6). – С. 56-58.
2. Алпатов, В.М. Американизация японского и русского общества по языковым данным / В.М. Алпатов // Российское востоковедение в память о М.С. Капице. Очерки, исследования, разработки. – М., 2001.
3. Высоцкая, И.В. «Своё» и «Чужое», или взаимодействие кириллицы и латиницы в современном рекламном тексте / И.В. Высоцкая // Вестник ННГУ, 2010. – №4 (2). – С. 471–474.
4. Демографический ежегодник России. 2015. // Стат. сб./ Росстат. – М: Росстат, 2016. – С. 21-25.
5. Нарочная, Е.Б. Иноязычные слова в современной российской публицистике / Е.Б. Нарочная, Г.В. Шевцова // Язык и культура, 2009. – №4 (8). – С. 84–97.
6. Пахаренко, С.В. Лексические заимствования в русском языке как объект лингвокультурологического исследования / С.Ф. Пахаренко // PHILOLOGY, 2016. – № 2(2). – С. 70–72.

Материал поступил в редакцию 20.02.17.

FOREIGN-LANGUAGE INFLUENCE ON THE MODERN RUSSIAN ADVERTISING. ANALYTICS OF ADVERTISING TEXTS IN “COSMOPOLITAN”, “GQ”, “ESQUIRE”, “ALLURE” MAGAZINES FOR OCTOBER, NOVEMBER, DECEMBER 2016

A.A. Ustich¹, L.Yu. Grigoryeva²

¹ Bachelor Student, ² Senior Lecturer

Department of Communication and Media, School of Humanities,
Far Eastern Federal University (Vladivostok), Russia

Abstract. This article deals with the linguistic borrowing and assimilation of Anglo-Americanisms in the communication of youth audience. The borrowed Anglo-Americanisms and their subsequent creative word formations are actively used in the advertizing texts. In the given article the choice of object, subject and method of research are reasoned; the results of content analysis of advertizing texts with foreign words and phrases, Latin and English abbreviations, the Russified adopted words from foreign language are given.

Keywords: Anglo-Americanisms, linguistic borrowing, youth audience, advertizing text, linguistic globalization.

Languages of Peoples of European, Asian,
African countries, Aborigines of America and Australia
Языки народов зарубежных стран Европы, Азии,
Африки, аборигенов Америки и Австралии

УДК 811.521

ЯПОНСКИЕ НАРЕЧНЫЕ ПОКАЗАТЕЛИ УСЛОВНОЙ СВЯЗИ

С.В. Чиронов, кандидат филологических наук,
заведующий кафедрой японского, корейского, индонезийского и монгольского языков
Московский государственный институт международных отношений, Россия

Аннотация. В статье с опорой на корпусные данные рассмотрены семантико-прагматические характеристики японских наречий-маркеров условной конструкции. Выявляется сложное, нелинейное распределение (с областями пересечений) между ними маркируемых признаков, таких как гипотетичность, маловероятность, (не)желательность, необходимость условия или независимость от него. Отдельное внимание уделяется следам межъязыкового взаимодействия (с китайским языком) в формировании дискурсивных значений рассматриваемых единиц.

Ключевые слова: японский язык, наречие, корпусные данные, условность, аргументация, фактивность.

В исследованиях по японским наречиям в числе модальных наречий, удовлетворяющих параметрами соотнесения со всем содержанием клаузы (а не подчинения сказуемому) и автономности от пропозиционального содержания (которое не меняется при их удалении из предложения), а также характеризующихся ограничениями сочетаемости с определёнными финальными грамматическими показателями (полярностью) называются и условные наречия [11]. Однако до сих пор, насколько нам известно, им не было посвящено отдельной работы. Целью настоящей статьи является восполнить этот пробел, уточнив тот вклад, который вносят в смысл предложения данные единицы – наречия *moshi*, *tatoe*, *kari-ni*, *mangaichi* и *hajimete*. Выясняя тенденции их употребления, мы используем материалы корпуса [12]. За пределами нашего внимания остаётся ряд наречий, для которых условная конструкция является лишь одним из характерных контекстов наряду с придаточными причины, восклицательными предложениями и др., как, например, *doose*, см. [5].

Закономерен вопрос, почему специфическое наречное маркирование, согласно, например, той же статье Х. Кудо [11], в японском языке получают не все, а лишь определённые типы конструкций. Для случая условной связи причина, по-видимому, в отсутствии однозначных грамматических показателей условной связи – в отличие от многих других типов межпропозициональных отношений, например, причинности. Существование не одного «единого», а нескольких грамматических способов выражения условности, большинство из которых передают также таксисные или иные отношения, накладывается на принцип последовательного «левого членения», когда грамматические показатели группируются в конце предложения, а значит, в потоке звучащей речи предъявляются слушателю в последнюю очередь. Всё это в совокупности определяет востребованность эксплицирования характера синтаксической связи на как можно более раннем этапе, см. [1, с. 257-258]. В результате, при обязательности грамматических средств, с наречными показателями получается картина, напоминающая статус элементов условной конструкции в китайском типа (*ru2guo3*) + (*dehua4*) + (*na4me*), каждый из которых по отдельности факультативен, но поддерживает и усиливает верную трактовку контекста.

Наиболее близко к универсальному показателю условности *moshi*. Оно встречается со всеми показателями условности и всеми типами канонической условной связи – реальной, гипотетической, контрфактической (ирреальной). Случаев, когда за наречием возможно признать чёткую смысловозначительную функцию, немного – как правило, иные значения кроме условных (например, таксисные) не поддерживаются прочими показателями (так, трактовку в плане последовательности по времени не допускает стативный предикат в главной части предложения, в том числе прилагательное и связка) или отсеиваются на уровне логического анализа контекста. Ср. пример с моментным глаголом, где обнуление фактивности пропозиции в зависимой части, характерное для условной конструкции, достигается лишь с введением *moshi*: *そのいい方が、ちょっといい感じだったね、いまの「会って、意気投合して...、{もし/0}、彼女になったら、もう、こういうテレフォンクラブに来ることは、しません？」 // А этот был ничего, вот сейчас...» «Встретитесь, понравитесь... Ну а {если/как} сойдётся – ведь не будешь уже приходить?» (Т. Уэхара «Когда все друзья меня обгонят» 1996) [12]*

В случаях итеративной и обобщённой зависимости, которые могут трактоваться как расширение или

отклонение от канонической условной конструкции, примеры с *moshi* найти оказывается довольно сложно. В первом случае можно говорить о том, что наречие, сопротивляющееся фактивной пресуппозиции в итеративности контекста, поддерживает трактовку события как единичного, происходящего с определённым предметом, тем самым компенсируя отсутствие соответствующих грамматических показателей. Во втором его роль заключается в подавлении топикализирующей функции (она особенно характерна для условного союза *nara*). Существующие примеры с точки зрения макростатуса высказывания относятся к контекстам совета или иного «каузирования знания», когда утверждение о вневременном или настоящем положении вещей прагматически как бы транслируется в будущее, а интрига заключается не в том, какие последствия имеет выполнение условия обычно, всегда, а в теоретической ситуации, которая лишь может возникнуть у адресата. Кроме того, в сочетании с «алгоритмическим» союзным словом *baai* вклад наречия на уровне уточнения смысла высказывания не улавливается, и за ним можно признать лишь вспомогательную сигнально-антиципационную функцию. Не исключено и употребление слова, осознаваемого как обычный элемент условной конструкции, по аналогии со сходными контекстами: *これに基づき船荷証券が発行されます。もし、リマークがある場合には、故障付き船荷証券が発行されます。// На его основании выпускается коносамент. В случае, если нужно сделать какие-либо пометки, выпускается дефектный коносамент* (Т. Катаяма «Общедоступные правила внешней торговли» 1996) [12]

Специфические случаи условности представляет собой такая связь, при которой вершиной главной части является перформативный или ментальный глагол, необязательно вербализуемый в поверхностной структуре. Именно с ним и соотносится находящееся в ассерции условие – а не с содержанием пропозиции при нём, связанное с зависимой частью лишь логически. К первому типу относятся контексты условности в иллюкутивной сфере [9], где в аподозисе содержится совет, предложение, комиссив. Тогда зависимую часть саму можно рассматривать как косвенный вопрос или запрос позволения, см. [4, с. 19]: *もし、どうしてもしたいのであれば、内科に行き正式な腸管洗浄を依頼した方が良いでしょう。// Если вы во что бы то ни стало хотите это сделать, то лучше сходить в поликлинику и попросить, чтобы вам прочистили кишечник по всем правилам* (форум «Яху тизбукуро» 2005). Сюда относятся и расхожие зачины, которыми говорящий проверяет условия успешности основного речевого акта (приглашения, предложения и т.п.), который и осуществляется затем: *moshi+yokattara/yokereba* = *если Вы хотите/согласны* (63/30 вхождений), *moshi+sashitsukaenakereba* = *если не возражаете* (5). Удаление наречия из такого контекста делает высказывание менее учтивым и более фамильярным, неожиданным, поскольку тогда пропадает ясность насчёт того, что говорящий каким образом не презюмирует фактивности условия, что означало бы вмешательство во внутреннюю «сепархию» собеседника и ущерб для его «лица». Дополнительный акцент на том, что речь не идёт ни о чём решённом, делается, когда наречие отделяется от остального условного придаточного коммуникативной частицей *ne* (транслирует кооперативный настрой), и паузой. В примере ниже осторожность такого зачина нужна для баланса с довольно смелой просьбой: *もしね、買い物の都合でお金が剩ったら腕時計を買ってこない？ // Слушай, если вдруг после покупок останутся деньги, не купишь мне наручные часики?* (Дз. Танидзаки «Золотая смерть» 2005) [12]

Присутствие глагола ментального действия в положении вершины главной части составляет случай т.н. логической условности. В японском корпусе такие примеры буквально приходится выискивать. Так, мы не зафиксировали ни одного случая, где состав показателей условности ограничивался бы, помимо наречия, лишь «голой» грамматикой. По всей видимости, примеры типа *へえ、水泳部だったのなら、泳ぎが上手なのね* = *О-о, ну, раз он занимался в секции, значит, плавает неплохо* [10] в «комплектации» с одним лишь наречием *moshi* вообще невозможны. Во всех обнаруженных нами примерах протазис усиливается логическим оператором предположения / допущения *to suri*, судя по всему, так же необходимым для устойчивости предложения с логической условностью, как и русское *значит*, см. [4]. В максимальном «снаряжении» в аподозисе также появляется ментальный оператор, и в результате вся конструкция выражает соотношение между ментальным процессом и его результатом: *Q to sureba P koto-ni naru* = *если допустить, что Q, то, получается/выходит/значит P*. Однако в наличных примерах вывод, или следующий логический шаг, выражаемый в аподозисе условной конструкции, представляет собой лишь следствие, в том числе обобщение: *もしそれが事実であるとすると、そこから浄御原令制下の班田収授法が復原できることになる* // *Если, положим, это факт, то, получается, по этим данным можно восстановить закон о выдаче земельных наделов кодекса Киёмихары* (ред. Н. Ватанабэ «История землевладения» 2002), ср. тж. без полного набора элементов: *本隊は、海岸から二キロか三キロは奥地に侵入しているはずだ。もし、発見しているとすれば、この近くだと渡辺はおもう。// Основной отряд по логике должен был углубиться на 2-3 километра вглубь от береговой линии. Если, допустим, их и засеки, то где-то здесь, - подумал Ватанабэ.* (К. Оно «Самоубийство Исороку Ямамото» 1996). Примеров же с *moshi*, где с точки зрения таксисных отношений, а также онтологически P предшествовало и детерминировало бы Q (*если земля мокрая – значит, был дождь, коли бьёт – значит, любит*), мы не обнаруживаем. В близком примере с «усиленным» аналогом *moshi* – наречием *moshimo* [14, с. 549] наблюдается куда более сдержанное отношение говорящего к истинности пропозиции-условия, чем в приведённых русских примерах, альтернативность её вербализуется: *A・ヘブバーンは「アンは私の一部だ」と言った。もしもあなたがアンに共感したのなら、あなたの中にもアンは住んでいる。そうでなければ、共感はおこらない。// О. Хепберн говорила: «Анна – это часть меня». Если вдруг Вы почувствовали Анне, то, значит, такая же Анна живёт внутри вас. Не будет этого – и сочувствия не будет.* (журнал «Космополитен» № 3(245) 2001). Вообще, судя по рассуждениям Н. Амихамы, более выражением для такой связи «обратной логики», обычной для ряда разнотипных языков,

в японском является причинность [10] в такой её разновидности, как «основание суждения», см. [16]. Кстати, и отсутствие в корпусе сочетаний *moshi* с показателями конструкции «достаточного основания» *karaniwa* и *ijoo* (ср. рус. *раз, раз уж*) также лишний раз подтверждает их промежуточный статус между условными и причинностными.

В ещё одной группе примеров, сочетающихся с наречием *moshi*, позицию вершины протазиса по сути занимает утверждение об истинности некоей пропозиции, введённой ранее в дискурсе (например, собеседником). Вершиной главной части при этом может быть как логическое следствие, так и выражение побуждения. Такой тип условности, связываемая с союзом *nara*, по выражению Т. Масаоки, носит метаязыковой характер [15, с. 210], что может эксплицироваться введением речевого глагола в зависимую часть: *あなたがもし、それでも友情を大切にしたい、というならアクセスすればよろし。* // *Если ты, тупа, хочешь всё равно сохранить дружбу, то ради бога, можешь заходить на эту страничку* (форум «Яху тиэбукуро» 2005) [12]

Помимо упомянутого *moshimo*, близки к *moshi* также наречия *moshiya* и *moshika*, представляющие собой, судя по данным употребления, контаминацию *moshi* и, наиболее вероятно, происходящего от него эпистемического наречия догадки *moshikashite /moshikashitara* [6]. Что касается *moshimo*, то мы не обнаруживаем с этим словом лишь канонические условные контексты, характеризующие притом пониженной степенью вероятности, приписываемой событию-условию, как видно из сравнения с вариантом с употреблением *moshi*: {もし/もし}富士山が噴火したら・// *Если {вдруг/0} будет извержение Фудзиямы...* (блог сайта «Яху» 2008). Негативным восприятием событий-условий, вводимых этим словом, объясняется распространение устойчивых оборотов с ним в определительной позиции при семантически пустых (служебных) именах-ссылках на гипотетическое событие: *koto, hanashi, toki*. В свою очередь образуя условную конструкцию, эти обороты – *moshimo-no toki, moshimo-no koto-ga areba* позволяют охарактеризовать событие, не называя его, ср. рус. *если что, в случае чего*. Примеров с логической или иллокутивной условностью с этой дефектной версией *moshi* нет.

Остальные наречия обслуживают более частные категории условности по сравнению с *moshi*, хотя, судя по наличию коллокаций, где они располагаются как правее, так и левее его, говорить о чётких ярусных отношениях между единицами нельзя. Среди них *kari-ni*, маркирующий гипотетическое условие, может рассматриваться как калька китайского заимствования *jia3shi3*, употреблявшегося в средневековом письменном языке *камбун*. Фактически наречие, записываемое тем же иероглифом, соответствует переводу первого компонента слова – оператора, означающего принятие за «истинное для оперативных нужд» (как правило, аргументации) пропозиции, чей истинностный статус при этом остаётся неясным как нерелевантный (т.е. суппозиция у О. Дюкро [7]). Второй же компонент с каузативным значением, как в операторах «предположим, допустим» (об их участии в формировании условного значения см. [1, с. 258]), в таком переложении китайской грамматики на японский лад, например, в *yomikudashi*, т.е. японизированных прочтениях письменных текстов *камбуна*, «переводится» через грамматическую концовку зависимой части – либо уже упоминавшийся оператор *to suri*, либо оператор предположительной уступительности *tomo* (соотносится с современными *temo* или *shiyoo-tomo* [3, с. 74]), что мы и видим в примерах: *なるほどマルチ商法の方が被害が大きいき、悪質であるとは言えますけれども、しかし、仮に額は小さくても、訪問販売によって絶えず消費者は脅かされている。そういうことを根絶するためにも、厳しい予防的な措置がとられる必要があると思うのです。* // *Ясно, что ущерб от финансовых пирамид огромен, и создаются они изначально с неблагоприятными намерениями. Но пусть ущерб, допустим, не столь велик – эти коммивояжеры уже замучили потребителей. Чтобы искоренить это, нужны жёсткие превентивные меры* (парламентская стенограмма 1976). [12]

Следует заметить, что само по себе *kari-ni* передаёт лишь гипотетичность, но не контрфактивность условия. К этой функции отзыва фактивности («я этого, заметьте, не утверждаю!») особенно привлекается внимание в случае обособления наречия паузой, коммуникативной частицей *ne* или связкой *desu* с коммуникативной частицей привлечения внимания *yo*, повторов: *ある意味では九条の解釈についても同じことが言えるだろうと思うんですが、仮にですよ、仮に我が国が侵略戦争をされるような、入ってこられたときに // В каком-то смысле о 9-й статье нашей конституции можно сказать то же. Вот если, допустим – я говорю именно «допустим» – в отношении Японии была бы развязана агрессия...* (там же 2000)

Дополнительно усиливает скепсис говорящего в отношении истинности условия мена оператора *to suri* на *ni suri*, подразумевающий (не только для логических умозаключений) решение-выбор из набора альтернатив. Тем самым гипотетической предлагается считать (т.е., «подвесить» истинный статус) уже не некоторую пропозицию, произвольно вводимую самим говорящим для нужд своей линии рассуждения, а такую, которая уже присутствует на этот момент в дискурсе, куда включаются, выходит, и утверждения собеседника. Трактовать это как реверанс в сторону адресата, «не доводящий» до прямого отрицания его тезиса (пока он не будет опровергнут последующими рассуждениями), или как «шаг назад» по сравнению с позицией собеседника, когда одно из его утверждений, делаемых с презумпцией истинности, не просто лишаются такого статуса, а объявляются нерелевантными для дискуссии (чем ломается линия аргументации партнёра) – зависит от степени кооперативности обмена и тона разговора: *仮に国際的評価があったにしてもそれは単なる評論であって何らの力も強制力もありません。* // *Даже если, положим, это и оценили в мире [говорящий так и не считает, и не находит это важным], это же только оценка, и никакой законной силы она не имеет* (форум «Яху тиэбукуро» 2005), ср. *どうしてそうなったか、どういう資料に基づいて判断されたのか、説明してほしい。仮に、正当な評価がされたとしても、その評価に見合うきちんとした人事が行われな*

ければ // Хотелось бы знать, как, на основании каких данных было принято решение. Ведь если, **положим, оценки и были даны верные** [говорящий позитивно оценивал бы это и не отрицает такого факта, что делает его критику более осторожной и корректной], их следовало отразить в соответствующих кадровых решениях... (К. Баба «Опыт законотворчества» 2002) [12]

Прямым заимствованием из китайского является **man(ga)ichi** («один на десять тысяч») [2, с. 178] с прозрачно передаваемой семой маловероятности события (которая попадает в ассерцию всего высказывания с условной конструкцией). Само это значение обыгрывается на металингвистическом уровне: **そういう人を、もし仮に万が一であろうが、百万が一であろうが可能性が絶無と言えない以上、政府としては、都道府県としてはそれを防止する義務があるであろう、それが国民に対する責任だというふうに**// *Вот для таких людей, пусть один шанс из тысячи, что это произойдёт, пусть один из миллиона, до тех пор, пока вероятность не будет нулевой, ответственность перед гражданами и правительства, и местных властей...* (парламентская стенограмма 1988) [12]

Производным можно признать вариант употребления **mangaichi** в определительной позиции при фиксированном круге служебных имён (*toki, baai*) с образованием вторичного условного придаточного, напр. **万が一の災害のときには** = *в случае, не дай бог, стихийного бедствия*. В японском будущее событие (или то, о котором лишь в будущем поступят сведения) не обязательно нежелательно, а лишь маловероятно, ср. рус. *паче чаяния* (немаркированное) vs. *не дай бог* (маркированное негативное событие).

Характерный для наречия **tatoe** контекст реализации пропозиции, описываемой в главной части, несмотря на выполнение условия, подпадает под категорию «безусловной связи», выделяемой в китайской грамматике (вводится препозитивным *bu4guan3*) [2]. Правда, тогда как в современном китайском так в основном обозначается независимость «главной» пропозиции от двух или более альтернативных условий, то с **tatoe** таких примеров всего несколько: **戦争がたとえ抑止のためのものであろうと、報復のためであらうと、征服の意志に基づく武力行使である** // *Война, служи она целям сдерживания или же возмездия, всё равно есть применение силы для покорения врага* (газета «Санкэй», веч. вып. 12.11.2005) [12]

Тезис о «крайнем проявлении» [14], маркируемом **tatoe**, перекликается с идеей шкалы обычности (приемлемости) различных ситуаций [2], на которой в данном случае пропозиция-условие занимает положение, удалённое от «центрального» или «прототипического». Под последним здесь понимаются более обычные, легко реализуемые условия, при каких пропозиция главной части гарантированно была бы истинной. Говорящий же утверждает, что истинность пропозиции-вывода не изменится даже несмотря на действия или события, приближающие обратное положение (это и есть вводимое условие). Таким образом, по вкладу в смысл высказывания наречие напоминает русское *даже*. При этом морфологически зеркальные ему японские частицы *saе* и *tade*, имея сферой действия условную часть (то есть, внедряемые непосредственно в её группу предиката либо передвигаемые в группу субъекта или дополнения), получают иную интерпретацию – какую в условных придаточных выполняют рус. *только, аж*. Кроме того, сравнение степени удалённости условной пропозиции от «обычного» «центра» показывает, что японское наречие обслуживает более широкий круг условий, тогда как русское *даже* захватывает лишь наиболее периферийные ситуации: **警備員が四六時中、入場者をチェックしている。たとえ部外者が警備員の隙を突いて侵入しても、IDカードを差し込んで暗証番号をプッシュしないと、ドアは開かない仕組みになっている** // *Охранники круглые сутки следят, кто входит. Даже если, допустим, кто-то посторонний просочится мимо охранника, всё равно всё устроено так, что на входе нужно вставить карточку и ввести пинкод* (газета «Кобе симбун» 26.11.2001), ср. **とても嬉しいし、とても一救われるのよ。もしたとえそう見えなかったとしても、そうなのよ** // *Я очень рада, и ты прямо меня спас. Даже если, допустим, так не показалось, всё равно это правда* (Х. Мураками «Норвежский лес» 1987), ср. тжж. **玄関に訪ねてきた客が、呼び鈴を押す。高度にネットワーク化されたあなたの家では、たとえあなたが不在でも、携帯電話で玄関の来客とやりとりができる。** // *Гость звонит вам в дверь. Ваш дом подсоединён к сети, и в ваше отсутствие гость всё равно может связаться с вами по мобильному телефону* (газета «Йомиури» веч. вып. 2.04.2002) [12]

В отличие от *kari-ni*, условие, вводимое **tatoe**, не обязательно задаётся как гипотетическое. Наречие обслуживает и случай генерализации: **その学区の中で学校間連携みたいなことをやって、これから特色ある高校をつくるわけですから、いろいろな特色のある高校が、A校、B校、C校とできてくるわけであります。たとえB校に入っても、そこにはない単位がA校やC校にある場合に、学校間連携をすることによって** // *Поскольку школы района заключили соглашение, будут создаваться школы с различными специализациями – А, Б, В. И если вы поступили в школу Б, то, если предметы, которые там не преподаются, есть в программах школ А и В, всё равно через соглашение...* (парламентская стенограмма 1996)

Идея периферийного положения на некоей шкале плохо вяжется со случаем безусловной связи со скалярным показателем как вершиной условной части (то есть, главная часть верна при любом скалярном значении признака). Отсюда «странность» примера: **これは実態ははっきりしておりまして、こういう流通段階がたとえ幾らあろうとも、それぞれの段階において追跡していけば、そこに適正のマージンというものはあるはずであろうと考えられるわけです** // *Положение ясно: сколько, допустим, ни было бы звеньев сбытовой цепочки, на каждом этапе, если это дело расследовать, по идее возможно установить справедливый размер маржи* (парламентская стенограмма 1976) [12]

Естественно возникает вопрос о соотношении условного наречия **tatoe** с оператором введения примера

tatoeba с аффиксом условности при той же глагольной основе. Оказывается, пропозиция с *tatoeba* = *например* на продолжительном отрезке речи не только получает тот же статус «подвешенной» фактивности, что и в условном придаточном, но и имеет тенденцию использоваться в аргументации в условной функции, чаще всего – гипотетического типа. «Примерная» ситуация вводится как опора для некоторого доказательного построения, зиждящегося на допущении о её верности. Нечто подобное мы видим и в русском, где схожие «условно-фактивные» конструкции со снятой фактивностью также вводятся словами *например*, *вот* даже без специального оформления показателями условности: *Вот ты опаздываешь на работу* [следует описание следствий из этого воображаемого положения вещей]. Косвенным образом на данных японского это подтверждается также соположением *tatoeba* с рассмотренным нами оператором гипотетической условности *kari-ni* – контактное в 4 вхождениях, дистантное в 20. Ср. также: **例えば、あなたが積み木をどんどん積み上げていきたいと思います。そうすると、その積み木が高くなるにつれ不安定になって、そのうちには崩れますね // Например, вы складываете палочки. Тогда, чем больше их уложено, тем неустойчивее всё становятся, и в конце концов всё рухнет, верно?** [полностью воображаемая ситуация] (форум «Яху тиэбукуро» 2005) [12]

Принято считать, что в японском языке (и сходных с ним) неразвиты корреляционные союзы, одна из функций которых в речи – разметка «входа» в главную часть, отсюда – неестественность (или вообще игнорирование) в «перевод» камбуна китайского *er3* как *soshite*. В последнее время, правда, этот класс активно пополняется анафорическими выражениями типа *sonotoki*, *soosuruto* и др., повторяющими свойственное «алтайскому типу» нефинитное оформление конца подчинённого члена, который тем самым может обособляться в отдельное предложение. Условную связь (а именно вид безусловной зависимости) обслуживает подобная единица ***soredemo***, в употреблении в качестве сентенциального наречия являющая собой пример некоторого семантического развития по сравнению с простой суммой составляющих. Так, в примерах с реально-уступительным значением преимущественным контекстом употребления становится осознанное игнорирование деятелем некоего препятствия: **夫は私の趣味や嗜好については全く興味など示しません。私はそれでも構いませんし、ましてやそれについて怒ろうなんて思いません。お宅ではどうですか? // Муж несколько не интересуется моими интересами и вкусами. Но мне **и так** хорошо, возмущаться я и не думаю. А как у вас?** (форум «Яху тиэбукуро» 2005) Сходный оттенок упорства, но уже в отстаивании говорящим своей позиции видим в примерах с гипотетической условностью при иллюкутивном содержании (убеждение) главной части: **「ちえつ、たつた五発じゃア、ないのと同じだ」「それでもねえさ、正確に狙えば、五人は倒せる」 // «Чёрт! Пять пуль – это ж всё равно что и не стрелял» «Но и так, слышь, уже, считай, уложил пятерых, если целиться как следует»** (М. Саотомэ «Последние защитники сёгуна» 1991). В данном смысле наречие составляет пару с *tatoe* в условной части, где оба элемента поддерживают и уточняют друг друга: **しかし、難しいものにとえ一日中かかりつきりになっても、それはそれでもいいのではないでしょうか。 // Но даже если, **положим**, весь день положил на какое-то трудное задание, **и так** тоже ведь неплохо, правда ведь?** (К. Васида «Как распоряжаться своим временем» 2000) [12]

Специализированным наречием с функций, близкой к коррелятивному союзу в аподозисе, является ***hajimete***, также представляющее собой приспособление к отдельной ситуации употребления лексемы с более широкой семантикой («впервые»). В нынешнем виде эта ситуация отвечает понятию исключительной условности, выделяемой для случая китайского *zhi2you3* [2]. В ряде языков, например, в английском и русском такое значение выражается сочетанием условного оператора с ограничительной частицей, однако в японском такой способ хотя и возможен (правда, лишь с одним оператором *baai ni (oite) + moti* = *исключительно в случае...*), но громоздок и неупотребим в устной речи. Развитие значения от временного к условному сопровождается запретом на выражение условности в протазисе, где фигурируют глагол в форме «срединной сказуемости» на *-te* (помимо следования выражает также и причинность, ср. рус. *и*) или обстоятельства времени или способа действия. Формально конструкция остаётся как бы временной (и является таковой для конкретной ситуации в прошлом), что показывает глубокую связь между условными и временными отношениями, а условная связь выражается как «скрытая». Конструкция действует как для конкретных ситуаций в будущем, так и для итеративной или генерализованной условности, см. пример из переводного соссюрковского текста: **言語は個人にあっては完璧足ることなく、大衆にあって始めて存在する // Язык не может быть совершенен у отдельного человека и становится совершенным, **только** когда им пользуется публика** [13, с. 24]

На прагматический потенциал влияет позиция отрезка с *hajimete* в предложении: если на него падает логическое ударение главной части, то выдвигаемое условие становится основой совета, предложения, высказывания о должном положении вещей, предостережения. Характерной вершиной такого аподозиса становятся оценочные предикаты типа *kapoo-ni naru/de aru* = *возможно* (35), *imi-ga aru* = *имеет смысл* (12). Но и в подчинённом положении выделяемое условие обнаруживает свойство притягивать на себя логическое ударение, ср.: **「多くの県民に利用してもらって初めて存在意義がある」という発想から、敷居の高さをなくそうとセンター内を土足にし... // Исходя из того, что смысл будет, **только** если пользоваться центром будет как можно больше жителей префектуры, пол в нём сделали в один уровень с землёй** (газета «Коти симбун» 27.08.2001), но **積極的に話し掛けるのが好きな人もいれば、自分のことは人から尋ねられて初めて話すという人もいます。どちらが良いか、うまいかという問題ではない。 // Кто-то заговаривает сам, а иные открывают рот **только** когда/если их спросят. И дело не в том, кто лучше...** (газета «Ниси-нихон кэйдзай симбун» 30.07.2004) [12]

Виды контекстов употребления и вклада в смысл высказывания для рассмотренных наречий обобщены в таблице 1.

Таблица 1

Типы и черты условных значений, обозначаемых наречиями

	конкрет	генерал/ итерат	логич	иллокутивн	безусловн	вероятн	оцен
<i>moshi</i>	+	-	+	+			
<i>karini</i>	-	+	+	-		низ	
<i>tatoe</i>	-	+	-	-	+	низ	
<i>mangaichi</i>	+	+	-	-		низ	(-)
<i>soredemo</i>	+	+	-	+	+		
<i>hajimete</i>	-	+	-	-			+

Разобранный нами пример с «разложением» камбунного условного союза показывает, что в «полном» варианте японское предложение с условной связью стремится к насыщению операторами условности протазиса как справа (грамматическая концовка), так и слева (наречие), причём допускается и «перелив» такой экспликации условной связи в аподозис, как за счёт корреляционных (анафорических) союзов и (производных от них) наречий. Большой выбор средств определяет возможность тонкой нюансировки смыслов. Так, мы видели, что введение наречий позволяет, помимо уточнения собственно условного значения (тогда как грамматические средства работают также на временные отношения и топикализацию), выделить семантические компоненты снятия фактивности (*moshi*), гипотетического условия (*kari-ni*), дополнительного, периферийного условия в уступительном контексте (*tatoe*), маловероятного условия (*mangaichi*), необходимого условия (*hajimete*), а также выделяемого наблюдателем «сопротивления» действительности условиям в уступительном контексте (*soredemo*). Безусловно, адвербиальный способ маркирования определённых типов условных контекстов не является ни единственным, ни универсальным, что было показано на примере оператора допущения *kari-ni*, которое лишь создаёт условия, но не служит самим по себе средством разведения различных прагматических смыслов, выражаемых *to shitemo* или *ni shitemo* в дискурсе (инициативность предположения или реактивность – «даже если принять, что верно то что вы говорите»). К сожалению, не нашлось в корпусе и примеров в подтверждение данных, говорящих о способности модальных наречий «пересиливать» грамматику правого конца фразы (**もし近づいてみる、撃つぞ** = *Если только приблизиться, стрелять буду [8]). Местами, где имеет место пересечение и наложение значений, система кажется избыточной, местами – неполой. Однако, как мы имели возможность заметить, наиболее полная, даже избыточная экспликация оказывается востребованной в убеждающих контекстах. С другой стороны, ненужным оказывается маркирование альтернативной условной связи (*будь то А, будь то Б*), скалярной безусловности (*неважно насколько*), получающих в японском языке недвусмысленное выражение в специализированных грамматических средствах. В свою очередь, именно избирательная «зона ответственности» *moshi*, исключая генерализованную и логическую условность, делает возможным его использование в трансляции языковой вежливости. На этом относительно небольшом лингвистическом материале видно, что язык как орудие речи, предмет человеческой деятельности – «умная» система, в которой всё стремится не просто к формальной симметрии и «заполненности клеточек», а ещё и к осмысленности и практической оправданности элементов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алпатов, В.М. Теоретическая грамматика японского языка. В 2 т. / В.М. Алпатов, П.М. Аркадьев, В.И. Подлеская. – М.: Наталис, 2008. – Т2. – 264 с.
2. Ван Чуньхуэй Типологическая классификация условных предложений китайского языка / Ван Чуньхуэй // Вестник СПбГУ. – Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2010. – №2. – С. 174-185.
3. Маевский, Е.В. Учебное пособие по старописьменному языку (бунго) / Е.В. Маевский. – М, изд. МГУ, 1991. – 139 с.
4. Храковский, В.С. Типология условных конструкций / Отв. ред. В.С. Хабаровский. – СПб.: Наука, 1998. – 582 с.
5. Чиронов, С.В. Наречия в аргументативной структуре высказывания на японском языке / С.В. Чиронов // Японский язык в вузе: актуальные проблемы преподавания. Вып. 16. Материалы научно-методической конференции "Японский язык в вузе" (октябрь, 2016 г.) (отв. ред. Л.Т. Нечаева). – М., Ключ-С, 2017. – С. 213-228.
6. Чиронов, С.В. О двух адвербиальных модификаторах вопроса в современном японском языке / С.В. Чиронов // Электронный научный журнал. – 2016. – №1(4). – С. 219-237.
7. Ducrot, O. Dire et ne pas dire / O. Ducrot. – Paris, Heineman, 1972. – 238 p.
8. Mori, H. The Tripartite Function of Imperative Forms in English and Japanese. pp 37-48 [Электронный ресурс] / H. Mori. – URL = http://www.shotoku.ac.jp/data/facilities/library/publication/education-gaikoku48_04.pdf (дата обращения 11.02.2017)
9. Sweetser, E. From etymology to pragmatics / E. Sweetser. – CUP, 1991.
10. 網浜信乃. 条件節と理由節: ナラとカラの対比を中心に. 1990. [Электронный ресурс] URL = http://ir.library.osaka-u.ac.jp/dspace/bitstream/11094/56505/1/mrj_024_019A.pdf (Дата обращения 12.02.2017)
11. 工藤浩「副詞」『国語学大辞典』(Кудо Х. Наречие // Большой словарь японской лингвистики) 1980 [Электронный ресурс] URL = <http://www.ab.cyberhome.ne.jp/~kudohiro/adverb.html> (дата доступа 11.02.2017)
12. 現代日本語書き言葉平均コーパス (Взвешенный корпус письменных источников современного японского языка) [Электронный ресурс] URL = http://www.kotonoha.gr.jp/shonagon/search_form (дата доступа 27.01.2017)

13. ソッスユール F./小林英夫訳『一般言語学講義』岩波 (Ф. де Соссюр, пер. Х.Кобаяси «Лекции по общей лингвистике»: Токио, Иванами 1972. – 317 с.
14. 飛田良文・浅田秀子『現代副詞用法辞典』東京堂出版 (Хида Ё., Асада Х. Словарь употребления наречий. Токио, Токио-до) 1994. – 640 с.
15. 盛岡隆志「日本語モダリティ探究」くろしお出版 (Мориока Т. Исследования модальности в японском языке. Токио, Курошио) 2007. – 310 с.
16. 盛岡隆志「複文」くろしお出版(Мориока Т. Сложное предложение. Токио, Курошио) 2008. – 210 с.

Материал поступил в редакцию 01.03.17.

ADVERBIAL MARKERS OF CONDITIONALITY IN JAPANESE

S.V. Chironov, Candidate of Philological Sciences,
Head of Department of the Japanese, Korean, Indonesian and Mongolian Languages
Moscow State Institute of International Relations, Russia

Abstract. *This paper represents a corpus-based review of semantic and pragmatic features of Japanese adverb markers of conditionality. Our analysis points at a complicated, non-linear distribution of the features marked by them (some crossing areas) including hypothetical character, (low)probability, (un-)desirability, necessity of condition or independence thereof. Special attention is paid to some traces of interlinguistic influence (particularly Sino-Japanese) in the formation of discursive qualities of the adverbs.*

Keywords: *Japanese language, adverb, corpus data, conditionality, argumentation, factivity.*

Для заметок

ФИЛОЛОГИЯ

Международный научный журнал

№ 2 (8), март / 2017

Адрес редакции:
Россия, г. Волгоград, ул. Ангарская, 17 «Г»
E-mail: sciphilology@mail.ru
<http://sciphilology.ru/>

Учредитель и издатель: Издательство «Научное обозрение»

ISSN 2414-4452

Редакционная коллегия:
Главный редактор: Мусиенко Сергей Александрович
Ответственный редактор: Маноцкова Надежда Васильевна

Дмитриева Елизавета Игоревна, кандидат филологических наук
Анимова Ольга Константиновна, кандидат филологических наук
Атаманова Наталья Викторовна, кандидат филологических наук

Подписано в печать 14.03.2017 г. Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Заказ № 25.